

КОНКОРДИЯ АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ II

ЗОЛОТОЙ
ФОНД ЭЗОТЕРИКИ

Золотой фонд эзотерики

Конкордия Антарова

**Две жизни. Мистический
роман. Часть 2**

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Мистический роман. Часть 2 / К. Е. Антарова —
«Эксмо», 1993 — (Золотой фонд эзотерики)

ISBN 978-5-699-93178-1

Каждый том этого романа можно рассматривать как самостоятельное произведение. В этом романе есть все – захватывающий сюжет, интрига, мелодрама, мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования. Но помимо всего, тут есть нечто, что превращает его в подлинный источник духовной мудрости Востока, а именно – изложение основ философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека. Приключения героев второй части романа К. Антаровой вновь связаны с борьбой добра и зла, а также поисками нелегких путей к самопостижению. Захватывающая интрига романа разворачивается на фоне семейной драмы одного из аристократических домов Лондона. Молодой талантливый лорд попадает в сети коварной обольстительницы; после женитьбы его мечты об артистической карьере рушатся, а сам он, будучи воплощением добра, тем не менее всю жизнь несет на себе ярмо зла, поселившегося в его собственном доме... Как и первый том романа, эта книга читается на одном дыхании и станет лучшим подарком ценителям подлинных нравственных ценностей и бессмертной мудрости Востока.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93178-1

© Антарова К. Е., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	40
Глава 3	50
Глава 4	60
Глава 5	70
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Конкордия Антарова

Две жизни. Часть 2

© Миланова А., комментарии, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Бегство капитана Т. и Наль в Лондон и их свадьба

Наль спешно покинула сад возле дома ее дяди Али Мохаммеда, и в сопровождении двух слуг, одним из которых был ее двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда еще не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдет. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, ее подавляли гаремные традиции, а с другой, она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым ее, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование ее старой тетки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переделалась в костюм, приготовленный для нее дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блеснули слезы.

– Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал – так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жены капитану Т. – значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создает тебе другую жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет – верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нем не напоминало маски того полумертвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подает капитану цветок.

– Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек Наль в руки, завернувшись в ее покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев ее в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как ее выдают ее косы, Наль не дала изумленному капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав ее еще в легкий шелковый плащ сверху, капитан сказал:

– Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним – муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

– Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу – это верность дяде и вам, – спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

– Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, – шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

– Перейдем на английский язык, Наль. Теперь вы – жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль, – и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

– Как это приятно, – засмеялась Наль. – Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

– Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я – муж и первый раб – удостаиваюсь разговора. Ваш дядя – нечто вроде секретаря – второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга – третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришел посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придет ее проведать. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у нее было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

– Графиня желает написать несколько писем, у нее бессонница, – сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошел в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: – Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнете у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе – как это делал уже много лет – проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Все ее поражало. Дяде пришлось объяснять ей все устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

– Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, – говорил дядя-слуга.

– А как туда доедем?

– Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

– Как? Семь дней будем ехать морем? – с удивлением сказала Наль.

– Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придется капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, – смеялся дядя. – Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

– Нет, дядя, спать невыносимо. Я могу лечь, если ты желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно

ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окруженного виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

– Говорила, что спать не сможет, – лукаво улыбаясь, шепотом сказал лорду Т. секретарь. – А вот и непривычная тряска, и стук колес – все молодости нипочем.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль все спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо закрыл щелку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный луч, и снова сел на свое место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Черные длинные ресницы бросали тень на розовые щеки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Еще вчера он считал невозможным не только быть соединенным брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от нее. А сегодня он едет с нею, получив ее из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя ее перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несет ответственность за две жизни?» – думал капитан.

Отдавая ему Наль в жены, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, – продолжал свои мысли капитан, – выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

– Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, – проснувшись, сказала вдруг Наль. – И знаешь, очень странный мне снился сон. Я все время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

– Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

– Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? – огорченно сказала девушка.

– Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюбленных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гример я хороший. Но критиковать вашу прическу – берусь.

– Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

– Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку – не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

– Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

– Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая – после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

– Как же это все постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? – с уморительной детской серьезностью спросила Наль.

– Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдете, среди уложенных вам в дорогу вещей, какие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

– Как странно. У нас именно в дорогу и надевается все самое драгоценное, – ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

– Ну вот, я готова, – услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы ее были гладко причесаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетенных в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль все время прощупывать рукой, на месте ли ее косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем – ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив ее, что все в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать ее в коридоре.

Мысли о Левушке – до сих пор его единственным близком спутнике жизни и путешествий – пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира. Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», – снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в ее купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчет этой стороны дела, все подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия приходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и все окружающее перестало ее удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней, доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряженные мысли на ее лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что ее лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шепотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

– Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

– Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи – это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы еще увидите много народов и всех красот, ими созданных,

познакомитесь с их жизнью и сможете, если захотите, воплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать все сразу. Сейчас помните только, что вы – знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул ее дядя.

– Если бы здесь был дядя Али, – прошептала Наль капитану, – он рассказывал бы мне обо всем и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

– Упрек ваш мне тяжел, Наль. Особенно тяжел потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

– Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, – я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены, которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

– Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, – подошел к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. – Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, – кидая восхищенный взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. – Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

– Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а мое место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

– Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в течение всего нашего пути, – ответил, снова галантно кланяясь Наль, капитан парохода.

– Как же мы с вами поедем вместе в одной комнате, капитан Т.? – подавляя волнение, сказала Наль.

– Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы еще не знаете, как будете выносить качку, ваш дядя ее переносит плохо. Если окажется, что вы плохо переносите качку, то будет лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

– Мне очень страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? – тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

– Нельзя, немыслимо быть такой прекрасной, Наль. И я даже не могу сердиться на этих людей, которые – от матросов до капитана и от юношей до стариков – как ошалелые смотрят на вас. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как я это делаю сейчас, я бы вел себя точно так же. А потому не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

– Услышать это от вас сейчас – большая поддержка для меня. Мне так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи, как у вас. У нас все иначе между мужем и женой. Я думала, что вы уже недовольны, что уехали со мной.

– Когда мы очутимся в каюте, а не здесь на ветру, вы мне все расскажете, что надумали, Наль. А пока укройтесь, пожалуйста, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы непривычный ветер не испортил вам кожи.

– Или непривычная ревность не испортила сердца вашему мужу, – низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. – Ваши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, ваши друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельем и платьем, которые тоже уже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам шел уже навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил их до каюты.

– Вот так красавец-мужчина, – сказала своей подруге разряженная дама.

– Всю жизнь прожил – подобной живой красавицы-женщины и представить себе не мог, – говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой в руках.

– Ну вот, придумали, – возразила дама. – Муж – это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена – смазливенькая, каких много.

– Это возмутительно, что вы говорите. Рост, пропорциональность, крошечные ручки и ножки, свежесть кожи – ну а уж глаза – это само небо, – продолжал франт.

Тем временем, как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

– Немедленно ложитесь в постель, – сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. – Вам сейчас помогут лечь. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдет. Но вряд ли вам придется своей красотой побеждать сердца попутчиков за табльдотом. Думаю, самое большее, вы доконаете капитана, сидя в кресле на палубе в тихие дни.

– Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы больше ни разу не взглянули на меня за это время.

– Напротив, Наль, я все ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А, видит Бог, было еще много, о чем думать.

– Неужели вы уйдете на этот ужасный табльдот и оставите меня одну?

– Нет, конечно. Я сейчас поищу в вашем сундуке, там, наверное, найдется какой-либо очаровательный халат. Вы снимете свое платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей Бороды. Но прежде всего я велю принести апельсинов, а вот вам в помощь идет девушка.

– О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу, ванну и постель – тоже. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово всегда сама. Я вижу, как это плохо – быть приученной иметь семь нянек.

Капитан Т. отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал ей прелестный теплый халат. Бедняжка страдала от северного лета и ветра. Как ни помогали ей лекарства, но все же ей пришлось пролежать все путешествие, изредка сидя в кресле на палубе в солнечные дни.

– Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то все мне кажется уютным, даже этот шум ливня, – говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа ее ручки в своих и стараясь помочь ей переносить тяжелую качку.

– Мы встретим в Лондоне одного друга дяди Али, Флорентийца, – сказал однажды капитан.

– Флорентийца? Это что? Его имя?

– Так его все зовут, а имени его ни я, ни кто другой не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймете, что такое красота.

– Это очень странно. Дядя Али – красавец. Али Махмуд – красавец, еще лучше. Вы, – зарделась Наль, – всех лучше. Разве можно быть красивее вас?

– Я спрошу вас об этом в Лондоне, – засмеялся граф, – после встречи с Флорентийцем.

Наконец мучениям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подошел к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и совершенно здорового графа Т. Загар с его лица почти сошел от постоянного сидения в каюте с больной женой, недомогание которой выражалось в такой слабости, что к концу путешествия

она уже не могла вставать... От этого его лицо, блондина с вьющимися светлыми волосами и темными, очень красивыми дугами бровей, только выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока он за ними не вернется вторично, граф подошел к самому парапету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выражалось. Но когда половина пассажиров уже сошла, внезапно лицо его просияло и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, он быстро прошел в свою каюту. Оставив в ней своих секретаря и слугу, граф пошел попрощаться с капитаном и попросил разрешения оставить на четверть часа в своей каюте больного секретаря со слугой, пока он не посадит в кеб жену и не вернется вторично за своими спутниками, столь ослабевшими, что без его помощи они не смогут добраться до гостиницы.

Получив не только разрешение, но и полное сочувствие и предложение всякой помощи, граф укутал жену в плащ и понес ее на руках на берег.

– Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но, как ни спешил, тебе все же пришлось ждать меня, – услышала Наль английскую речь очень приятного, мягкого по тембру, довольно низкого голоса.

– Поверьте, я ждал бы до самого конца разгрузки парохода, раз вы приказали мне ждать вас здесь.

– Это на тебя похоже! Во всем, всегда и везде можно быть уверенным, что ты все выполнишь точно, раз приняв приказ, – снова сказал тот же голос. – Не тревожься о Наль, дай мне ее на руки и веди своих инвалидов. Видишь у сквера зеленую карету? Веди их прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки подняли ее. Ей показалось, что человек, взявший ее на руки, ростом много выше Николая, как назвал незнакомец ее мужа. Ей хотелось сначала запротестовать и сказать, что она вовсе не так уж слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но, едва коснулись ее руки незнакомца, неизъяснимое чувство счастья, почти блаженства, охватило ее.

– Отец, – невольно прошептала Наль. И – точно незнакомец подслушал шепот ее уст и сердца – его сильные руки еще нежнее охватили ее. Совсем как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тетки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя под надежной защитой. Ей теперь даже не надо было видеть того, к чьему сердцу она так доверчиво приникла, – она чувствовала себя слитой с ним еще крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и тронулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую, широкую улицу и остановились у подъезда двухэтажного особняка, окруженного садом с цветниками.

– Доверь мне донести твоё сокровище до комнат, отведенных тебе и ей, – обратился Флорентиец к Николаю. – А ты проводи своих друзей в две комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три-четыре они проспят и после этого смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса – на них и иди.

Легко, как будто Наль была куклой, Флорентиец вышел из экипажа, держа ее на руках, сказал что-то на непонятном ей языке кому-то, очевидно, слуге, и пошел вверх по лестнице.

Наль было стыдно, что ее несут как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые познанной любви к отцу заставляло ее сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро будет комната, где ее поставят на ноги.

Положив ее на диван, Флорентиец, смеясь, снял с ее головы часть плаща и ласково сказал:

– Теперь посмотри на того, кого ты в мыслях уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твое угадало раньше уст?

– О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! – прикрывая глаза рукой, сказала Наль. – О, отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковер и припала к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у ее изголовья.

– Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить полною любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын. И, называя меня отцом, ты только берешь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфетку, и через час ты будешь бегать не хуже, чем в саду дяди Али. Можешь ли ты объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила свое право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу не назвала отцом.

– Это очень странно, отец. Действительно, все, что до сих пор я имела в жизни, – все от дяди Али. Все через него. Все – его заботами и даже борьбой и подвигом. Все, все, – зардевшись, говорила Наль, – и... капитан Т., которого ты зовешь Николай, и даже встреча с тобой, отец, – все только от него, от дяди Али.

Но выразить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то что смешана со страхом, но... От него исходит такая сила. Он для меня так недостижимо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я все время чувствовала, что между мною и им стоит огромная гора света, и проникнуть за нее я не могла. А когда встретила тебя, отец, то, даже еще не видя, уже почувствовала, как мне просто и легко с тобой. Если теперь ты меня оставишь – я жить уже не смогу. Даже любовь Николая, если бы он любил меня, – горько вздохнула Наль, – меня не удержала бы на земле без тебя.

– Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В чем ты сомневаешься?

– Нет, отец, я ни в чем не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда – значит, здесь и есть моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем – муж и жена. Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

– Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

– Никто не говорил. Только видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром тетка все время объясняла мне, как муж обращается с женой, если он ее любит. Но...

– Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, которые ты вынесла из гаремной жизни. Немного времени пройдет, и ты поймешь всю силу любви и преданности Николая тебе. Целую вереницу жертв Николай принес ради тебя, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и открыта, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь твоя и Николая нам, прежде всего, заключается в той новой, освобожденной семье, которую вы оба должны создать. Ну, вот и муж твой. Сюда, Николай.

Приподняв портьеру, на пороге показался Николай.

– Ну конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

– Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы назвать вас как-то иначе, как зовет вас Левушка. Но я буду звать вас так, как зовет отец, в честь его, в постоянную память о нем. У меня в ушах будут звенеть два голоса – его и мой собственный – каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

– Все это хорошо, дочь моя, у нас времени впереди много, мы еще обо всем поговорим. А сейчас тебе надо привести себя в порядок, принять ванну. Потом надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил тебе девушку-горничную. Она этой профессией никогда раньше не занималась, но жизнь ее затрепала. У нее старушка мать и мальчик брат, которого

надо учить. Найти же в Лондоне хороший заработок, чтобы содержать двух человек одной женщине, – почти невысказано. Я взял ее к себе, чтобы куда-либо пристроить. Теперь, я думаю, лучше, чем к тебе, ее и не пристроишь. Она знает языки, знает все правила этикета, у нее много вкуса. Она будет тебе полезна. Я ее сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела. Тут в комнату вошел один из слуг хозяина дома, прося у Николая указаний, как разместить привезенные с пристани вещи.

Спустившись с лестницы, Флорентиец вошел в чудесную комнату с балконом, обитую зелеными шелковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал:

– Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду послышались поспешные шаги, и на дорожке к дому показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату Флорентийца.

– Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Ты сама знаешь, как много и при этом радостно Ананда для тебя сделал и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, увязла в чувстве горечи. Знаешь, как тяжела теперь для тебя жизнь, ставящая тебя все время в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу жизнь выбивает из тебя все крючки зависти и ревности.

– Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась моего руководителя Ананды. Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что нанесла ему, моему милосердному поручителю, удар своими стрелами страсти и зависти... Но в вашем доме жизнь – более чем счастье. Мое сердце чисто. В нем теперь нет ни зависти, ни пристрастия, ни осуждения людям, я жду только, когда вы поверите до конца моей верности и укажете труд, который вы обещали мне дать. Я должна в этом труде доказать вам свое новое понимание счастья жить, служа вам, и этим снять с Ананды ответственность за себя.

– Уверена ли ты, что всякий труд, который я укажу тебе, ты будешь исполнять радостно? Что в тебе не проснутся опять гордость и чувство униженности или зависть и ревность к чужой блестящей жизни?

– Я уверена. Уверена даже не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинной любви к человеку, проснувшейся во мне.

– А если бы я предложил тебе стать слугой у юной, прекрасной, как мечта, женщины? Служить ей горничной и даже нянькой, потому что она неопытна, как дитя. Быть ей незаметно наставницей в манерах и одежде, потому что она азиатка, и не только не знает света, но и вообще не видела европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

– Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась бы к нему.

Долго, долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самых глубин ее души проникал его взгляд и читал в ней не только ее теперешнее состояние, но и всю ее будущую жизнь и возможности. Наконец он встал, улыбнулся и сказал ей:

– Слово твое сейчас – твоя подпись в веках. Я даю тебе свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, – это надежда не только моя, но и многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она вначале к тебе, и будет ли вообще.

– Я буду великодушна к ней. Благословите меня, Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни стремилось проникнуть в меня зло.

Дория опустилась на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую руку.

– Пойдем, она ждет, – сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория отерла влажные глаза и казалась удивленной.

– Да, это здесь, в моем доме, и тебе никуда уезжать не надо.

– Какое счастье! – радостно воскликнула Дория.

Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

– Привыкай к роли служанки-горничной и учись ходить позади своих госпожи и господина.

Войдя к Наль, он подвел к ней Дорию и сказал:

– Вот горничная, что я тебе обещал, дочь. Ее зовут Дория.

– О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, – подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей всей верностью, как только сумеет.

– О, Дория, как огорчили вы меня. Зачем вы поцеловали мне руку? Я возвращаю вам поцелуй, – и, раньше, чем кто-либо успел опомниться, Наль поцеловала руку сконфуженной Дории.

– Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня понимать, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю. Отец, я уже успела осмотреть комнаты, которые вы отвели мне. Куда мне столько комнат? Можно Дории жить в прелестной угловой комнате, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

– Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай, как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро забереешь в плен, – шутил Флорентиец. – Но времени теперь не теряй. Готовься и приходи завтракать по звуку гонга. Он дается за четверть часа до каждой еды.

С этими словами хозяин дома ушел, уводя с собой Николая.

– Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться по вашим правилам, я не понимаю.

– Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я усажу вас в нее и вернусь выбрать подходящие туалеты. Вы наденете тот из них, который вам больше понравится. Если же не понравится ни один, вы примиритесь с ним пока, а потом мы поедem в город и купим все, что будет нужно.

– Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе как по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как делается в нашей стране. Если же по требованию здешних приличий надо меня величать титулом, то делайте так только на людях.

По выходе из ванны, освеженная, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с восторгом ребенка рассматривала приготовленные ей Дорией три платья.

– Эти все годны для завтрака, – сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. – Господи, как вы прекрасны, – сказала она, распуская ее роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и подошедшей Дории восточный слуга сунул в руки узелок, завязанный в чудесный персидский шелковый платок.

– Для Наль, – сказал он и ушел.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными наконечниками на концах, отрезанные ею в комнате капитана Т. в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

– Что это? Это точь-в-точь ваши вьющиеся волосы.

– Они самые и есть. На них не налезала шляпа, да они и выдали бы меня своей длиной. Даже у нас, где много женщин с хорошими волосами, мои косы до полу всех удивляли. Вот я их и отрезала, – спокойно беря косы, ответила Наль.

– И вам не жаль было лишиться себя такой исключительной красоты?

– Ах, Дория. Красота – это так условно. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть еще и божественно прекрасна.

– Да, – засмеялась Дория, – я согласна, что вы божественно прекрасны и никакая богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы все гонги пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны ее вьющихся волос, Дория укрепила в волосах большой гребень из желтой черепахи, отысканный в ее вещах, и такие же шпильки, отделанные мелкими бриллиантами. Наль стала выбирать платья.

– У нас надевают много халатов один на другой. По вашему обычаю, нельзя надеть их все три вместе? Они так прекрасны.

– Нет, никак нельзя, – смеясь, разводила руками Дория. – Надо решиться на какое-нибудь одно.

– Как жаль, – так серьезно сказала Наль, что Дория снова покатила со смеху. Наль вторила ей и, наконец, выбрала и надела платье из золотистого мягкого шелка, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выходящая из едва открытого ворота, короткие рукава – все изменяло Наль до неузнаваемости.

– Я вижу, вернее, слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти?

– Ах, нет, никак! – закрывая обнаженную шею руками и ища, чем бы прикрыть голые руки и фигуру в обтягивающем платье, вскрикнула Наль, узнав голос Николая.

– Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, – входя, удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая все так же шею, с полными слез глазами стояла перед ним.

– Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чем дело? Я только что хотел сказать вам, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слезы расстроили меня, я даже забыл, с чем пришел.

– Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдется. И чтобы первый завтрак прошел весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, – появляясь во фраке и открытом белом жилете, блистая красою, сказал Флорентиец. – Тебе неудобно и неловко в доме отца, каким ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, быть с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к ее чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придется бывать в большой толпе с открытыми плечами. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты несносна злу. Оно бежит от нее. Надо в себе иметь что-либо злое, чтобы зло могло тебя коснуться.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зеленый камень и бриллиант на тонкой цепочке из этих же мелких камней.

– Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али – камень силы. Зеленый даю тебе я – это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и головку со слезами в глазах и улыбкой на устах. Рядом с величественной, громадной фигурой Флорентийца, на прекрасном лице которого отражались мир и гармония, она была похожа на ребенка.

– Возьми мою руку, как тебя обучил этому Николай, и пойдем в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. Если количество блюд за завтраком будет тебя смущать или ты не будешь знать, как их есть, посмотри, что делаю я или Николай – мы оба постараемся показывать тебе все фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы, кроме тебя одной, этого никто не замечал. Пользуясь правом хозяина дома, я буду тебе накладывать первые блюда сам. А затем, когда ты поймешь, как это делается

по здешним требованиям, ты, возможно, сама захочешь рискнуть и сделать это для меня или для мужа.

Сойдя с лестницы, Флорентиец ввел Наль в свою зеленую комнату.

– Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько же, как у Николая.

– Гораздо больше. Здесь, подальше, есть одна из лучших библиотек, какую можно встретить в частном доме, Наль, – сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и один за другим вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин приветствовал очень сердечно и, взяв их обоих под руки, подвел к Наль.

– Позволь тебе представить, Наль, моих двух друзей. Это – лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сатананда. Для тебя – просто Сандра. Он еще мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы. Моя дочь, – закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, человек на вид лет под тридцать, плотный, серьезный, с большими, добрыми и проницательными глазами, приветливо улыбался. Низко кланяясь, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отошел. Он был, видимо, поражен и красотой Наль, и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, о чем он раньше не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, черными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдержать смеха при упоминании о куклах. И зубы его, белые на смуглом лице, сверкали, точно мраморные.

– Простите, графиня, но ваш отец заставил меня сразу выскочить из всех рамок установленных приличий, которым меня так долго и терпеливо обучает мой друг, лорд Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза – простите. – И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя с ним очень просто.

Гонг ударил вторично, Флорентиец подошел к Наль и повел ее к столу. Стараясь как можно увереннее идти, Наль не могла скрыть удивления, когда они вошли в столовую, где высокие стены и потолок были из резного темного дерева. Флорентиец подвел Наль к длинному столу, где стояли приборы только на одном конце стола, и посадил ее на место хозяйки, на узкой стороне стола. Поклонившись Наль, он занял место по правую ее руку, по левую руку сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

Оказавшись в первый раз в жизни в обществе мужчин не только без покрывала, но еще с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней ее верные защитники, которым она вручила добровольно свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, как бы скорее перенять все и облегчить их заботы о ней.

– Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? – услышала она голос Флорентийца.

– Из рук вон плохо, – сверкая снова всеми зубами, весело смеясь, ответил индус.

– Неужели все еще бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки по лестницам и не помнишь, из какой рюмки какое вино надо пить?

– О, много хуже, лорд Бенедикт, – ответил Сандра, немало удивив Наль таким обращением к Флорентийцу.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей так недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но ответа на ее немой вопрос он никакого не дал.

– Мои таланты к усвоению внешней галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни ввел, я в том доме непременно оскандаюсь и уже вторично не рискую и являться, что немало печалит меня, – со вздохом признался Сандра.

– Зато таланты моего молодого друга в науке настолько поразительны, – вмешался лорд Мильдрей, – что он сразу перепрыгнул через два курса и сдал недавно работу, которую весь профессорский синклит счел гениальным произведением.

– Я вам многим обязан, граф, – сказал Сандра, обращаясь к Николаю. – Обе ваши книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя ваша брошюра о технике и математике, в связи с движением механики по неизбежным законам математики, дали моей теме такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать одному похвалы за свою работу. В предисловии я упоминаю об источнике моего вдохновения, то есть о вас.

Удивление Наль возрастало непомерно. Легкое прикосновение руки Флорентийца вернуло ее на землю.

– После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном моем молодом друге, имя которого Левушка. И объясню, чем ты мне сейчас его напомнила, – тихо сказал Флорентиец Наль, пока между Николаем и Сандрой шел ученый разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

– Все же ты мне не объяснил, за что тебя не пускают вторично в приличные дома.

– Ах, лорд Бенедикт, это целая трагедия. Только что лорд Мильдрей толковал мне, как надо кланяться дамам издали. Идти за ними надо осторожно, чтобы не оборвать оборок на их шлейфах, и так далее. Я все это учел как следует, довел свою даму до места и подал ей чашку чая. Начал я с нею, по моему суждению, самый светский разговор, как тетка нашла его мало приличным, под села к нам, чтобы направить нас на самые модные темы, и ввернула под мои ноги свой несносный шлейф. Ну, конечно, когда я встал с места, ее юбка отскочила от пояса, это было так смешно, что я и многие другие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника ее платья заключалась в булавках у пояса?

– Он, видите ли, лорд Бенедикт, завел с ее дочерью разговор о курицах и телятах, – снова вмешался лорд Мильдрей. – Ну, сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе.

Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на месте ее юбка, чем насмешила все подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, которой Наль еще не видела, она удивилась тому, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти одного тона с ее платьем.

Флорентиец предложил Наль самой подать всем гостям маленькие чашечки кофе. Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнула:

– Клянусь всеми богами Востока, что, если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, познакомив с вами как с его дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

– Я тебя еще больше удивлю сейчас, – поглядев серьезно на Наль, сказал Флорентиец. – Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всяких пышностей, толпы и оповещения. Ты говорил мне, что у тебя завелся поклонник твоей мудрости – пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о чем нас не расспрашивая, не требуя оглашения?

– Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

– Для ускорения дела садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора сюда. Здесь он увидит сам жениха и невесту...

– И не устоит против чар невесты, – смеясь, перебил Флорентийца Сандра. – Еду, ручаюсь, что привезу пастора.

Отдав общий поклон, Сандра вышел.

– Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? – спросил второго гостя Флорентиец.

– Сочту большим счастьем присутствовать при соединении двух людей такой красоты. Я думаю, что, если бы я мог прожить еще десять жизней, второй такой свадьбы я уже не увидел бы, – ответил лорд Мильдрей.

– Вы совсем переконфузили Наль, – рассмеялся хозяин.

Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Казалось, она даже не слышала, о чем говорили вокруг.

– Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо мое, конечно, не успеет до завтра к нему. Но все же я хотела бы ему написать.

– Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно твое очаровательное общество, уж так и быть, мы перенесем часа два-три разлуки. Ты можешь не торопиться, пастор живет на другом конце Лондона, и одной дороги к нему минут сорок.

С этими словами Флорентиец проводил Наль до двери и открыл ее перед ней, кланяясь и улыбаясь ей.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством помещавшихся в них вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ряд красивых платьев, она сразу перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо Али.

«Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить. Но также знаю, с раннего детства знаю, что, если только я всем сердцем тебя зову, ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои черные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, – ты поймешь все, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что, выращенная, воспитанная, скажу прямо – созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я – это для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во всем точно где-то сбоку возле тебя. Я – часть тебя. Меня немислимо оторвать, потому что сердце мое слилось с твоим, а образ твой – он как бы сверкает у меня между глаз, я будто ощущаю его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея все в жизни от тебя, через тебя, все – от детства и защиты в нем, до любви и мужа, – я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки – и сердце мое утонуло в блаженстве и сказал: “Отец”.

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали еще одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала “отец”, я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно я сейчас вижу тебя в твоём саду, точно я рядом с тобой, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя – я ее чувствую – трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала за мужем, которого ты мне дал. Я все это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из нее для меня исчез бы тот, кому я сказала “отец”, – я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, той силой, что лилась и льется в меня сейчас от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно я взяла у тебя кусок жизни, врезалась в нее, а возвращаю тебе часть любви, а не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня – все, вся суть жизни. Если бы ушел из жизни ты, я ушла бы даже не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы я себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни – это он. Тот, кому я сказала “отец”. Не знаю, поймешь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В нем, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет

от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: “Дядя Али, убери свой свет, он меня ослепляет”. Его свет я не только выношу – он мне несет блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его сила дает мне уверенность в защите. Но и это еще не все, мой друг, мой обожаемый дядя Али. Ты дал мне мужа, того, кого я после тебя любила больше всех. Я ехала легко, я думала, что им тоже любима. Если и не так любима, как любят женщин у нас, то все же любима. Но этого, дядя, нет. Отец сказал сейчас, что завтра будет наша свадьба. А я не плачу только потому, что помню, как, расставаясь со мною, ты мне сказал: “Там твой путь”.

Сила твоя – о, как я ясно вижу тебя сейчас, как ласково ты улыбаешься мне, – вошла в меня. Я маленькая женщина, я ничего еще не знаю, но сила твоя, верность твоя живут во мне и будут жить до смерти. Ты пойми, дядя Али, мой дядя-создатель. Я не протестую, но я чувствую себя навязанной мужу.

Отец сказал, что помощь моя тебе, ему и многим будет заключаться в той новой, освобожденной семье, которую я и Николай должны создать. Я знаю, что такое закрепощение в предрассудках. Знаю уродливую семью, где выросла сама. Думаю, что знаю, как должны создаваться радостные, гармоничные семьи. Но для этого нужны двое. Для этого нужна любовь обоюдная. А Николай меня не любит. Он не только не прижал меня к сердцу ни разу, он даже не поцеловал меня, не обнял, не приласкал. Он точно боится меня и говорит мне “вы”.

О, дядя, вдохни в меня уверенность. Моя верность тебе и данному тобой завету поколебаться не может: она живет в тебе, я ее черпаю в тебе, я часть тебя. Но что толку держать верность в сердце и не уметь действовать каждый день именно так, как надо...

Я знаю теперь, я поняла все, что ты сейчас мне говоришь, дядя, дядя, я услышала все, что ты сказал! Какое счастье, что я теперь понимаю, что ты послал меня к отцу сюда! Да, да, теперь я буду знать, как мне завоевать любовь мужа, как мне создать семью. Он – отец – научит меня, и ты об этом знал. О, это снимает бремя с моей души. Я не могу вообще выносить ни в чем компромисса или двойственности. Меня так мучило, что ты можешь подумать, будто где-то, краешком сердца, я изменила тебе.

Я ношу в своем сердце скорбь о горе Али Махмуда. Но, видит Аллах, я ему ничем и никогда не подала надежды. Напротив, я ему доверила тайну моей любви к капитану Т. Он ей не верил и шутил, называя его принцем из сказки.

До свидания, дядя. Я снова твоя счастливая Наль. Я уже не буду горевать, я буду стараться действовать просто. Теперь, когда я вдруг увидела тебя, услышала твои слова, я знаю, как, где и у кого спрашивать совета, если отец не сможет мне его дать. И мне легко, я знаю, как тебя позвать. Я буду садиться за письмо к тебе – и увижу тебя в твоём саду, а потому буду всегда твоей счастливой Наль».

В дверь постучали, и Николай вошел звать Наль знакомиться с пастором.

– Бог мой, что с вами, Наль? Вас точно подменили. Вы уходили такая печальная, а сейчас, право, вы точно пропитались светом и гармонией в саду Али.

– Это верно. Мои детские горести рассеял дядя Али. Его сад, где были мои мысли, развеял этот противный туман. А если бы вы разрешили мне надеть еще какой-либо шарф, мне было бы и удобнее и теплее. Здесь мне все время холодно.

Николай позвонил и приказал Дории подать графине какой-нибудь теплый шарф. Через минуту он проводил свою закутанную в белую шаль супругу обратно в гостиную.

– Ну вот, вы видите перед собой теперь обоих моих детей, – сказал Флорентиенц, подводя к пастору Николая и Наль.

– О да, ваши дети подходят друг другу. Признаться, когда мой оксфордский приятель рассказывал мне о красоте невесты, я ему не очень верил, потому что о женихе он мне сказал: «Такого ученого, красавца, мудреца и воспитанного человека мог найти своей дочери только лорд Бенедикт. Это надо выдумать в романе такую пару, и то в романе восточном, а не англий-

ском». Но так как Сандра бредит Востоком – я не особенно ему поверил. Теперь же я рад соединить ваших детей хоть сейчас.

Пастор был высокого роста, седой, но со свежим и молодым лицом. Необыкновенная доброта сквозила на его умном лице и в синих глубоких глазах. Он сел напротив молодых людей и, соединив их руки, сказал:

– Я уверен, что через двадцать лет, стоя во главе большой семьи, вы будете примером своим соседям и будете все так же влюблены друг в друга.

На лице Наль появилось такое явное замешательство, что добрый старик, устремив на нее пристальный взор, тихо спросил:

– Вы любите своего жениха?

– О да, очень, и давно, – не колеблясь, ответила Наль.

– Давно, значит, с детства. Вам не может быть более шестнадцати лет, хотя ваш туалет и делает вас солиднее. А вы, вы любите вашу невесту?

– О да, очень, и давно, – повторяя в точности ответ Наль, сказал, улыбаясь, Николай.

Быстрый как молния взгляд, брошенный на Николая, вспыхнувший на лице Наль румянцем, сменившийся бледностью, заставили на мгновение задуматься пастора. На его добром лице выразилось огорчение. Он еще раз взглянул на прекрасное, дышавшее честью лицо Николая, и внезапно его собственное лицо просветлело.

– У вашей дочери, лорд, вероятно, нет матери? Не разрешите ли вы мне переговорить с нею несколько минут без свидетелей?

– Я буду вам очень благодарен. Если вы заметили в сердце Наль какое-то замешательство, вам будет легче венчать ее, если вы уверитесь в ее любви к будущему мужу, – ответил Флорентиец.

– Нет, у меня нет сомнений, лорд. Но женщина, вступая в брак по любви, должна быть спокойна и уверена и в себе, и в муже. Я думаю, тут есть маленький детский страх, который я сумею рассеять.

Флорентиец открыл дверь в соседнюю комнату и, пропустив туда Наль и пастора, закрыл за ними дверь. Как только они переступили порог комнаты, оба замерли от удивления и какого-то особого чувства мира и благоговения. Комната была вся белая, обтянутая белой материей, блестящей, как шелк, и похожей на замшу. Там был пол из белых и золотых плит, походная кровать, обтянутая такой же материей, как стены, и на ней две звериные шкуры. На белом столе высилась зеленая высокая ваза с букетом лилий.

– Как здесь дивно. Здесь все как сам отец, – прошептала Наль.

– Надо и вам быть всегда таким вот храмом для вашего мужа и детей. Ваш муж сейчас относится к вам как к святыне. А вы думаете, что он вас не любит. Идите, дитя, ваш жизненный путь – как эти лилии, на которые вы похожи чистотой и красотой. Здесь, в эту минуту, я венчаю вашу душу с душой вашего мужа. Берегите его. Ему много предстоит испытаний. Охраняйте его. Неся по жизни бремя красавицы-жены, не каждый смог бы пронести сердце без ревности и подозрений. Ваш муж не мог бы перенести ни мгновения вашей неверности. Будьте честны до конца, бдительны и добры. Остальное придет.

– Я поняла вас. Я буду думать о муже, а не о себе. Отец и он помогут мне создать семью. Я благодарна вам. Теперь я знаю, я спокойна.

Точно чувствуя, что пора открыть дверь, Флорентиец встретил на пороге Наль и пастора. Если лицо Наль Николай назвал преображенным, когда пришел за ней наверх, то теперь оно сияло так, что у экспансивного Сандры вырвался не то стон, не то крик. Наль бросилась на шею Флорентийцу, который поднял ее и прижал к себе. Опустив ее на землю, улыбаясь и указывая на Николая, он сказал:

– А его разве не обнимешь?

– Завтра, – по-детски прижимаясь к Флорентийцу, закрываясь шарфом, сказала Наль.

Лицо Николая вдруг стало смертельно бледно и напряженно. Он обрадовался родственнику Наль, которого Флорентиец тут же представил гостям.

– Наконец-то я пришел в себя. Море меня уложило, а этот холод заставляет кровь стечь в жилах.

– Это легко поправимо, – любезно ответил хозяин и приказал развести в камине огонь, чем обрадовал Наль и Сандру, к удивлению северян, которым было жарко.

Пастор подошел к Флорентийцу и, условившись о часе венчания, дав точный адрес церкви, пожал руки влюбленным и вышел, провожаемый хозяином.

Как ни хотелось Наль поговорить с Николаем и рассказать о дивной комнате Флорентийца, она инстинктивно почувствовала, что обязана занять гостей до возвращения отца. Поблагодарив Сандру за его хлопоты, она выразила удивление, как у него, такого юного, может быть такой пожилой друг, как пастор.

– Все мои попытки найти себе друзей в университете не приводят ни к чему. Я не увлекаюсь ни боксом, ни другим спортом, вижу в них только необходимую тренировку тела. А мои товарищи видят в них одну из осей жизни. Попытки лорда Мильдрей ввести меня в семейные дома также оказались неудачными. Что же мне делать? Я ищу друзей среди людей науки.

– Но ведь вы не думаете, что с девушками можно говорить только о курицах и телятах. Я, правда, не знаю тоже, какие темы полагается выбирать в гостиных, – смеялась Наль, – но я представляю себе, что вы могли бы обогатить каждого своим разговором, побудив человека мыслить по-новому, если вы так потрясаете умны, как говорил нам лорд Мильдрей.

– Вот то-то и оно, графиня, что есть такое маленькое словечко «такт», которое помогает жить людям и с малым умом, – добродушно сказал лорд Мильдрей. – Оно же мешает выбраться из постоянных ошибок умнику.

Возвратившийся Флорентиец сердечно поблагодарил Сандру, сказав, что он у него в долгу. Условившись, что оба свидетеля заедут к двенадцати часам следующего дня к нему, Флорентиец просил их не беспокоиться об экипаже, который будет их ждать в его доме. Из церкви все проедут к нотариусу для ввода во владение новым имуществом мужа и жены, а затем к раннему обеду вновь сюда. Удивлению двоюродного дяди Наль не было границ.

– Я получил поручение Али, моего друга и брата, доставить вам, Флорентиец, Наль, которая должна стать женой капитана Т. Но чтобы вручить ее вам как дочь, об этом я не имел никаких указаний.

– Но зато я их имел, – перебил его Николай. – Так же, как имею и еще одно указание Али, чтобы вы присутствовали на нашем бракосочетании, а затем возвращались домой вместе со своим слугой.

– Слава Аллаху, значит, мне не надо сопровождать вас ни в Америку, ни куда-либо еще?

– Нет, – смеясь ответил Николай. – Вы даже можете ехать обратно домой через Париж, и вам придется только пересечь пролив на ненавистном вам пароходе.

Флорентиец предложил Наль и Николаю проехаться с ним по городу до обеда, а дрожащему от холода южанину дал книгу, которой он обрадовался больше, чем ребенок кукле. Укутав старика у камина в плед, трое друзей, переодевшись в соответствующую погоде одежду, поехали в экипаже по шумным улицам Лондона. Наль, никогда не видевшая такого большого города, да и в К. знавшая только его часть, через которую проезжала в загородный дом дяди Али, была так поражена, что только молча поворачивала из стороны в сторону свою прелестную головку.

Флорентиец называл ей выдающиеся музеи, говоря, что она их вскоре посетит. Обещал сводить ее в театр, о котором она имела понятие только из книг. Изредка он упоминал, кому принадлежит тот или иной роскошный особняк или выдающийся по архитектуре дом.

Повернув на одну из улиц, экипаж внезапно остановился у небольшого одноэтажного дома. Дом был красив по архитектуре, хотя старинного и немодного образца, с небольшим, прекрасно ухоженным садом, окружавшим весь дом.

– Здесь живет милый пастор, так доброжелательно отнесшийся к нам, и особенно к тебе, Наль. Не хочешь ли нанести ему ответный визит и, кстати, посмотреть церковь, где ты будешь завтра венчаться? – спросил Флорентиец.

– Ах, очень хочу. Но не могу скрыть, отец, что стесняюсь войти первый раз в чужой дом. Я не знаю, как себя в нем вести.

– Очень просто. Так, как если бы ты пришла к друзьям. Если будешь нести доброту в сердце, не сделаешь бестактности. Не кланяйся по-восточному, а протягивай только руку, что ты, плутовка, умеешь делать теперь очень красиво.

Говоря с Наль, Флорентиец помог ей выйти из экипажа и ввел на довольно высокое крыльцо с двумя сходами. Николай ударил молотком в дверь, отчего раздался мелодичный звон, что тоже немало удивило Наль. Послышались поспешные шаги за дверью, и старый слуга впустил их в просторный холл, по стенам которого стояли высокие деревянные вешалки и стулья готического стиля, и на двух окнах стояло много цветущих цветов. Спокойствием веяло в доме. Всюду были разостланы ковровые дорожки и царили такая чистота и порядок, что это удивило не только Наль, но и чрезвычайно следившего за порядком Николая.

Взяв визитные карточки гостей, слуга ввел их в гостиную, тоже старинную, с огромным камином, большими диванами и креслами, обитыми синим шелком, и с белыми, безукоризненной чистоты, кружевными занавесками на трех широких окнах.

– Удивительно, как красиво внутри в западных домах. И так тихо в них, мирно, не то что у нас на Востоке в семьях, отец.

– Ты судишь пока лишь по моему и этому дому, по единственным западным домам, которые ты видела. Но когда-нибудь ты увидишь и будешь различать дома так, что их внешняя роскошь не скроет от твоих глаз внутренних язв разложения, дочь моя.

Дверь соседней комнаты открылась, и вошел пастор, приветствуя своих неожиданных гостей и благодаря их за честь посещения его дома.

– Я хотел сделать невесте маленький сюрприз к завтрашнему дню, – приветливо сказал пастор. – Любой девушке должно быть скучно венчаться в окружении одних мужчин. Я так много наговорил о юной невесте моей жене и дочерям, что они решили немедленно обновить свои белые платья и быть вам завтра подружками на венчании. А жена будет посаженной матерью, как полагается по здешним обычаям. Но сейчас, лорд Бенедикт, узнав о вашей любезности, свойственной только истинно высокой культуре, мои дочери и жена не желают пропустить случая познакомиться заранее с вами и вашей дочерью. Слышите, какое там нетерпеливое ожидание? Если вы ничего не имеете против, я их позову, – глядя на Наль, сказал пастор.

– О, как вы добры, вы верно поняли мою маленькую детскую печаль, что ни одной женщины не будет на моей свадьбе. Если можно, разрешите нам познакомиться скорее.

Пастор открыл дверь, за нею стояли три женские фигуры с цветами в руках. Старшей женщине было лет сорок; она была полноватой, с ярко-рыжими волосами, большими черными глазами и резкими черными бровями, словно вырисованными на белой коже высокого лба. Разделенные на пробор волнистые волосы, свитые у шеи в тугие косы, были огромны. Женщина была еще молода и очень красива.

– Леди Катарина Уодсворд, – сказал пастор, подводя ее к Наль. – Моя жена венецианка, – прибавил он, обращаясь ко всем. – А это вот – первый номер, мисс Дженни Уодсворд, как видите, не просто вся в мамашу, но прямо-таки точная ее копия. Это – номер второй, мисс Алиса Уодсворд, вся в папашу, не имеющая возможности претендовать на венецианское происхождение, судя по цвету своих волос.

Девушки и мать отшучивались, пока пастор рассказывал всем о том, как им хотелось познакомиться с невестой. Пастор сказал, что его младшая дочь даже решила пойти посмотреть хотя бы дом невесты и оставить ей в подарок букет цветов из своего сада.

– О, папа, – заразительно засмеялась девушка, – ты приехал таким влюбленным в заморскую красавицу, что поневоле всех нас взбудоражил. Но я согласна, что предмет твоего восторга еще очаровательнее, чем это можно было представить по твоим словам.

Если Наль была восточной красавицей, чьей красоте невозможно было не изумляться, если Дженни нельзя было не заметить из-за ее их медных волос и темных бровей и черных блестящих глаз, контрастирующих с алебастровой кожей и алыми губами, то Алису нужно было рассмотреть, чтобы оценить ее красоту. Ее пепельные, слегка с золотом, красиво выющиеся волосы, не такие густые, как у матери и сестры, но зато легкие, играли, как ореол вокруг лица, и выбивались у висков и шеи. У нее были темно-синие, как южное небо, чуть выпуклые глаза, как у ее отца. Какая-то особенная искренность, чистота во всем облике, живость манер и грация делали ее удивительно обаятельной. От нее веяло любовью и миром, она казалась центром, объединяющим всю семью. Доброта Алисы покоряла каждого. Пасторша и ее старшая дочь, сердечно приветствуя Наль и ее спутников, все же походили на светских дам, радушно принимающих приятных, но чужих людей. Алиса же сразу обняла Наль, восхищаясь ее красотой и совершенно не сознавая красоты своей собственной. По-детски всплеснув руками, она сказала:

– Папа был прав. Он говорил, что Сандра не нашел красок описать вас.

– Но Сандра, кажется, что-то говорил и о нас, – раздался голос Флорентийца за спиной у Алисы. – А вы на нас и поглядеть не хотите, мисс Алиса, – с неподражаемым юмором произнес лорд Бенедикт, поклонившись девушке, и представил ей Николая.

Девушка, почти ребенок, как и Наль, смутилась, покраснела и, взглянув на Флорентийца, низко присела в реверансе.

– Я не могу понять, кто же из вас отец, а кто жених. Вы оба женихи, по-моему, – робко сказала она.

– Не знаю, для кого из нас ваши слова являются комплиментом, но мы оба благодарим вас за него, – под общий смех ответил Флорентиец.

– Не откажите выпить с нами чашку чая, – предложила хозяйка. – У нас, по старинному обычаю, чай пьют в столовой, а не в гостиной.

Алиса снова подошла к Наль, предлагая ей снять шляпу, что та охотно сделала и стала выглядеть еще красивее. Флорентиец сел рядом с Алисой и спросил ее, не ей ли принадлежит инициатива быть подружками его дочери на завтрашней свадьбе.

– Нет, папе. Как, впрочем, и все самое высокое и благородное, что выходит из нашего дома, всегда принадлежит ему.

– У вас как бы две партии в доме: вы и папа, ваша сестра и мама?

– Это верно до некоторой степени, потому что мы все очень дружны. Каждый живет, как ему хочется, и никогда мы не расходились во мнениях так, чтобы быть недовольными друг другом. Я думаю, вы очень хорошо понимаете меня. Вы тоже с вашей дочерью ни в чем не схожи. Но представить себе, что вы могли бы быть друг другом недовольны, невозможно.

Общий разговор как-то внезапно смолк, и все услышали, как Дженни говорила о последних книгах капитана Т., которые ей дал Сандра, восторженно о них рассказывая. Хваля автора, девушка и не предполагала, что видит его перед собой, а желала только блеснуть своей образованностью. Николай подшучивал над этими дифирамбами, указывая на недостатки книги и уверяя, что автор мог бы лучше разработать свои тезисы, чем привел в негодование юную венецианку, горячая кровь которой вспыхнула розами на ее щеках и огнем в глазах.

– Она, граф, у нас ученая, – засмеялся пастор. – А главное, обе сестры такие поклонницы Сандры, что его авторитет в этом доме стал просто непререкаем. Когда-нибудь сестры поссорятся с критиками, которым Сандра не нравится. Раз книга капитана Т. признана сим ученым

совершенством – конечно, граф, и не критикуйте. Но, признаться, книга и меня расшевелила. Много бы я дал, чтобы увидеть русского мудреца, написавшего ее. Это, вероятно, уже глубокий старик.

– Капитан Т. – старик? – Наль неудержимо рассмеялась, будучи не в силах представить себе Николая стариком. – Да ведь он перед вами. И ваша дочь, Алиса, несколько минут назад не могла решить вопроса, кто же из двух мужчин мой жених.

Пастор и вся его семья с удивлением смотрели на Наль, не улавливая соли шуток.

– Моя дочь не шутит. Капитан Т. – это псевдоним графа Т., жениха моей дочери, сидящего перед вами.

Дженни была поражена больше всех. Она теперь стеснялась Николая, книгу которого только что расхваливала, а Алиса, во всем подмечавшая юмористическую сторону, сказала Флорентийцу:

– Я предполагаю, что вы нарочно, лорд Бенедикт, не сказали нам, что граф – писатель. Потому что вы сами – я уверена – не только писатель, но... вот как бы это выразить, – задумалась она, – нет, не колдун, но все же что-то в этом роде. Вы все можете.

– Всемогущий Боже! – в притворном ужасе воскликнул пастор под веселый смех гостей. – Алиса, дочь моя, ты меня убила. Неужели это результат нашего воспитания, мать? – громче всех смеясь, говорил пастор.

– Сэр Уодсворд, ваша дочь очаровательный ребенок, и я понял вполне ее мысль. Уверяю вас, мы будем с нею отличными друзьями, – пожимая ручку Алисе, ответил Флорентиец.

– Дай-то Бог, – покачивая головой, серьезно сказал пастор.

Весело и непринужденно простились гости с хозяевами, и Флорентиец пригласил всю семью к себе на ранний обед завтра, после бракосочетания, сказав, что его экипажи будут ждать всех гостей у церкви.

Осмотрев церковь, поразившую Наль размерами, Флорентиец и его дети возвратились домой. Наль была задумчива во время обратного пути, и на вопрос Флорентийца призналась, что по обычаю Востока каждому гостю надо что-то подарить, а у нее нет ничего, и она не знает, что делать.

– Об этом не думай. Предоставь всю внешнюю сторону церемонии и заботы о ней мне. Лучше подумай об Али и Николае. Пойди в свою комнату, я приказал Дории приготовить тебе белый восточный костюм. Надень его, укрась себя по-восточному, как к свадьбе, и набрось драгоценное покрывало. Думай, что не завтра совершится твоя свадьба, где будет только внешний ее обряд, а сегодня, в святая святых твоего сердца. Через час сойди вниз, в ту комнату, где ты беседовала с пастором.

Пройдя к себе, Флорентиец дал лекарство старому дяде Наль, велел ему немедленно лечь в постель, обедать лежа и встать только завтра утром. Затем он вошел в свою тайную комнату, проведя в нее Николая.

– Мой друг, мой сын. Ты провел пять лет возле Али и так далеко двинулся в своих знаниях, что он принял тебя сразу в число своих близких учеников. Ты считал, что для тебя ученичество – это прежде всего целомудрие и безбрачие. Теперь, когда Али указал тебе путь вступления в брак и создания семьи, ты не протестовал, а принял это. Но в душе ты продолжаешь думать, что чем-то провинился и сходишь с тропы ученичества, которого не достоин. И все это только потому, что женишься на девушке, которую преданно и страстно любишь много лет.

Ты выполняешь приказание Али, повинаясь ему беспрекословно. Но в сердце твоем боль. Тебе кажется, что ты сворачиваешь в сторону. Ты забыл, что ученик идет так, как ведет его Учитель. Ты не принимаешь во внимание, что те широчайшие планы, где все охватывает взор Учителя, не может охватить взор ученика, как бы мудр он ни был. Посвящения ученика идут по ступеням не только его личного роста. При этом учитывается и та сила помощи планам Учителя, до которой он созрел. Ты можешь служить сейчас не только великому плану Али,

но и моим планам, и планам многих других, кто отдает свою жизнь и труд на благо светлого будущего всего человечества.

Падение общей культуры тесно связано с нравственным падением и разложением семьи. Люди, закрепощенные в страстях, в тысячах мелких предрассудков, не могут помочь обновлению общества. И потому на ряд очень продвинутых учеников возлагается задача создания новой, радостной, раскрепощенной семьи. Только люди, обладающие мудростью, прожившие до часа свадьбы в полном целомудрии, могут стать истинными воспитателями для нового поколения нужных Учителю людей.

В твоей будущей семье среди пятерых талантливых детей должны воплотиться двое гениальных людей. Не огорчаться надо тебе, что ты изменяешь ту форму пути, которую сам выбрал, но быть счастливым и усердным учеником. Счастливым вдвое, ибо можешь выполнить ту задачу, которую Учитель тебе доверил. Создай мир под своим кровом. Создай честную семью, где будут царить правдивость и верность. Создай атмосферу доброты, чтобы Учитель мог всегда прийти к тебе и звать тебя за собою дальше.

– Я не от того страдал, что Али приказал мне изменить мой путь. Я приму любой указанный мне путь беспрекословно. Мне показалось, что Али, увидев мою любовь к Наль, снизошел к моей слабости. Но, Бог мне свидетель, я ни разу и ничем не дал девушке повода думать о той беспредельной силе любви, которая завладела мной.

– Чем немало и огорчил бедняжку, – улыбнулся Флорентиец. – Повторяю: оставь мысль о снисхождении к твоей несуществующей слабости. Только сильные, бестрепетные сердца нужны для дел Учителя, и только им он может посылать свои зовы. Его зов тебе – семья.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Войди, – сказал Флорентиец.

Вошла облаченная в роскошное свадебное покрывало Наль. Ее белая фигура так гармонировала с этой белой комнатой, что казалась ее неотъемлемой частью.

– Сядь здесь, дочь моя, – усадил Флорентиец Наль на маленьком диване рядом с собой. – А ты, друг Николай, найдешь в моей туалетной комнате белый халат, точно такой же, какой прислал тебе в день пира Али. Там же увидишь длинную белую одежду ученика. Надень их и вернись сюда.

Оставшись наедине с Наль, Флорентиец взял ее за руку и сказал:

– Когда Бог зовет человека – Он дает ему два пути: или путь радости, или путь великой скорби. Середины нет. И ты, и твой муж – вы оба счастливые избранники, ибо обоим вам Он назначил путь радости. Ты была с детства подготовлена дядей Али к высокой духовной жизни. Это редкое счастье. Обычно человек много скитается по жизни, пока подойдет к источнику мудрости. Не горюй, что тебе сейчас предстоит оставить всех и все, к кому и к чему ты привыкла, уйти от Али и перейти ко мне. Через много лет, закаленная, ты вернешься к Али, к его пути силы, которая пока подавляет тебя, и ты не можешь на этом пути развернуть всех своих дарований. Ты пойдешь сейчас путем обаяния и такта. Пленяя людей красотой, ты своей чистотой будешь увлекать их на путь высокой духовности. Помни: зло никогда тебя не коснется, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит ее. И только тогда, когда мелькнет тончайшая трещинка сомнений в твоём сердце, – только тогда зло сможет коснуться тебя. Все – в самом человеке. И не внешняя жизнь подавляет или обновляет его, но сам человек создает свою жизнь. Он сам носит в себе все свои чудеса.

Наль сидела, по-восточному закрывшись покрывалом, прикинувшись к отцу, и в этой позе нашел ее вошедший Николай.

Флорентиец откинул покрывало с лица Наль и помог ей сверх ее белого восточного наряда надеть халат из такой же материи, как белая одежда Николая, тонкой, как бумага, мягкой, как шелк, и матовой, как замша.

– Побудьте здесь немного вдвоем. Подайте друг другу руки и подумайте, какой серьезный шаг вы делаете. На всю жизнь вы отдаете друг другу свою верность. И в этой верности вы должны следовать за верностью Учителя, творя свой простой, обычный день в доброте, и этим исполняя закон жизни.

Оставив их одних, Флорентиец вышел. Наль подала руки Николаю.

– Прости, Наль, что я огорчил тебя и дал тебе повод думать, что я мало люблю тебя. Я не смел говорить тебе до сих пор о любви. Я считал невозможным для себя счастье прижать тебя к себе и прожить с тобой всю жизнь. Я думал, что мне назначено одиночество, а не радости семьи. Теперь я понял, какое великое и незаслуженное счастье пришло ко мне. Я отдаю тебе всю жизнь, как я отдал ее всему, что указал мне Али. Но тебе я отдаю ее в таком счастье, о каком никогда не мог мечтать.

– Николай, я никого не любила с детства, кроме дяди Али, в котором была вся моя жизнь. Едва я выросла, я увидела тебя. И... уже никогда больше не была свободной. Я была всюду с тобой, ты был неразлучен со мной. И если теперь меня отдают тебе – то я сама отдала себя тебе лет пять назад. Ты вошел в мою жизнь, в мое сердце, в мою душу точно так же, как дядя Али. И если до этой минуты я думала, что я навязана тебе, то сейчас я совершенно счастлива, зная, что ты тоже хотел меня в жены. Я же не могу принять жизни иной, как в роли твоей жены.

Дверь открылась, и вошел Флорентиец. Он был в белой одежде с широкой вышивкой внизу и на рукавах. Талию его высокой фигуры охватывал пояс из выпуклых изумрудов, а на его прекрасной голове была повязка из таких же камней. В руках он держал маленькую светящуюся палочку. Он поднял в восточном углу комнаты белую крышку стола, как думали сначала Наль и Николай, и под ней открылся небольшой мраморный престол, где горел огонь. Он поставил молодых людей перед престолом на колени и сказал:

– Здесь, перед лицом того Бога, что каждый из вас носит в себе, перед лицом вашей совести, чести и красоты, внутри вас живущих, я венчаю вас, соединяя навек. Сохраните вечную память об этой минуте. Не для похоти и чувственных наслаждений горит в вас любовь. Но горит в вас огонь вечной чистоты, в которой оба вы отдаете себя друг другу для великой цели. Вы будете не слепыми родителями, животными, безумно и лично привязанными к вашим детям. Вы будете хранителями тех душ, что придут через вас в жизнь. Вы создадите им мир. Чистый ваш дом будет им пристанищем, где им суждено будет родиться, погостить и уйти так, тогда и туда, куда позовет их Жизнь. Храните связь друг с другом, со мною и с Али. И несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделенного с нами.

Он поднял обе руки над их головами. Прикоснулся палочкой к огню, горевшему на престоле, и затем, что-то говоря на языке, которого Наль не понимала, коснулся палочкой ее головы. Ей показалось, что по ней пробежал огонь, проник до самого ее сердца и что сейчас все на ней вспыхнет. Но Флорентиец уже повернулся к престолу, снова коснулся палочкой огня на нем и прикоснулся ею к голове Николая.

Он – так же, как и она мгновение назад, – весь содрогнулся. А Флорентиец уже вновь повернулся к престолу и коснулся попеременно огня обоими концами палочки. Когда оба ее конца засветились, он снова обернулся к ним и положил палочку одновременно на их головы. Глубочайшее содрогание, точно удар электричества, испытали вместе и Наль, и Николай. Теплые струи какой-то новой силы пробежали у каждого из них по позвоночнику к голове. Флорентиец положил палочку у горящего на престоле огня. Он взял с престола два одинаковых перстня, с изумрудом и бриллиантом каждый, и надел их жениху и невесте.

– Встаньте, – сказал он им. – Вы – муж и жена. Будьте всегда такими чистыми и, где бы вы ни жили, всегда ощущайте, что я рядом с вами. Сочетав вас браком перед этим огнем Вечности, я взял ваши жизни на себя. Перед Вечностью нет отцов, матерей и детей по плоти и крови. В Ней есть отцы и дети по духу и огню.

Пойдемте, я проведу вас в вашу спальню.

Он опустил покрывало на лицо Наль, соединил их руки, обнял их обоих, крепко прижав к себе, и пошел впереди них наверх. Проведя их через комнату Наль в другую дверь, которой она раньше не заметила, он ввел их в большую комнату, посредине которой стояла широкая белая постель. И все в этой комнате было белое, вплоть до ковра и шкур белых медведей, брошенных у каждой стороны постели. Подведя их к кровати, Флорентиец сказал Наль:

– Твой муж так же чист, как и ты. Он отдает тебе такую же девственность, какую ты отдаешь ему. Прими его не только как мужа, но как воспитателя и друга, мудрого руководителя, который знает много больше тебя.

До завтра, дети мои. Ровно в двенадцать часов я за вами приду. Будьте совершенно готовы к этому времени и ждите меня. Дории сказано, как завтра одеть тебя, Наль.

Опустив полог над кроватью, Флорентиец вышел, закрыв за собой дверь...

Когда Наль проснулась утром, мужа рядом с ней не было, но она слышала плескание воды в ванной комнате рядом. Через несколько минут вошел в купальном халате Николай и, думая, что Наль спит, положил возле нее стеганый шелковый халатик и мягкие туфли, стараясь не делать шума. Наль рассмеялась, натянув на себя одеяло поверх головы.

– Наль, дорогая, вставай, ванна готова. Беги туда. Я боюсь, как бы ты не опоздала, уже около десяти часов. – С этими словами он быстро вышел из комнаты, а Наль скользнула в ванную, где ее уже ждала Дория.

– Во что вы меня сегодня оденете, Дория? Отец сказал, что дал вам все указания. Ведь сегодня будет много чужих людей. Надо, чтобы мы с вами не ударили лицом в грязь, – плескаясь в ванне, быстро говорила Наль.

– Не беспокойтесь, во что бы я вас ни одела – вы затмите всех.

– Ну, вот и ошиблись. У пастора такие дочери, что даже в сказках не найти. Одна рыжая.

– Рыжая? Что же тут хорошего?

– Я не сумею вам сказать, что именно. Но только она необыкновенная. Знаете, как-то ее не пристроишь ни к какому делу. Она – настоящая светская дама. А вторая – ну та простая, вроде меня.

– Значит, красавица? И косы, как ваши?

– Нет, она вся в кудрях. Глаза синие. Волосы пепельные с золотом. А доброта – вроде ангела. Так хороша! Лучше не найти.

Так беззаботно болтая, Наль хранила глубоко внутри, в сердце, какое-то новое сокровище жизни. Ни за что и ни с кем она не поделилась бы тем счастьем, которое наполняло всю ее душу. Она точно несла обеими руками чашу любви, полную до краев, которую боялась расплескать. В ее сердце ярко сияли три образа: дяди Али, отца-Флорентийца и мужа. Усевшись за туалетный столик, Наль доверилась умелым рукам Дории. Сама же мыслями унеслась в сад дяди Али, где снова так ясно увидела его улыбающимся, что рванулась вперед, почти разрушив старания Дории.

– Что случилось? Я причинила вам боль? – с отчаянием спросила Дория, у которой и гребень и шпильки выскочили из рук.

– Нет, Дория, простите. Господи, теперь вам надо все снова делать, и я опоздаю, – огорченно сказала Наль.

– Ничего, минута спокойствия – и прическа будет сделана, а это самое трудное.

– Наль, одиннадцать часов. Вы готовы? – раздался голос Николая. – Я жду вас завтракать. Выходите в халате, наденете платье потом.

Но Наль так боялась опоздать, что просила прислать ей кофе в комнату, говоря, что покажется мужу только на исходе двенадцатого часа, в полном параде.

Когда Дория вынесла из своей комнаты платье, над которым трудилась весь вечер и все утро, подгоняя его точно по фигуре своей хозяйки, Наль даже руками всплеснула, видя велико-

лепие этого туалета. Платье из белой парчи, с широким венецианским кружевом около ворота и рукавов, заставило ее сказать:

– Отец, отец, разве можно так баловать дочь?

Когда платье было надето, Дория подала туфельки из такой же парчи, а на открытой шее Наль застегнула изумрудный фермуар жемчужного ожерелья.

– Это все, вероятно, так положено. Но как бы я хотела сейчас самое скромное платье, самый бедный уголок – только бы не быть сегодня на людях и не слушать, как все будут говорить о моей красоте, – вздохнула Наль.

– Наль, если вы сейчас не выйдете, вы заставите нас обоих покраснеть перед отцом. Остается десять минут, – снова раздался голос Николая.

– Иду, я готова.

И, взяв быстро сунутый ей в руки маленький ридикюль с новым платком из точно такой же парчи, как платье, Наль вошла в свою комнату, где ее ждал Николай. Он был поражен ее видом. В платье со шлейфом, в туфлях на высоких каблуках, Наль казалась гораздо выше и тоньше обычного. Взгляд, которым обменялись супруги, сказал им обоим, что желание избавиться от людей в них было общим. Николай обнял свою жену, нежно и горячо поцеловал ее и тихо сказал:

– Наша жизнь принадлежит не нам, Наль. Мы должны жить на земле, для земли, для людей. Не тяготись сегодня суетой и теми, кто будет вокруг нас. Думай не о себе, а о каждом из тех, с кем будешь говорить.

Наль ласково возвратила поцелуй и ответила:

– Я постараюсь, мой муж, думать о каждом, когда буду с ним говорить. Но всякий раз, когда я пристально вглядываюсь в человека, я всегда чувствую, что в каждом живет беспокойство и страдание.

– Вот и неси, любимая, счастливая, благословляемая, успокоение и отдых тому, кто тебе встретился.

Раздались легкие шаги Флорентийца, и Наль поспешила раскрыть дверь, приветствуя отца.

– Я не хотела бы начать этот день, отец, с упрека. Но мыслимо ли приказать мне надеть такое платье? Дория говорит, что у самой королевы нет ни такой парчи, ни таких кружев, ни такого жемчуга.

– Их послал тебе Али, как и все вещи, которые ты нашла в своих сундуках. Он собирал все это не один год, – обнимая обоих супругов, говорил Флорентиец. – Сохрани это платье, кружева и драгоценности, и, когда поведешь к венцу свою первую дочь, передай их ей. А теперь пойдемте, наши свидетели ждут.

Спустившись в зеленую комнату, Наль была немало изумлена видом Сандры и лорда Мильдрей, во фраках, с блестящими цилиндрами в руках. Сандра был серьезен и, даже кланяясь и целуя руку Наль, не улыбался. Можно было подумать, что его смешливость пропала за ночь. Лорд Мильдрей подал Наль букет белых лилий и, смущаясь, сказал:

– Лилии дарит вам Сандра, уверяя, что вам немисливо подарить иной цветок. Это – его дело. Я же прошу вас принять этот браслет, который мне дал, умирая, мой дед. Он был большой оригинал, жил отшельником, хотя был человеком богатым. Он велел мне передать эту вещь той женщине, которая станет мне женой. Или же той, чище и прекраснее которой я в жизни не встречал. Так как все сроки для создания семьи прошли – мне скоро будет тридцать лет, – я прошу вас принять эту вещь. Она, как я слышал, была передана моему деду одним восточным мудрецом.

И он подал Наль браслет из топазов и бриллиантов какой-то удивительной древней работы. Игра камней в нем поражала своей красотой.

– Говорят, что на этом браслете камни сложены так, что образуют слова. Но скольким лингвистам я его ни показывал – ни один не смог увидеть в камнях какой-либо надписи.

– Не разрешите ли вы мне взглянуть на браслет, графиня? Я лингвист и знаю около сорока языков и наречий, – сказал Сандра. – А не так давно, по заданию вашего отца, изучил древний язык пали, на котором давно уже никто не разговаривает. Быть может, я и разберу что-либо.

– Пожалуйста, – протянула ему драгоценность Наль.

– О, конечно, это он – язык пали. Здесь написано: «Любя, побеждай». И читается очень легко и ясно.

– Значит, ты выполнил мое задание раньше срока, Сандра?

– Неужели, лорд Бенедикт, вы могли сомневаться в том, что я найду возможность выполнить ваше приказание раньше срока? Мне пастор дал на этот раз свою собственную, им составленную грамматику и свой ключ, а сам он купил у одного странного человека несколько записей на этом языке.

– Я вас еще не поблагодарила, лорд Мильдрей, но... это очень странно, но мне кажется, что вы еще женитесь, женитесь любя и будете очень счастливы. И вам понадобится этот браслет.

– Примите подарок, Наль. Если вы угадали, мы сумеем прислать лорду Мильдрею точно такой же браслет, – сказал жене Николай, принося сердечную благодарность лорду за его внимание.

Наль впервые получила приказ своего мужа, и что-то сказала ей, что браслет надо немедленно надеть на руку и не огорчать подарившего его человека.

К дому были поданы экипажи. В закрытую карету сели молодые с отцом, в открытую – Сандра и лорд Мильдрей, а следом за ними двинулись еще два двухместных пустых экипажа.

Церковь была залита огнями, пастор ждал молодых у входа, а обе дочери и мать усыпали путь Наль и Николая цветами. Музыка органа приветствовала их еще на паперти. Вскоре в церковь набилась целая толпа любопытных, привлеченных разговорами о необычайной красоте венчавшихся. Наль ничего не видела. Музыка потрясла ее до слез. Она крепко сжала руку мужа, точно прося его поддержки. Николай слегка наклонился к ней, и такая сила блеснула из его глаз, такой силой уверенности и любви повеяло на нее от его бледного, вдохновенного лица, что волнение ее утихло, слезы высохли и улыбка блеснула на полудетском прелестном лице.

Обряд венчания окончился. Все, кому было положено, расписались в ризнице в церковной книге и подождали несколько минут, давая пастору время переодеться. Выйдя из церкви, Флорентиец разместил по каретам Дженни, Сандру, Алису и лорда Мильдрея, пастора с женой, а сам сел снова с молодыми. Теперь все отправились к нотариусу.

Крупное пожертвование церковному причту и бедным прихожанам вызвало немало радостных толков у оставшейся на паперти толпы. Тем временем, подписав у нотариуса все необходимые документы ввода во владение новым имуществом и попутно приняв поздравления и восторги всей конторы, молодые и весь свадебный кортеж направились в дом лорда Бенедикта.

– А дядя? – войдя в дом, с ужасом спросила Наль.

Николай тоже было всполошился, но Флорентиец тихо сказал им обоим:

– У него снова был приступ малярии. Завтра мы его отправим с копиями документов и так ярко расскажем ему о пышном венчании, что он представит себе, будто и сам там был. Сейчас думай, Наль, только о гостях и учись быть обворожительной хозяйкой.

– Ты не находишь, что это немного трудно, отец?

– Нет, дочь моя, имея такого мужа, можно и не то победить.

Николай повел свою жену в большой зал, который Наль еще не видела, а Флорентиец, предложив руку пасторше, пригласил всех гостей следовать за молодыми. В зале было приго-

товлено шампанское. Николай шепнул Наль, чтобы она не пила, а только чокалась со всеми поздравляющими и подносила бокал к губам, делая вид, что пьет. Поздравив молодых, все прошли в столовую. Место хозяина занял Флорентиец. По правую руку сели молодые, рядом с ними Сандра и Дженни, по левую руку – Алиса и лорд Мильдрей, а рядом с ними пасторская чета.

Обед проходил оживленно. Сандра, Николай, пастор и Дженни говорили о последних достижениях науки. Пасторша и лорд Мильдрей оказались любителями живописи и театра. Только Алиса и Наль молча смотрели друг на друга.

– Что вы так смотрите на меня, графиня? Я вижу в ваших глазах такое сострадание и сочувствие, точно вы читаете что-то печальное в моей душе, – сказала наконец Алиса, ласково улыбаясь Наль.

– Я очень бы хотела стать для вас не графиней, а просто Наль. И в вашем сердце, кроме ангельской доброты, я ничего не прочитываю. Но мне кажется, что вы не так счастливы, как это выказываете.

Флорентиец посмотрел на обеих молодых женщин и сказал:

– Зачем загадывать, что будет завтра? Ты, Наль, стараешься угадать будущее Алисы. А тебе надо жить только радостным сегодня. Разве у вас есть печаль, Алиса, как утверждает моя бедовая дочь?

– Нет, лорд Бенедикт. Все, что я люблю, живет радостно вокруг меня. А если и есть у меня печаль, то она непоправима, потому что является частью жизни. Поэтому ее нельзя считать печалью, это просто одно из неизбежных слагаемых моей жизни.

– Вы, Алиса, решили это слагаемое принять и не бороться с ним?

– Может быть, я и неправа, лорд Бенедикт. Но, например, что толку бороться со смертью? Ее не избежишь. Так же и с неизбежными свойствами, которые живут в человеке. Какой смысл с ними бороться, если они составляют основу жизни и не могут быть выброшены – как рак или порок сердца – иначе как со смертью? Если изменить ничего невозможно, то надо принять жизнь такой, какая она есть для меня. Какое бы количество горечи ни было в жизни, все же это жизнь моих любимых. А без них – жизнь не имеет для меня ценности.

– Все количества сил природы, Алиса, переходят в качества. Это неотвратимый закон мира, в котором мы живем. Если сегодня некое качество в сердце человека ограничено, то завтра оно может увеличиться. И если вчера это качество наполняло сердце лишь одного человека, то завтра оно может разлиться озером, а быть может, и морем вокруг него, захватывая в свой поток все встречное. Так случается и с плохими, и с хорошими качествами людей.

Если сегодня любовь в сердце человека однобока и он может понимать счастье только в любви к «своим», то завтра – по тем или иным причинам – его сознание может расшириться, и он охватит своей любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих, а есть везде и всюду такие же люди, как и он сам. Один человек мог продвинуться дальше и выше. Другой мог намного отстать и остаться еще в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперед, что приходится зажиматься, чтобы на него посмотреть.

– Никогда еще мне не приходилось слышать евангельских истин, изложенных так легко и просто, лорд Бенедикт. У меня в душе будто посветлело, – улыбнулась Алиса, радостно, неотрывно глядя на Флорентийца.

– Возьмите, пожалуйста, это мороженое и посмотрите, какой художник мой повар. Он каждому положил на блюдце шарики семи цветов. Здесь присутствуют все цветовые символы мудрости, как они понимались в древности. Белый – цвет силы. Синий – символ самообладания и знания. Зеленый – цвет обаяния, такта, приспособления. Золотисто-желтый – цвет гармонии и искусств. Оранжево-дымчатый – цвет науки, техники и медицины. Красный – цвет любви, и,

наконец, фиолетовый – цвет пути религиозной и духовной мудрости, а также науки и механики движения всей жизни Вселенной.

Попробуйте выбрать в себе какое-либо из этих качеств в чистом виде – это невозможно. Все они, без исключения, живут в каждом человеке. Но, будучи основным светом на его жизненном пути, они засорены эгоизмом, страстями ревности, зависти и страха. Божественные качества и свойства, которые человек в зародыше принес на землю, оказались засоренными страстями.

И задача культурного человека – очистить все свои страсти. Сделать их радостью и миром сердца, и наполнить ими свой труд в буднях всей своей жизни. Тогда и отношения с теми, кого встречаешь, становятся не условностью быта, но красотой, бодрой помощью и энергией. Той энергией, которая пробуждает к творчеству всех, живущих рядом с тобой.

Веселый смех и разговоры за столом стали постепенно смолкать, и гости внимательно прислушивались к речам Флорентийца.

– Какое счастье для меня, лорд Бенедикт, – сказал пастор, – что я познакомился с вами. Помимо того, что я с восторгом и надеждой смотрю на две соединенные мною сегодня жизни, я благословляю Создателя, давшего мне возможность приблизиться к вам. Если вы сочтете возможным, чтобы вся моя семья осталась в числе ваших знакомых, мы постараемся заслужить себе название ваших друзей.

– Я не только буду этому рад, сэр Уодсворд, но и очень благодарен вам за встречу, – ответил пастору хозяин дома. Поверьте, если моя мудрость кажется вам столь высокой, то и я тоже нашел, чему поучиться в мудрости вашей. В Индии говорят: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель».

Далее Флорентиец объявил:

– Обед окончен. Дорогие гости, прошу в зал, там сервирован кофе.

С этими словами он встал и подал Алисе руку. Алиса смотрела на него сияющими глазами, как на божество; он пригласил всех следовать за ними. Оставшись в последней паре, молодые муж и жена, тесно прижавшись друг к другу, обменялись несколькими взволнованными словами.

– Нет, Наль, для нас не может быть пустых дней. Мы здесь будем жить недолго, а потом поедем учиться, и для тебя начнется студенческая жизнь. Здесь отец задержит нас ровно настолько, чтобы мы смогли усвоить все светские манеры и традиции, чтобы к этому вопросу больше не возвращаться, когда мы попадем в широкие слои общества. Кроме того, в твоём образовании есть немало пробелов. Ты совсем не знаешь музыки, хотя прелестно поешь свои народные песни. Ты знаешь творчество Шекспира, Шиллера, Мольера, но никогда не была в театре. Готовясь быть – насколько для нас возможно – настоящими родителями-воспитателями, мы оба должны помогать друг другу взаимно совершенствоваться. Мы должны знать здешние порядки, чтобы понять, чего не следует вносить в нашу будущую жизнь.

Они присоединились ко всему обществу, когда все уже сидели за столом. Что-то царственное было в этой паре, входившей в зал. Если бы какой-либо художник захотел изобразить выход королевской четы, он не мог бы найти лучшего образца. Шепот удивления и восторга пробежал среди гостей.

– Положительно, граф и графиня, вы в моем воображении не умещаетесь в земные рамки! – с южным темпераментом воскликнул Сандра. – Если бы я был художником, я изобразил бы землю покрывающейся цветами там, где вы ступаете.

– Мой новый друг, мне кажется, для меня слишком много чести уже в том, что вы произвели меня в принцессу-лилию. И мой муж, будучи мужем цветка, и я, уподобленная лилии, и так уже обязаны благоухать. Но чтобы еще и цветы вырастали вокруг нас – это требование немыслимое, – смеялась Наль.

– А я думаю, что именно вокруг вас, Наль, и вашего мужа будут расти цветы. Самые высокие и драгоценные цветы земли – дети, из-за которых и для которых стоит жить на свете, – очень серьезно, с волнением на прекрасном лице, сказала Алиса.

– О, Алиса! – укоризненно воскликнула пасторша.

– Что, дорогая мама? Я опять шокировала вас? Ну, на этот раз уж простите меня великодушно. Здесь мы среди таких добрых друзей, что, я ручаюсь, никто из них меня не осудит.

– Я испытываю большое желание низко поклониться вам, мисс Уодсворд, – сказал, вставая и действительно кланяясь ей, лорд Мильдрей, – но никак не осудить вас.

– А у меня такое страстное желание вас поцеловать, Алиса, что не исполнить его я не могу, – сказала Наль и, оставив руку мужа, подбежала к Алисе, обхватила ее шею руками и прильнула к ее губам.

Две женские фигуры, одна в царственной парче и жемчугах, другая в простом белом платье, одна темноволосая, зеленоглазая и высокая, другая – синеглазая, в ореоле светящихся золотыми блестками кудрей, гораздо меньше ростом, обе тоненькие, чистые, прелестные на своей семнадцатой весне, составляли такой контраст, что даже Сандра умолк. Наль посадила Алису рядом с собой и мужем и пододвинула ей чашечку с кофе.

– Жаль, что здесь нет некоторых из моих музыкально одаренных друзей, – сказал Николай. – Сердце так просит сейчас музыки.

– О, это легко поправимо, – снисходительно сказала Дженни. – У нашей Алисы род музыкального помешательства. Не знаю, насколько она может доставить удовольствие людям понимающим. Но нам с мамой она достаточно часов жизни испортила, – смеясь и хитро посматривая вокруг, продолжала Дженни.

– О, это было так давно, сестра, когда я тебе надоедала своей музыкой. Теперь моя комната и мой рояль в самом конце дома, где папа сделал специально для меня пристройку. Не верьте, сэр Бенедикт, что я такая несносная. Во всяком случае, сейчас я не решусь никого огорчать своей игрой, – умоляюще глядя на Флорентийца, сказала Алиса.

– Моя жена и старшая дочь не любят музыку, лорд Бенедикт. А мы с Алисой отдаем ей весь наш досуг. У меня в молодости был серьезный конфликт с отцом, так как я мечтал посвятить себя искусству, а ему хотелось, чтобы я избрал духовный путь. Алиса унаследовала не только мою любовь к искусству. У нее большой музыкальный талант, который можно было бы развить в хорошей школе.

– Пока я жива – этого не будет, – четко, жестко и зло сказала пасторша. – От твоего и ее пения – стекла дрожат. И вообще, я не желаю, чтобы Алиса срамилась сама и оскандалила нас в высшем обществе.

Пасторша вдруг стала походить на какую-то хищную лисицу. Ничего от прежнего добродушия в ее лице не осталось. А пастор, печально глядя на дочь, медленно подошел к ней, положил руку на ее светящуюся головку и тихо сказал:

– Храни мир, дитя. У Бога есть много путей, какими Он призывает людей. Лорд Бенедикт говорил, что многие люди идут по пути совершенствования также и путем гармонии и искусств. Если Богу угодно будет дать тебе такой зов, ты найдешь этот путь. И не смогут люди противостоять Богу.

– А я очень бы просил вас, леди Уодсворд, разрешить вашей дочери поиграть нам сегодня, – обратился хозяин дома к пасторше. – Если вы и ваша старшая дочь не любите музыки, то в моих гостиных вы найдете много альбомов с видами всего мира. А также много интересных вещей, привезенных из путешествий. В моем саду немало редких цветов. Есть и оранжерея, где сейчас цветут незнакомые вам виды цветов. Судя по вашему прекрасному саду и цветникам, думаю, что вы любите цветы.

– Вы заблуждаетесь, лорд Бенедикт, – прервала Дженни. – Это опять область одержимости папы и Алисы. Но Алиса – идол нашей семьи, мы ее обожаем, а потому выносим, конечно, все ее фантазии.

– Я бы очень не хотела, чтобы Алиса сегодня играла. Но если вы уж так хотите услышать ее любительскую игру, – криво усмехнулась пасторша, – то пусть Сандра проводит нас в оранжерею. Там я, по крайней мере, не услышу ни ее игры, ни пения.

На лице Сандры выразилось такое явное разочарование, что Флорентиец, с юмором в глазах, как-то особенно улыбнулся и что-то ему тихо сказал, чего не расслышал даже Николай, обладавший тончайшим слухом и стоявший рядом с Сандрой. Сандра незаметно вздохнул, крепко пожал Флорентийцу руку и сказал дамам, что постарается увести их так далеко в сад, чтобы ни бас пастора, ни сопрано дочери, ни тенор хозяина дома до них не долетели. Услышав о теноре хозяина дома, дамы, казалось, несколько поколебались в своем желании уйти, но было уже поздно. Флорентиец указал Сандре путь в оранжерею и попросил, чтобы обратно он провел дам через левое крыльцо дома прямо в желтую гостиную, где занял бы их альбомами или картинами. Хозяин сам проводил дам через балкон в сад, закрыл обе двери балкона и задернул плотную портьеру.

– Я очень смущаюсь, папа, – прильнув к отцу, сказала Алиса.

– Полно, дитя. Ты ведь знаешь, что стоит тебе прикоснуться к клавишам – и в тебе просыпается Бог, и ты забываешь обо всем. Играй и пой как всегда. Не думай о похвале или награде. Думай, какое выпало тебе счастье сегодня – воспеть перед Богом соединение двух прекрасных людей, любя их и желая усеять для них землю цветами, как сказал Сандра. Играй и пой для них песнь торжествующей любви. Не всем дано петь свою песнь любви. Кто-то должен петь ее для других людей, неся в сердце великий путь милосердного самоотвержения.

НИЧТО ВНЕШНЕЕ НЕ МОЖЕТ ПОДАВЛЯТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЕСЛИ СЕРДЦЕ ЕГО СВОБОДНО ОТ СТРАХА И ЗАВИСТИ. ВСЕ ЭТИ ВНЕШНИЕ РАМКИ И РАЗНЫЕ ОТЯГОЩАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА – ТОЛЬКО ИЛЛЮЗИИ. ПУСТОЙ, НЕУВЕРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, НЕ ИМЕЮЩИЙ ПОНЯТИЯ О ТОМ, ЧТО ОН САМ ВСЕ В СЕБЕ НОСИТ И ТОЛЬКО САМ ТВОРИТ СВОЙ ДЕНЬ, – ТОЛЬКО ТАКОЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЖАЛОВАТЬСЯ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И СТЕСНЯТЬСЯ ВСЕГО И ВСЯ.

В чудесных глазах пастора сверкнула влага слез – и все поняли, почему у него седые волосы при таком молодом лице. Трагедия этих двух сердец вдруг ясно раскрылась перед духовным взором многих присутствующих. На лице Наль мелькнула боль, лорд Мильдрей, отвернувшись, незаметно смахнул слезу. И только на лицах Флорентийца и Николая лежала твердость полного спокойствия, мира и огромной доброты. Точно лучи света метнулись от Флорентийца к Алисе и пастору. Девушка робко подошла к роялю, открыла крышку и сказала:

– Я, конечно, не профессиональная музыкантша. Не ожидайте от меня многого. Но я и не полная невежда, так как у меня было два замечательных учителя. Один – мой отец, а второй – его недавно умерший друг, который был известен во всей Европе как пианист и композитор. Я сыграю Шопена.

Все ждали от девушки многого. Но того, что произошло, не ждал никто. Хрупкая фигурка, детская головка – все исчезло, лишь только Алиса коснулась клавиш. Все перестали даже смотреть на Алису, всех унес вихрь звуков. И разве это были звуки одного рояля? Пастор был прав. Бог проснулся в Алисе. И не руки ее исполняли музыкальную пьесу, но сердце ее творило жизнь, чарующую, захватывающую, раскрывающую что-то новое в душе каждого из слушателей.

Наль плакала. Лорд Мильдрей не дыша следил за музыкантшей, вытянувшись в струну. Пастор сиял счастьем, точно молился. Николай, устремив взор на Алису как зачарованный, отвечал сменяющимся выражением своего лица на все краски ее игры, а в фигуре Флорентийца, в его серьезном лице было что-то, напоминавшее жреца.

– Еще, еще! – молила Наль, когда Алиса остановилась.

Алиса стала играть Бетховена, Генделя, Шумана. И все кричали ненасытное: «Еще!»

Вдруг Алиса улыбнулась и запела старинную английскую песню. И снова поразила всех. Высокое сопрано, теплое, нежное, прелестного тембра, звучало с такой силой, о какой и думать было немислимо, глядя на это хрупкое дитя. Погрузив всех за собой в какой-то высший мир, девушка сказала:

– Теперь, папа, дуэт. Или я прекращаю.

Под общим напором просьб пастор подошел к роялю. Дочь начала дуэт, но когда вступил отец, то невольное «ах» вырвалось у всех. Тихий, спокойный пастор внес в свою партию такой бурный темперамент, такое виртуозное артистическое исполнение, которых от него никто не ждал. Его исключительной мощи и красоты бас не заглушал голос дочери, а служил ему основой.

– Я никогда, ни в одной опере не слышал такого исполнения, – тихо сказал лорд Мильдрей, – а я был во всех театрах Европы.

– Отец, – бросилась Наль на шею Флорентийцу, – неужели ты не споешь мне и моему мужу сегодня, чтобы напутствовать нас твоей песней и завершить ею наш венчальный обряд?

Флорентиец встал, поговорил с Алисой и пастором, и зазвучал старинный итальянский дуэт. Что было особенного в голосе и пении Флорентийца? Ведь только что всем казалось, что великая музыка, выше всех философий, лилась в песнях отца и дочери. Сейчас же звенела мощь баритонального тенора, для которого не было ни пределов высоты, ни предела власти и силы звука. Он превосходил все человеческое, земное и открывал небесные сферы, звал в иные миры, убирал все телесные преграды, точно касался самого сердца.

Опомнившись от изумления, во внезапно наступившем молчании присутствующие увидели Алису на коленях перед Флорентийцем, рыдающую, уткнув лицо в его чудесные руки. Подняв девушку, отерев нежно своим платком ее глаза, он обнял вместе отца и дочь и сказал обоим:

– Хотите ли вы оба, чтобы я стал вам Учителем?

– О, Господи, я отвечаю за себя и за дочь. О таком счастье, как быть руководимыми вами, мы и не мечтали.

– Алисе надо самой за себя ответить.

– Лорд Бенедикт, я хочу учиться жить, идя за вами, не только учиться у вас музыке.

– Отец, – бросилась и Наль к Флорентийцу, – я должна подарить что-то Алисе, я не могу не признать ее сестрой, потому что она подготовила меня к твоему пению. Иначе я бы умерла.

– Прошу всех за мною, – сказал хозяин. Он взял под руки Алису и Наль и провел всех в свой зеленый кабинет. Там он подвел гостей к небольшому столу, где лежало несколько футляров. Он взял один из них, вынул оттуда золотой пояс, в который были вправлены крупные изумруды, и надел его на талию Алисы.

– Пояс дарит вам, своей подруге, Наль. А это мой вам подарок. – И на шее Алисы засверкал изумрудный крест, осыпанный мелкими бриллиантами.

– Это, дорогой сэр Уодсворд, прошу вас принять от моей дочери, – и он подал пастору золотые часы на такой же цепочке, – а перстень примите от меня, – сказал он, надевая пастору крупный изумруд с бриллиантом на мизинец левой руки.

– Вас, лорд Мильдрей, я прошу принять этот браслет от меня, в обмен на тот, который вы подарили моей дочери. Разница в том, что здесь зеленые камни, а в том браслете – топазы. Я не сомневаюсь, что вы уже поняли: самое чудесное в вашей жизни еще впереди. А это кольцо

просит вас принять моя дочь. – И на мизинце лорда Мильдрея засверкало такое же кольцо, как у пастора.

– Это еще не все, Алиса. Мой зять просит вас принять в память о сегодняшней музыке это жемчужное ожерелье, и он сам наденет его вам.

К смущенной Алисе подошел Николай и ловко застегнул на ней точно такое же жемчужное ожерелье, какое было на Наль.

– Теперь надо звать наших дам, – сказал Флорентиец, – не переносящих музыки, а также их кавалера, лишившегося ее. Но я надеюсь, Алиса, вы не откажетесь его, беднягу, вознаградить в дальнейшем – вы споете и сыграете ему?

– Я ваша ученица, лорд Бенедикт, как прикажете, так я и поступлю. Только... – она замялась, взглянула на опустившего глаза отца и много тише, печально продолжала: – Это всегда вызывает ревность Дженни и раздражает маму, когда я играю Сандре.

– Мы постараемся избежать этих несносных слагаемых, – рассмеялся Флорентиец и вышел из комнаты за своими отсутствующими гостями.

Лица дам, когда они вошли в комнату, были довольно кислы, и стали еще кислее, когда они увидели одаренных драгоценностями Алису и пастора. Флорентиец, взяв со стола самый большой футляр и открыв его, подошел к пасторше и подал ей чудесное ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь.

– Примите этот дар от моей дочери, – кланяясь ей, сказал хозяин.

– Но это царский подарок. Как мне вас отблагодарить, лорд Бенедикт?

– Я здесь ни при чем. Это дарит вам моя дочь, – чрезвычайно любезно, но холодно ответил хозяин.

Пасторша подошла к Наль, рассыпаясь в благодарности и уверяя, что опалы ее любимые камни. Наль любезно помогла ей надеть драгоценности. Флорентиец тем временем подал Дженни такой же золотой пояс, как у Алисы, только из сапфиров, от лица дочери, и от себя брошь из жемчуга и бриллиантов. Дженни сияла не меньше матери, но огонь зависти блеснул в ее глазах, когда она увидела на шее сестры драгоценный жемчуг.

– Ну, Сандра, остался ты один. Вот тебе часы от Наль, о которых ты мечтал.

– Неужели с боем? – по-детски наивно и радостно вскрикнул Сандра, чем всех насмешил.

Флорентиец нажал пружину, и часы пробили восемь ударов таким приятным звоном, что Сандра не выдержал, подпрыгнул, перевернулся и поцеловал часы. Наль хохотала, Алиса аплодировала Сандре за его гимнастические кульбиты, пастор сел в кресло от смеха – только Дженни и ее мамаша чувствовали себя шокированными вторично в течение вечера.

– Это еще не все, Сандра. Вот тебе кольцо от меня. А это, – он взял точно такой же крест, какой раньше надел Алисе, – это тебе за усердие во всех заданиях, которые я тебе давал. И особенно – за язык пали, – и Флорентиец собственноручно надел ему крест с цепочкой на шею.

Сандра, казалось, все забыл. Лицо его совершенно изменилось. Он стал серьезным, тихим, точно сразу старше. Он прильнул к Флорентийцу, горячо целовал его руки и говорил:

– Я буду стараться быть достойным вашего доверия.

– Не волнуйся, сын мой. Только не спешి давать повод людям для неверных заключений. Будь осторожен с женщинами. Ты прост и дружелюбен, но твое товарищеское отношение к ним может быть истолковано иначе, и это может вовлечь тебя в какую-нибудь инсинуацию.

– Ваши слова, лорд Бенедикт, как всегда, будут мне законом.

– Ваши часы, лорд Уодсворд, с таким же боем, как у Сандры. Позвольте, я покажу вам, как нажимать в них пружину.

Флорентиец нажал пружину часов пастора, и они пробили восемь ударов и затем – совсем иным звуком – ударили еще один раз.

– Ой, и четверти выбивают! – не удержался от восторженного восклицания Сандра, снова по-детски радуясь, чем опять вызвал смех.

В лицах пасторши и Дженни, стоявших друг напротив друга, рыжих, черноглазых и чернобровых, сейчас мелькало что-то неприятное, отталкивающее. На лице пасторши проступили багровые пятна, лишив ее молоджавости. А Дженни, казавшаяся такой красивой за обедом, сейчас стояла хмурая, злая, надменная, с выражением презрения ко всему и всем в этой комнате, где ее, девушку из небогатой семьи, сейчас так по-царски одарили.

– Друг мой Алиса, – раздался голос Флорентийца. – Сегодня мой зять преподнес тебе жемчуг за тот восторг, который ты доставила ему и всем нам своей музыкой. С согласия твоего отца я взял тебя в ученицы. Ежедневно, в двенадцать часов, я буду посылать за тобой экипаж. И здесь, у меня, ты будешь проводить время до вечера. Вечером твой отец будет приезжать за тобой, и после обеда вместе с ним ты будешь возвращаться домой. В память о нашей первой музыкальной встрече прими этот браслет и кольцо от меня. Завтра жди лошадей в двенадцать часов. – И он подал Алисе браслет и кольцо из таких же изумрудов, как ее пояс.

– Вроде бы, лорд Бенедикт, у Алисы есть мать, которая тоже имеет право голоса в решении судьбы дочери, – резко сказала пасторша. – Алиса нужна мне дома. Учиться ей уже довольно.

– Нет, леди Уодсворд. По английским законам, дочь зависит только от отца, если у матери нет ее личного капитала. Это законы юридические, и у вас нет права решать судьбу дочери. Есть еще и иные, божеские законы, нигде, кроме сердца человеческого, не записанные. Это – любовь матери. Но ваша любовь заключалась в том, что вы изгнали дочь с ее искусством в бывший сарай, где и сейчас холодно и сыро. Вы заставляете Алису обшивать себя и старшую дочь, печь вам кексы и убирать ваши комоды и шкафы, а сами лежите весь день с романом на диване или разъезжаете со старшей дочерью по гостям и театрам.

– Я всегда знала, что этот змееныш осрамит меня. Эта лживая, избалованная отцом девчонка ввела вас своими жалобами в заблуждение, лорд Бенедикт.

– О, мама, как могли вы подумать, что я кому-нибудь могла бы сказать хоть часть из того, что сказал вам сейчас лорд Бенедикт, – и слезы ручьем потекли из глаз Алисы.

– Ну, значит, твой идеальный отец, обожаемый пастор, оказался на самом деле лицемером и сплетником, – шипя от бешенства, продолжала пасторша.

Взгляд Флорентийца, брошенный на нее, укротил ее, точно взбесившуюся львицу. Повидимому, она потеряла всякое понимание границ приличия и готова была вылить не один ушат грязи на невинную голову пастора, но не смела или не могла больше выговорить ни слова. Изменяющаяся ежеминутно игра камней на ее шее была ничто в сравнении с ее горящими глазами, которые буквально сыпали вокруг себя искры. Наль, никогда не выдавшая такой силы злобы в женщине, боязливо прижималась к мужу, как бы ища защиты от изливавшегося зла.

Пастор подошел к Алисе, стараясь ее успокоить своей лаской, и подвел ее к Флорентийцу попрощаться.

– Простите нас, добрый лорд Бенедикт, за эту безобразную сцену, которую мы заставили вас пережить. Я был, есть и буду, вероятно, неисправимым мечтателем. Я ведь еще и сегодня надеялся, что мои жена и старшая дочь в общении с вами поймут свои ошибки, которые я тщетно старался победить своей любовью в течение всей жизни. Я не победил, лорд Бенедикт. Но, венчая сегодня вашу дочь, я смотрел на ваше необыкновенное лицо. Я думал, что ваше духовное влияние и обаяние, перед которыми никто не может устоять, победят Катарину и Дженни. Я надеялся, что они встретили наконец ту великую нравственную силу, перед которой склонятся.

Дженни издала дерзкий смешок, который внезапно оборвался. Она поперхнулась собственной слюной и сильно закашлялась.

– Не беспокойтесь ни о чем, сэр Уодсворд, – ответил Флорентиец. – Завтра, когда вы приедете за Алисой, я буду иметь возможность поговорить с вами обо всем. У подъезда вы найдете двухместный экипаж, и в нем вы уедете домой с Алисой. В большой карете Сандра и

лорд Мильдрей проводят вашу жену и Дженни. До свиданья, леди Катарина и мисс Дженни. Вы ни одним словом не огорчите Сандру по дороге. Кроме того, я приказываю вам... – он поднял руку, протянул ее по направлению к обеим женщинам и как бы опустил ее на их головы, что при огромном росте Флорентийца, когда все казались маленькими и мелкими рядом с ним, произвело на всех впечатление непреложного приказа, а леди Катарина и Дженни точно присели под магическим действием этой руки. – Я приказываю вам не мешать жить Алисе и пастору дома. Вы превратили их собственный дом в тюрьму, зная, что дед по завещанию оставил дом, где вы живете, Алисе. Зная, что она в этом доме госпожа, вы превратили ее в прислужницу. Теперь вы обе будете трудиться для отца и для Алисы, как они до сих пор трудились для вас. И ни одной ссоры до самой смерти пастора чтобы не было в вашем доме. Идите и помните о том, что я вам сейчас сказал, или в вашей жизни случится непоправимое, вами же самими возвращенное зло, в котором ни я, ни кто другой уже не сможет вам помочь. Помните, вы должны трудиться – или зло завладеет вами.

В сопровождении двух спутников, ни с кем не простившись, но крепко прижимая к себе футляры, точно они боялись, что хозяин передумает и отнимет у них подаренные драгоценности, обе женщины вышли из комнаты. Глаза их горели ненавистью, когда они посмотрели на Наль, пожелавшую им доброй ночи. На Флорентийца и Николая они смотреть боялись. Но еще раз почувствовали на себе взгляд Флорентийца и еще раз словно съежились перед самым порогом комнаты.

Вернувшись домой первыми, пастор и Алиса прошли в свои комнаты и горячо обнялись.

– Мы нашли, Алиса, то, что всю жизнь искали. Теперь я умру спокойно.

– О нет, я гораздо больше эгоистка, чем ты думаешь, папа. Я хочу не только сама быть счастливой на новом пути, но и наслаждаться еще долго и твоим счастьем на нем.

Утомленные тяжелыми и многообразными переживаниями, но счастливые своей новой встречей, оба они быстро и легко заснули, даже не слышав, как вернулись их родные.

Ничто внешнее не может подавлять человека, если сердце его свободно от страха и зависти. Все эти внешние рамки и разные отягощающие обстоятельства – только иллюзии. Пустой, неуверенный человек, не имеющий понятия о том, что он сам все в себе носит и только сам творит свой день, – только такой невежественный человек может жаловаться на обстоятельства и стесняться всего и вся. Вам следует не только понять, что ничто вас подавлять не может, но и научиться владеть собой так, чтобы при всех обстоятельствах не терять спокойствия и чувства свободы, уверенности и гармонии.

Глава 2

О чем молился пастор. Воспоминания Дженни

Дни Наль и Николая текли легко, разнообразно и радостно. К завтраку, в двенадцать с половиной часов, приезжала Алиса, а до этого юная пара успевала осмотреть в Лондоне то, что с вечера назначал им отец. Обычно только за завтраком молодожены в первый раз встречались с Флорентийцем. Они все более и более привязывались к нему и не противились могучему очарованию своего великого друга.

После завтрака Алиса, Наль и Николай проводили час-другой с Флорентийцем, который руководил их обучением. Затем Алиса давала Наль уроки музыки, в чем последняя выказывала немалые способности. Расставшись после урока, каждая занималась далее своими делами. И до традиционного чая, подававшегося в пять часов, в доме царила полная тишина. Только в большом зале время от времени раздавались звуки рояля, затем опять наступала тишина. Это училась и обдумывала свои музыкальные произведения Алиса.

Николай, если только не занимался в библиотеке или не выезжал куда-нибудь с Флорентийцем, работал рядом с ним. К чаю все снова собирались вместе, и до обеда молодые люди гуляли, ездили верхом или отдыхали иначе, по своему вкусу. К обеду приезжал пастор и, посидев часок в кабинете Флорентийца, увозил дочь домой.

Среди кажущегося внешнего однообразия жизни целый новый мир открывался и молодым, и пожилым гостям Флорентийца. По настоянию хозяина Сандра и лорд Мильдрей стали обычными гостями за обедом, соединяясь в одну крепкую и дружную семью со всеми обитателями дома.

Под скромной внешностью пастора кроме недюжинного музыкального таланта скрывались еще ум и огромная образованность ученого, и он часто поражал экспансивного индуса своими познаниями и памятью настолько, что от восторга тот вскакивал, потрясал руками и топал ногами. Под укоризненным взглядом лорда Мильдрея, немало насмешив всех друзей своими кульбитами, Сандра утихал, конфузливо взглядывал на Флорентийца и, сложив руки, уморительно, с детским отчаянием говорил:

– Больше не буду, лорд Мильдрей, вот уж наверняка в последний раз я проштрафился. Никогда больше не буду, – и заставлял Наль и Алису смеяться.

– Если бы я мог завидовать, граф Николай, я бы всему завидовал в вас. В вашем спокойствии, элегантной, немного военной манере ходить и держаться, есть особый аристократизм, которого я не замечал в других людях. Но что еще отличает вас от других, – я не знаю. Могу сказать только, что вы принадлежите не к тому миру, в котором живем мы все, но к миру лорда Бенедикта.

– Долго ли ты, оксфордский мудрец, будешь величать Николая графом? Я нахожу, что вам всем пора уже бросить сиятельные титулы и звать друг друга по именам. Все вы – мои дети.

– И все же это правда, лорд Бенедикт, что Николай, – как вы приказываете его звать, – имеет какие-то особые качества, – вмешался пастор. – И если все мы ваши дети, то он из нас старший и больше прочих походит на отца.

– Благодарю, друзья, за высокое мнение обо мне. Но, право, это ваша детская фантазия. Я просто более выдержан и спокоен. Расстояние между мною и отцом ровно такое же, как между ним и вами. Нам лучше бы сегодня пораньше разойтись. Я вижу, что дорогой пастор сильно утомлен, – закончил Николай.

На побледневшем лице Алисы мелькнула тревога:

– Я вообще замечаю, что папа худеет. Он болен, но не хочет в этом признаться. Я покажусь вам, лорд Бенедикт, на папу. Когда мне случается врасплох застать его, – он так погру-

жен в свои мысли, что даже не сразу видит меня и не сразу понимает, о чем я ему говорю. И вид у него какой-то нездешний. Если бы мама увидела его в таком состоянии, она, наверное, решила бы, что папа беседует с ангелами, ведь она не раз уверяла нас всех, что отец временами впадает в безумие. С некоторых пор папа пугает меня чем-то новым, какой-то оторванностью, отрешенностью от земли, – говорила девушка, опускаясь на колени перед своим отцом.

Пастор ласково обнял дочь, заставил ее сесть рядом. На его добром лице сейчас сияла улыбка, а глаза точно благословляли дочь.

– Нам с тобой не следует беспокоить лорда Бенедикта, дитя. Люди не могут жить вечно. В первый же вечер знакомства с нашим великодушным хозяином я сказал тебе: «Мы с тобой нашли наконец верный путь, и я могу умереть спокойно».

– Папа, папа, не разрывайте мне сердце. На кого же вы покинете меня? Зачем вы меня пугаете?

– Я старался взрастить в тебе сильную душу. В тебе одной я не ошибся. Ты знаешь мою верность Богу, ты знаешь, что нет смерти. Я уйду в вечную жизнь, и ничего страшного в этом нет. Если бы я в последний миг земной жизни не встретил счастья в лице лорда Бенедикта и не мог быть спокойным за то, что зло не окружит тебя, – я бы действительно не сумел уйти так, как подобает верному сыну Отца. Теперь же я знаю, что ты останешься под высокой защитой и зло не коснется тебя.

– О папа, папа, не покидайте меня, – зарыдала Алиса. – Я еще ничем не отплатила за ваши заботы, радость, любовь. За чудесную жизнь, что вы создали мне. Я не вынесу разлуки, я уйду за вами.

По знаку хозяина все гости вышли из комнаты. Лорд Мильдрей увез расстроенного Сандру к себе, а Николай увел плачущую Наль. Оставшись наедине с отцом и дочерью, Флорентиец подал обоим рюмки с лекарством. Вскоре лицо пастора стало бодрым и свежим. Рыдания Алисы тоже утихли, хотя ее глаза-сапфиры по-прежнему сохраняли скорбное выражение.

Когда оба гостя совершенно успокоились. Флорентиец взял их за руки и сказал:

– Жизнь дает людям зов в самой разной форме. Нередко ее призыв выражается в преждевременной смерти. Чаще – в Голгофе страданий. Иногда в человеке, прошедшем свою Голгофу, умирают его прежние качества, и он продолжает жить новой жизнью, как бы жизнью после смерти, поскольку все низшее и личное, что держало его в плену, все страсти и желания – все в нем умерло, освободило его дух. И сохранилась только его прежняя внешняя форма, наполненная новым, очищенным духом, чтобы через нее могла проходить в мир суеты и греха высшая любовь.

Есть такие места на земле – тяжелые, плотные и зловонные из-за своей моральной атмосферы, наполненной страстями, скорбью, злом, – куда люди высокого духовного развития, очистившиеся от страстей, уже проникать не могут. Но и там нужны самоотверженные, усовершенствованные своей личностью души-проводники, через которые можно было бы помогать людям, гибнущим среди зла.

Флорентиец ввел отца и дочь в свою тайную комнату.

– Господи, второй раз я здесь, и второй раз точно перед престолом Божиим, – прошептал пастор.

– И вы не ошиблись, друг. Вы действительно перед престолом Божиим.

С этими словами Флорентиец откинул крышку белого стола, и взорам обоих предстал мраморный жертвенник, на котором стояла высокая зеленая чаша, как бы вырезанная из цельного изумруда. Подведя потрясенных своих друзей к жертвеннику, Флорентиец встал за ними, положил им руки на головы и сказал:

– Вы видите перед собой Огонь нетленной Жизни. В Нем – все силы земли. Им земная жизнь держится. Им все живое вдохновляется к творчеству. Это огонь сферы земли, вложенный в каждого человека.

Огонь этот и Свет солнца – два Начала жизни земли, плоти и духа, неразрывно связанных. С окончанием земной жизни человека огонь меняет форму. И меняет в зависимости от того, как именно Свет солнца был вплетен в путь человека им самим.

Нет ни одного животного, в котором было бы два Начала. Любое из них несет в себе только этот огонь земной сферы. И существуют миллионы людей, в которых огонь земли развит до высоких и даже высочайших степеней, а Свет солнца тлеет едва заметной искрой. Такие люди владеют большими знаниями сил природы, даже могут ими управлять, но в них не горит Свет солнца, Свет любви и доброты.

Они преданы тьме эгоизма, и горят в них только страсти и желания, только сила и упорство воли. Их темная сила во все вносит дисгармонию и раздражение. Их девиз – «Властвуя, побеждай», тогда как девиз детей Света – «Любя, побеждай». Упорство их воли – меч того зла, в запутанные сети которого они затягивают всякого, в ком находят возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ и попадают те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так погружают в разнузданность страстей, что несчастные и хотели бы освободиться, да у них уже нет сил вырваться из цепких лап.

Если сердца ваши готовы служить светлому человечеству, если вы хотите принять девизом жизни «Любя, побеждай», если в вас горит желание приносить любовь и помощь высших братьев тем скорбящим сердцам, которые еще не безнадежно утонули во зле, – я буду давать вам указания, как и где вам действовать в ваших трудовых буднях.

Не о смерти думайте, но о жизни, идущей вокруг вас сейчас. Ищите не молитвы о будущем, но радостной любви, чтобы каждое текущее мгновение было насыщено добротой вашего сердца.

– Я хочу жить так, как призываете вы, – сказала Алиса.

– Все оставшиеся мне мгновения жизни на земле я хочу служить Отцу моему, как пытался я делать это до сих пор, – промолвил пастор. – В вас я вижу ту великую встречу, того наставника на земле, о котором всегда мечтал, и благодарю моего Создателя, пославшего мне ее.

Отец, а за ним дочь склонились перед жертвенником, вознося к небу свои молчаливые молитвы. Их лица были так спокойны, будто они никогда не знали страдания. Флорентиец поднял их, благословил и обнял каждого. Он простился с ними до завтра, наказав им сохранять в полной тайне свой новый путь любви и труда.

Возвратившись и, по обыкновению, не встретив никого из домашних, отец и дочь, посидев немного вместе, разошлись по своим комнатам. Переполненное сердце каждого, несмотря на теснейшую взаимную дружбу, жаждало одиночества.

Алиса, углубившись в книгу, данную ей Флорентийцем, скоро забыла обо всем. Душа ее нашла новый мир, и она легла спать, в первый раз в своей юной жизни обретя полное спокойствие, примирение и радость, не омраченные повседневной скорбью о семейном разладе.

Пастор, открыв свое окно, выходящее в благоухающий сад, долго смотрел на звездное небо, но спокойствия на его лице не было. Казалось, он вновь обдумывал всю свою жизнь. Он вспоминал о первой встрече со своей женой в Венеции. Леди Катарине было тогда восемнадцать лет, а ему двадцать один. Он и не помышлял о том, что уедет из Венеции женатым человеком, бросив карьеру певца, которую начал так блестяще. И первые встречи с будущей женой даже не произвели на него большого впечатления. Леди Катарина была тогда очень красива, жила у своей подруги, дочери высокопоставленного и знатного синьора. Происходя из родовитой, но обедневшей семьи, жившей в глухой провинции, леди Катарина стала жертвой неудачной любовной истории, должна была спешить с замужеством и дала себе слово выйти

замуж за первого же подходящего иностранца, с которым встретится, чтобы уехать с ним из Италии. И подходящим для себя сочла лорда Уодсворда.

Выведав у простодушного англичанина всю его подноготную, поняв, что его можно взять только добротой и любовью, леди Катарина так играла роль безнадежно в него влюбленной, что бедный лорд попался на крючок и, сочувствуя ей, незаметно для себя полюбил бедную девушку, навек отдав ей сердце.

Не сразу удалось ему уговорить отца и получить разрешение на этот брак. Упрямый старик дал свое согласие на брак с тем условием, что младший его сын станет пастором. За это он обещал ему оставить в наследство дом в Лондоне, тот самый, где и жила до сих пор семья пастора, со всей обстановкой и садом. Но с условием, что дом будет принадлежать младшей дочери. Фамильные драгоценности бабушки тоже предназначались ему, любимцу. Но бабушка умерла внезапно, не оставив завещания. На словах она успела передать сыну свою волю касательно младшего внука, велев передать ему небольшую сумму денег и все бриллианты. Пастор разделил это наследство по своему усмотрению. Старшей дочери завещал деньги, младшей – дом и драгоценности.

Молодой лорд, поведавший девушке свои мечты об артистической карьере, рассказавший о своей любви к музыке, был очень удивлен, когда она принялась уговаривать его послушаться отца, сделаться пастором и немедленно на ней жениться. Никакие доводы логики не действовали. Девушка не верила в его артистические таланты, столь одобряемые профессорами. Не верила она и его способностям к науке и боялась стать женой ничем не обеспеченного певца или еще менее обеспеченного ученого. Дом же в Лондоне, предоставляемый немедленно за согласие стать пастором, казался ей уже кое-чем, а деньги и бриллианты для нее были надежнее славы певца или лавров ученого.

Ее настойчивые уговоры перешли в бурные мольбы о спасении, и последовали такие сцены, что бедный юноша, принеся в жертву свои мечты, повел к алтарю девушку, которую – как она говорила ему теперь, – он шокировал и компрометировал своим поведением.

«Чем была вся моя семейная жизнь?» – думал в ночном безмолвии пастор.

Для него каждый прожитый день являл собой ряд внутренних катастроф.

Неряшливая и жадная итальянка с дурными манерами трудно поддавалась элементарному внутреннему и внешнему воспитанию. И только окончательное его решение, твердое как скала, стоившее немалого количества истерик и сцен, заставило леди Катарину образумиться и усвоить внешние требования, предъявляемые английским обществом к женщине ее круга. Пастор объявил категорически, что до тех пор, пока она не научится вести дом и хозяйство и держать себя, как подобает английской леди, она не будет представлена ни его отцу, ни старшему брату, не будет введена в их семью, а следовательно, лишится того высшего общества, которого так жаждет.

Целый год прошел в напряженной борьбе. Дочь родилась преждевременно, на голове пастора появились первые седые волосы, и вот наконец налет богемы, неизвестно как и где приобретенный, благодаря огромным усилиям воли и доброте мужа, сошел с леди Катарины. Постепенно вводимая мужем в общество, она усвоила внешний аристократизм, оставаясь по сути мелкой и жадной мещанкой.

Пользуясь своей красотой, пасторша легко завладевала сердцами, но прочной дружбой ни с кем похвастаться не могла. Какие горькие минуты переживал пастор, возвращаясь в свой тихий дом из богатых покоев отца и брата! Леди Катарина, ослепленная блеском роскоши, только и говорила, что о слабом здоровье его брата, об отсутствии у него наследников и об их блестящем будущем после смерти брата, когда ее муж станет единственным наследником всех его богатств.

Вспомнилось пастору и рождение его младшей дочери. Насмешки матери сыпались на голову бедной крошки, синие отцовские глаза и кудрявые белокурые волосы которой раздра-

жали ее. Так и росла бедная Алиса, видя, как мать всегда и во всем предпочитала старшую сестру. Но кроткий ребенок, восхищавшийся и матерью, и сестрой, не только принимал как должное свое положение Золушки. Доброе, не знавшее зависти сердце искало любой возможности служить обеим. И девочка всегда бывала эксплуатируема, часто в ущерб своему здоровью. Пришлось пастору и здесь наложить вето, с которым уже была хорошо знакома его жена. Вот об этом-то и думал сейчас пастор, стараясь отдать себе отчет, насколько виновен он перед Богом и собой в своей нескладной жизни. Он поднялся, закрыл окно и опустил на колени перед аналоем, на котором лежало Евангелие.

– Господи, виновен человек во всей своей жизни, и только он один виновен. Знаю – скоро отойду. И молитва моя к Тебе: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Я слишком поздно понял, что главное условие всей жизни, всюду, не только в семье – мир сердца. Я старался нести его всем. Но в семье своей поселить его не сумел. Проходя свой день, я стремился принести всем встречным бодрость. Я стремился ободрить и утешить каждого. Я хотел, чтобы вошедший ко мне одиноким – ушел радостным, ибо понял, что у него есть друг.

Но в своей собственной семье, при всей силе доброты, я не достиг не только гармонии, но даже чистоты. Господи, я понял все страдание земли своим разбитым сердцем. И я его принял и благословил. Защити Ты дитя мое величием Твоей благой любви. Ибо мое сердце не выдерживает более двойственности и не может больше биться, пребывая в компромиссе.

Я знаю единый путь человека на земле – путь самоотверженной преданности Тебе. Но радость этого пути, отравляемая ежедневной ложью и лицемерием в семье, не ввела меня в число слуг Твоих, на которых лежит отражение Тебя.

Ныне, у божественного огня, я понял, увидел новый путь любви. Я знаю, что срок мой настал, я ухожу с земли, – прими меня с миром и не оставь дитя мое беззащитным.

Лицо пастора посветлело. Перед ним ярко и ясно стоял образ Флорентийца, и уверенность в его помощи крепла в нем, на сердце становилось легко и спокойно. Вся нечисто прожитая семейная жизнь перестала его тревожить. Это было уже прошедшее, далекое и чуждое. Точно не он, теперешний пастор, прожил эту жизнь; не он боролся, чтобы понять и исполнить свой путь, как путь утешителя каждому встреченному на земле, а иной человек, о котором он сам теперь сохранил только воспоминание.

Мелькнувшая молодость, занятия наукой, музыкой, любимая дочь, цветущая природа – все показалось ему одним мгновением. Отрешенность, долго жившая в его сердце как мучительное страдание, стала вдруг радостью раскрепощения. Дух его ничто больше не тяготило. Он понял, что жизнь – это одно мгновение Вечности; земная жизнь человека завершается тогда, когда истощается его творческая сила, и земля, как место труда и борьбы, ему более не нужна. Можно умереть молодым, и только потому, что в данных земных условиях ни сердце человека, ни его сознание больше не могут сделать ничего. Нужны иное окружение и иная форма, чтобы дух и творческие способности могли совершенствоваться.

Светало. Пастор встал с колен, подошел к окну, открыл его и сел в кресло.

Его мысли вернулись к Алисе. Но теперь тревоги за дочь он уже не испытывал.

Он знал, что каждый может прожить только свою жизнь. И сколько бы ни старался ты протоптать тропинку для своих детей, жизнь повернет ее так, что только сам человек, только он один, сможет проложить ее для себя. Ни пяди чужой жизни не проживешь.

Когда Алиса утром вышла в сад поливать цветы и увидела отца сидящим у окна, она кинулась к нему. Но в ту же секунду радость ее померкла и сменилась тревогой.

– О, папа, вы больны? Что с вами? Вы так изменились за ночь, осунулись, так бледны, что я сейчас же вызову доктора.

– Успокойся, дитя, у меня бессонница. Не могут старые люди всегда быть здоровыми. Я уже говорил не раз: и молодые могут умереть, а для старых – это неизбежно. О чем трево-

житься? Люби меня, но люби спокойно, люби всякую мою форму, ощущай близость со мной, где бы я ни жил, далеко или близко. Верная любовь не знает разлуки.

Слезы готовы были брызнуть из глаз Алисы, но доброе ее сердце мужественно победило свою скорбь, чтобы не тревожить отца.

– Папа, вам не хочется выйти в сад?

– Нет, дитя, мне так хорошо здесь.

– Я сейчас принесу вам шоколад. Отдыхайте и ждите меня, я скоро. Уж я заставлю вас есть сегодня, – стараясь казаться веселой, говорила Алиса. Но как только она завернула за угол дома, где ее не мог видеть отец, она села на скамью и, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

– О чем ты плачешь, Алиса? – резко спросила Дженни с балкона своей комнаты. – Разбила куклу? Или сегодня, у новых друзей, тебе хочется иметь томный вид страдающей жертвы?

Алиса собралась рассказать Дженни о болезни отца, о своей тревоге за него, но взглянув во враждебные глаза сестры, сказала только:

– Ты все шутишь, Дженни. А мне кажется, что над нами нависло горе, которого ты не хочешь видеть.

Дженни рассмеялась так же резко и насмешливо продолжала:

– Давно ли ты в мудрецы записалась? Шестнадцать лет слыла дурочкой и вдруг попала в умницы у лорда Бенедикта. Кому это делает честь? Его прозорливости или твоей хитрости?

– Меня, Дженни, ты можешь называть как угодно. Но если ты хоть раз еще позволишь себе сказать что-либо неуважительное о лорде Бенедикте, – ты уйдешь из этого дома, чтобы никогда в него не вернуться. Помни, что я тебе сейчас сказала, – это дом мой. И чтобы ни единого непочтительного слова о лорде Бенедикте в этом доме произнесено не было!

Что-то отцовское, когда он говорил свое редкое, но неумолимое «нет», засверкало в глазах Алисы. Необыкновенная решительность и железная твердость в ее голосе – все это было так неожиданно в кроткой и нежной сестре. Дженни сразу почувствовала, что это не пустая угроза, что она действительно останется без крова, если нарушит этот запрет Алисы.

Дженни знала, что кроткий отец обладал колоссальной силой характера, и ничто не могло изменить его решения, если он его продумал и высказал. В Алисе она сейчас узнала эту отцовскую черту, как давно уже узнавала в самой себе черты характера матери.

Пока Дженни приходила в себя от изумления, Алиса готовила завтрак пастору. Не один пастор провел сегодня бессонную ночь. Дженни вчера возвратилась домой в полной размолвке с матерью. И обе, недовольные друг другом, разошлись по своим комнатам, не помирившись перед сном.

Не в первый раз за последнее время мать и дочь были недовольны друг другом, что поражало их обеих, живших до сих пор в большой любви и дружбе и не ссорившихся прежде. Ленивые, самолюбивые и вспыльчивые, они всегда искали в Алисе причину своего дурного настроения. Им всегда казалось, что они недовольны ею, а не друг другом. Бессознательно ища ее общества в минуты раздражения, обе они, покоряемые кротостью и любовью девочки, ее всегдашним желанием успокоить и развлечь их, поддавались обаянию этой чистоты и самоотверженности, хотя и считали Алису дурочкой.

Теперь Алисы, как и пастора, целыми днями не было дома. Работа, которую всегда делала Алиса, свалилась теперь на них. Ведь Алиса постоянно стирала, гладила, шила, что-то перекраивала, чтобы Дженни и мать выглядели нарядными. Рояль ждал Алису неделями, потому что, даже уходя из дома, обе давали ей наказания, во что их одеть завтра, совершенно не думая о том, что эксплуатируют девочку. Раздражаясь, обе кое-как сами прилаживали теперь свои туалеты, проклиная в душе тот день и час, когда лорд Бенедикт переступил порог их дома.

Запершись в своей комнате вечером, Дженни рвала и метала. Неоднократные размолвки с матерью, отсутствие у нее всякой выдержки и не сходившие с уст проклятия докучали Дженни. Только теперь она увидела, как некультурна ее мать, и оценила благородство отца.

За всю сознательную жизнь Дженни пастор не сказал ее матери ни одного слова повышенным тоном и не позволил себе ни единого неджентльменского поступка по отношению к ней. Он был справедлив к обеим дочерям, балуя обеих одинаково. Мать же признавала только Дженни. И она со стыдом сейчас вспоминала, как часто съедала сладости, предназначенные сестре, как мать отнимала для нее у Алисы врученные ей подарки. И как та, радостно улыбаясь, отдавала Дженни все лучшее, что имела.

Вспомнила Дженни и свой первый бал у деда. Мать приказала Алисе выпросить у деда завещанные ей по наследству бриллианты, чтобы Дженни могла их надеть. Дед ласково, – при всей своей суровости он всегда был необычайно ласков с Алисой, – в просьбе отказал. Подняв ее личико своей красивой рукой, он сказал:

– Не Дженни и не твоя мать, а ты наденешь бриллианты моей матери. Они предназначены тебе и будут присланы к твоему первому балу.

– Тогда уж, дедушка, их наверное никому не придется надеть. Ведь моего первого бала никогда не будет.

– Почему же так, внучка? – рассмеялся дед, обнимая девочку, чего тоже почти никто не удостоивался.

– На балы не возят дурнушек. Да и кроме того, я предпочла бы послушать классическую, а не бальную музыку. Ах, дедушка, как ты меня огорчил. Дженни ведь такая красавица. Ну как же она явится на бал с голой шеей?

– Может шею свою прикрыть чем-нибудь или вообще на бал не ездить.

– Так ей и сказать?

– Так и скажи.

Личико ребенка опечалилось. Алиса долго еще пыталась объяснить деду, что так огорчать людей нельзя. Это его смешило, он громко хохотал и все же отвез ее домой с коробкой конфет, но без драгоценностей. Дженни вспомнила и этот день, и ясно видела перед собой поникшую фигурку сестры. Под градом материнских упреков Алиса только горестно твердила, что просила деда так усердно, как самого Бога, но, видно, по ее грехам, ни тот, ни другой ее просьбам не вняли.

Картины жизни мелькали в памяти Дженни одна за другой, и вот в доме появился молодой ученый, друг отца, Сандра.

Дженни в первый же вечер уловила восхищенный взгляд гостя, когда Алиса играла и пела, и с тех пор старалась не допускать Алису к роялю при Сандре. Но тот умел действовать через отца, и это выводило из себя немзыкальную и ревнивую Дженни. Способная, с хорошей памятью, она легко схватывала суть каждой книги и была довольно образованна, хотя и не желала следовать той программе образования, которую ей предлагал отец. Знакомство с Сандрой, желание обратить на себя его внимание заставило ее серьезно учиться, и она – не без пользы для индуса – иногда припирала его к стенке в споре. Но поразмыслив на свободе, индус являлся с новыми книгами и доказывал Дженни, что она оперирует фактами по-дамски. И Дженни должна была прочитывать целые тома серьезных книг, чтобы разобраться, права ли она. Это ее злило и утомляло, раздражая еще и потому, что, как она ни старалась увлечь собой Сандру, он поддавался ее очарованию только до тех пор, пока рядом не появлялась Алиса. Стоило той войти – и вся ученость слетала с Сандры, он становился ребенком и дурачился с ней, смеясь так весело и радостно, как этого никогда не могла добиться Дженни никакими чарами своего кокетства. Ревность жгла ее сердце. Но она ни в чем не могла упрекнуть сестру. Алиса старалась незаметно скрываться, когда появлялся Сандра, и ни разу его имя не слетало с ее губ иначе, чем в числе поклонников сестры.

Сейчас Дженни стало словно душно в атмосфере зла и раздражения. Она поняла, что любит отца, любит и сестру, и хочет быть с ними. Она оценила их духовность и не знала теперь, как к ним подойти, как покончить с той двойственностью, в которой жила. Казалось бы, куда

проще: попросить Алису взять ее с собой к лорду Бенедикту. Там она могла бы получить совет, как приблизиться к отцу и сестре, не вызывая ревности матери. Но... как просить сестру? Как сказать ей? Лорд Бенедикт? Обратиться к нему? Невозможно: и стыдно, и страшно.

Дженни решилась просить совета у Николая.

«Граф, – писала она, – мне впервые приходится обращаться за советом и помощью к чужому и малознакомому человеку. Но Вы не просто человек. Вы ученый и философ, и вот к этому последнему я решаюсь обратиться. До сих пор я очень уверенно и самонадеянно вела линию своей жизни и была убеждаема постоянным в ней успехом, что веду ее правильно и именно так, как следует.

Некоторый разлад в моей семье казался мне следствием детского, непрактичного простодушия отца и сестры. Теперь же в душе моей ад. Туда закрались сомнения. Там я вижу многое, ах как многое, не таким, как это мне казалось до сих пор. И найти выход, чтобы обрести хоть каплю равновесия, я не могу. Я все больше раздражаюсь, и чем яснее понимаю, что мое злобное настроение доказывает только мою же неправоту, тем больше злюсь. И сама вижу, как змеи в моем сердце шипят и поднимают головы.

К чему и зачем я все это говорю Вам, граф? Потому, что образы лорда Бенедикта и Ваш стоят передо мной неотступно. Только в Вашем доме я впервые поняла, что жизнь может двигаться вперед добротой. И странно, там, в доме лорда Бенедикта, я не ощущала особенно сильно его и Вашего влияния. Даже – почти изгнанная лордом из его дома – я зло смеялась первые дни, усердно отравляя жизнь Алисе и папе. Но чем дальше, тем яснее я начинаю видеть ваши лица, и в моем сердце становится все печальнее.

Я прошу Вас, разрешите мне поговорить с Вами. Вспоминая строгое и какое-то особенное лицо лорда Бенедикта в последний миг расставания, я не смею обратиться к нему с просьбой о встрече. Его величавость – не поймите меня дурно, я уверена, что она – отражение его души, а вовсе не внешний фасон, – меня сковывает. Я не смею обратиться к нему и не могу себе представить, как обнажить перед ним язвы сердца.

Я попрошу Алису передать Вам это письмо, но никогда не решусь переступить порог того дома, где сейчас живете Вы, потому что это дом лорда Бенедикта. И я не смею просить Вас приехать ко мне. Не откажите мне в просьбе выйти завтра в три часа в Т-рсо-сквер и поговорить со мною. Примите самые искренние уверения в полном уважении к Вам.

Дженни Уодсворд».

Это письмо стоило Дженни многих скорбных размышлений. Гордая девушка не хотела, как ей казалось, поддаваться слабости, и только ее незаурядный ум помог ей признать свои ошибки и упомянуть о них в письме.

Окончив письмо, Дженни вздохнула с облегчением. Она, по крайней мере, перешла некий Рубикон. Ей казалось, что она захлопнула в своей душе дверь какого-то чулана, темного и неприятного, и может не заглядывать туда хотя бы несколько часов. Оставалась еще одна проблема: просить сестру передать письмо. На деле это оказалось для Дженни гораздо труднее, чем она вначале полагала. В сердце своем, смягчившемся во время написания письма, она точно раскрыла объятия Алисе. Но... внезапно Дженни услышала, как сестра разговаривает с отцом, и голос Алисы, полный доброты и ласки, вдруг мгновенно напомнил ей недавнюю сцену у балкона, ожившую до боли четко и ясно. Потрясенная вспомнившимися ей словами Алисы, Дженни первым делом бросилась к письму, чтобы разорвать его в клочья.

Но вместо этого она закрыла лицо руками и горько, по-детски зарыдала.

Дженни, гордая Дженни, так много мнившая о своей красоте! Дженни, оберегавшая свое лицо от малейшего дуновения ветерка, не уронившая и слезинки, чтобы не испортить кожу, – Дженни рыдала, забыв обо всем, кроме глубокой горечи на сердце. Чьи-то нежные руки обняли ее. Чьи-то горячие губы целовали ей руки. Чье-то дыхание согревало ее, проникая в самое сердце, точно вытаскивая оттуда занозу.

– Дженни, сестра, любимая моя, дорогая. Прости меня, я ведь такая глупая, ты это знаешь, прости, родная. Я не сумела донести до тебя свою мысль так, чтобы ты, такая умная, поняла бы меня.

Слезы сестры, такие необычные и вызванные ею, совсем уничтожили бедную Алису. Она готова была отдать самое жизнь, чтобы утешить сестру. И все же сознавала, что оскорбить лорда Бенедикта в своем доме она не позволит. Все, что было связано с ним, было ей дороже жизни. Алиса умерла бы за сестру, но не могла изменить ему, ибо он-то и был сейчас центром ее жизни. Дженни ничего не отвечала. Но под проявлением ее доброты затихла и вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, прильнув к сестре, точно к доброй няне. Она молча, все еще чуть-чуть хмурясь, подала письмо Алисе. Та взглянула на адрес, ласково поцеловала ее еще раз и, спрятав письмо за корсаж, вышла из комнаты.

Впервые Дженни почувствовала благодарность к сестре и сожаление о своей внутренней разьединенности с нею. Пасторша же, избалованная тем, что к ее выходу в столовую к двенадцати часам Алиса подавала обильный завтрак, непременно с несколькими горячими итальянскими блюдами, теперь каждый раз раздражалась и оглашала дом претензиями к кухарке, не умевшей ей угодить. Ее так и передергивало всякий раз, когда Алиса садилась в элегантный экипаж и уезжала из дома, часто вместе с отцом. Она долго пилила пастора, доказывая, что ей необходимо иметь свой экипаж, но получив и здесь его железное «нет», поняла, что должна покориться. Она, конечно, не оставила попыток получить желаемое и стала выпрашивать экипаж у тестя. Тот ответил ей, что охотно подарил бы ей лошадь, но сын запретил, а ссориться с ним он не хочет. Брат мужа, к которому пасторша обратилась с той же просьбой, дал ей такой же ответ.

Настырная женщина стала бороться с пастором, с каждым его распоряжением, приказанием, пожеланием. Поняв давно, что сгубила карьеру мужа и сама избрала скромную жизнь пасторши вместо блестящей и обеспеченной жизни жены знаменитого певца, она вымещала на муже всю злобу за свою же ошибку. Не зная английских законов, она сначала хотела развестись, надеясь, что сможет вместе с разводом получить половину состояния мужа и уехать за границу. Но и тут все оказалось против нее, а стать вне общества она не решилась. Так и шла ее жизнь в полном отдалении от мужа, который стал жить в своем кабинете и после рождения Алисы не переступал порога супружеской спальни.

Пасторша, ища развлечений на стороне, все же вела внешне безукоризненную жизнь, и репутация ее была незапятнанной. Пастор соблюдал внешнюю видимость счастливой семейной жизни и не пропускал случая появляться на людях вместе с женой тогда, когда этого требовали обычай или этикет. Его доброта и джентльменская вежливость с женой вводили всех в заблуждение. Да и кому могло прийти в голову, что, имея мужем одного из известнейших ученых, человека большого музыкального дарования и честнейшей души, супруга пастора могла быть недовольной своей семейной жизнью.

Непостоянная в своих увлечениях, пасторша часто искала новой любви, но тщательно скрывала свои порывы от домашних. И Дженни, убежденная, что мать – жертва самодура-отца, обожала ее вдвойне, стараясь вознаградить ее за холодность мужа. Но не так давно зоркие глаза Дженни стали подмечать кое-что такое, чего пасторше вовсе не хотелось, хотя она и старалась воспитать Дженни на свой лад, уверяя, что в Италии не скрывают своих чувств.

Однажды Дженни нечаянно столкнулась на улице с матерью, когда та под густым вуалем выходила из подъезда чужого дома вместе с малознакомым мужчиной. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова за всю обратную дорогу. Дженни и дома молча прошла к себе. За обедом она уже овладела собой и старалась отвечать матери обычным тоном. Но в сердце ее уже не существовало идеала в лице матери. Поверженный кумир перестал держать ее в своей власти.

Дженни не плакала, не стонала. Она охладела сразу. И пасторша поняла, что любовь и доверие своей любимой дочери она теряет. Но и сейчас она не признала своих ошибок и не желала меняться. Она хотела, чтобы Дженни принимала ее манеру жить как единственно правильную и возможную.

Избалованная прежней привязанностью Дженни, пасторша не могла смириться с тем, что любимая дочь отдалилась от нее, и она внезапно стала совсем одинокой в своей семье. Тогда она решила соблазнить дочь идеей блестящего замужества.

Не одну бессонную ночь она обдумывала ситуацию. Она легкомысленно перебирала в уме неженатых молодых людей и пожилых аристократов, знакомых и незнакомых. И успокаивалась к утру на том, что найдет Дженни состоятельного жениха с именем и блестящим положением и тем вернет себе доверие дочери.

Так и жили члены семьи пастора, и никто не признавал, кроме него самого, что в их дом уже нашла дорогу смерть.

Глава 3

Письма Дженни, ее разочарование и внутренняя борьба

Алиса опоздала к завтраку на целых двадцать минут. Лорд Бенедикт, Наль и Николай собрались в кабинете хозяина и ждали свою гостью, которая за эти два месяца, пролетевшие как один день, успела стать дорогим и любимым членом семьи.

Наль, приученная дядей Али, Флорентийцем и Николаем к аккуратности и пунктуальности, тревожилась больше других, уверяя отца и мужа, что Алиса, наверное, заболела.

– Сомневаюсь, что ее задержала болезнь. Я думаю, она скоро будет здесь, и тревожиться нет причин, дочь моя. Но если ты удвоишь свои заботы об Алисе и постарайся выказать ей еще больше любви и внимания, ты поступишь правильно. Бедной девочке предстоит вскоре большое испытание. И кроме нас троих – как ей будет казаться – у нее во всем мире не останется ни одного близкого сердца.

– Для Алисы, отец, мне легко сделать все, что только в моих силах. Я люблю ее, как близкую сестру. Да и возможно ли не полюбить ее, однажды встретив? Но я потрясена тем, что ты сказал. Неужели ее отец так болен?

– Состояние его здоровья таково, что он мог бы еще жить. Но жизненных сил для борьбы с тем злом, которое его окружает, у него уже недостаточно. А в его жене сила зла нарастает. Он уйдет из жизни, спасаемый светлой силой любви, которой служил всю жизнь. Это произойдет потому, что борьба с тем злом, которое подбирается к его дому, требует знаний и сил гораздо больших, чем смог достичь пастор.

Только Флорентиец закончил говорить, как раздался легкий стук в дверь и слуга доложил, что мисс Алиса Уодсворд приехала. Наль побежала навстречу своей подруге, а мужчины прошли прямо в столовую.

Извиняясь за опоздание, Алиса не обмолвилась ни о болезни отца, ни о разладе в доме. Но ее заплаканные глаза, бледное и расстроенное личико говорили обо всем без слов. Она так незаметно положила письмо Дженни рядом с прибором Николая, что даже Наль не знала, откуда пришло письмо.

Увидев письмо, доставленное не почтой, Николай взглянул на Алису, положил его в карман и, казалось, инцидент был исчерпан.

– Почему Дженни избрала тебя почтальоном? – внезапно спросил Алису лорд Бенедикт. – Если она еще раз попросит тебя передать письмо кому-либо из нас, откажись. Скажи, что ей лично никто не закрывал пути ко мне. Но вот если твоя мать попросит отвезти ее куда-нибудь по дороге к нам или передать кому-либо письмо или какую-либо вещь, или что-нибудь передать на словах, – категорически откажись сделать это. Вся твоя жизнь в эти месяцы – это отец, заботы о нем, и мы. Принимаешь ли ты это условие, Алиса?

– Принимаю ли, лорд Бенедикт? Да разве я могу выбирать? Мое сердце больше не живет в одиночестве. В нем поселилось новое лицо, не спрашивая на то разрешения. Все, кто жил в нем раньше, остались. Но новый владыка дал ему новую жизнь. Уйдут все любимые, – голос Алисы задрожал, она с трудом, но победила слезы, – и я знаю, что останусь жить. В тяжелой скорби, быть может, в ужасе, но жить буду. Но если бы ушел из сердца ваш образ, лорд Бенедикт, если бы погас там свет, зажженный вами, жизнь ушла бы из него. Вы ведь сами все видите. Зачем об этом говорить.

Я взяла письмо Дженни, не зная, что в нем. Но зато точно знаю, – только здесь может Дженни найти свое спасение.

– Не огорчайся, друг мой. Ты узнаешь, как трудно, а иногда и невозможно помочь людям, если они ленивы, разнузданны, не хотят трудиться и видят счастье жизни только в богатстве и наслаждениях. Все, что ты можешь сделать, чтобы не создать еще большего зла при твоих слабых силах и малых знаниях, это избегать всяких отношений с сестрой и матерью. Находишь те немногие часы, которые ты проводишь дома, только рядом с отцом. И если завтра мать твоя захочет сесть в твой экипаж, – помни мой запрет. Впрочем, я скажу об этом твоему отцу.

Лорд Бенедикт встал, завтрак окончился, и каждый занялся своим обычным делом.

Алиса была выбита из колеи словами Флорентийца. Она не понимала, о каком зле он говорит. Почему нельзя довести мать, которая, кстати, уже не раз просила об этом, куда-либо по дороге. Почему нельзя взять письмо у бедной Дженни, которая так страдает, что даже плакала первый раз в жизни. Алиса не понимала смысла приказа, но ей и в голову не приходило ослушаться. Ничто на свете не заставило бы ее поступить наперекор воле Флорентийца, отступить хотя бы на йоту. Не понимая пока, почему она должна вести себя именно так, она интуитивно сознавала, что в требовании Флорентийца заложен глубокий смысл и, может быть, даже спасение ее близких. Страдая из-за них, а больше всего – из-за отца, она подошла к роялю, своему первому другу и помощнику в тяжелые минуты жизни, и нашла забвение в музыке.

Прочитав письмо Дженни, Николай пошел к лорду Бенедикту. Прочитав его, тот немного помолчал, а потом спросил:

– Как же ты думаешь поступить?

– Мне кажется, девушку еще можно спасти. У нее большие способности, она могла бы серьезно заинтересоваться наукой и победить свою страсть к поиску внешних благ.

– Для этого ей надо начать по-настоящему трудиться, выбрать какую-либо отрасль науки и посвятить ей полжизни. Но беда в том, что она не способна к чему-либо большому, крупному. Прожить хотя бы год в изоляции и подчиниться строгому распорядку дня, понять, что надо становиться госпожой самой себя и научиться управлять своими страстями, она не сможет.

Ты уже дошел до той ступени, когда ученики духовного знания могут самостоятельно разбираться в тех встречах, которые приносит им жизнь. Ты можешь поступить так, как найдешь нужным.

– Нет, отец. Этот случай какой-то особенный. Я пока не понимаю, как, но знаю определенно, что нити зла тянутся от Дженни и, главным образом, от пасторши, к Левушке. Когда я читал это письмо, то ясно видел Левушку ускользающим от каких-то опасностей, связанных с пасторшей и Дженни, и Алису, спасаемую вами от их плена. Я пришел просить вас указать мне точно, как следует себя вести, поскольку чувствую, что не в силах распознать, как надо действовать.

– Сын мой, если хочешь поступить так, как видят мои глаза, – не выходи к Дженни в сквер и не пиши ей. Вместо этого продиктуй Наль короткое письмо и сообщи в нем Дженни, что ты разговаривал с лордом Бенедиктом, и он будет рад видеть ее в своем доме в одиннадцать часов утра в воскресенье, если она желает переговорить с ним.

– Так я и поступлю, отец. Но не забыли ли вы, что пригласили пастора и Алису к себе в имение с четверга до воскресенья? Вы предполагали, что мы вместе возвратимся в Лондон в понедельник.

– Совершенно верно. Мы уедем, как и вернемся, вместе. Но ведь езды в деревню час с небольшим. Я пробуду в воскресенье в Лондоне часов до пяти, и не только из-за Дженни. К обеду я снова буду с вами. Надо постараться подкрепить силы пастора, Наль и Алисе тоже надо побыть на свежем воздухе. Да и тебе надо отдохнуть.

Кстати, съезди к лорду Мильдрею. Там ты, наверное, найдешь Сандру в роли сиделки. Лорду отведи вот это лекарство, оно поставит его на ноги за два дня. Пригласи их обоих поехать с нами в деревню. Индус, конечно, не замедлит наградить тебя акробатическим кульбитом, а

лорд просияет и не сможет найти слов для выражения своей радости. Письмо к Дженни отправь с кем-нибудь из слуг сейчас же.

Николай ушел диктовать Наль письмо, а затем уехал к лорду Мильдрею. А Флорентиец сел за свой письменный стол и в глубокой сосредоточенности написал несколько писем.

Отправив свое послание с Алисой, Дженни не сомневалась, что вечером сестра привезет ей ответ и в нем будет самое любезное согласие Николая немедленно явиться на свидание к ней. И она стала мысленно готовить речь для Николая, обдумывая каждое слово. Ей хотелось показать графу – философу как тонок ее ум и изысканны чувства, как ей нужна иная жизнь, в которую надо лишь указать ей путь, чтобы она успешно достигла цели. Затем она стала обдумывать, в каком туалете ей завтра появиться перед графом. Она подошла к шкафу и стала выбрасывать из него на диван свои костюмы. Синий она отставила как слишком будничный. Зеленый, который так прекрасно оттенял ее кожу и волосы, показался ей чересчур ярким для делового свидания. Вскоре целая куча платьев лежала горой на диване, а Дженни все еще не знала, на чем ей остановиться. Если бы здесь была «дурочка» – как всегда мысленно называла Дженни сестру, – вопрос был бы решен в две минуты. У «дурочки» был такой изысканный вкус, что Дженни давно уже следовала ее предпочтениям в выборе туалетов. Жизнь заставила ее оценить вкус Алисы, поскольку ее наряды лишь тогда вызвали всеобщее одобрение, когда она следовала указаниям сестры.

И снова досада и зависть, что Алиса находится теперь в аристократическом доме, а она, Дженни, должна одна трудиться над туалетами, привели ее в раздражение, а время шло, и нерешительность Дженни сменялась возмущением. Почему Алиса, а не она – блестящая красавица – попала в любимицы лорда Бенедикта? И Дженни дала себе слово обворовать Николая. Она уже не раз пробовала свои чары на мужчинах и – ни разу не будучи влюбленной, но лишь флиртуя, – уже нескольких из них заставила искренне полюбить ее.

Наконец Дженни отобрала костюм темно-серого шелка с темно-зелеными пуговицами и задумалась о выборе шляпы к нему. В тот момент она забавно выглядела в легком халате со шляпой на голове; вокруг нее тоже были разбросаны шляпы.

Внезапно в ее комнату не вошла, а буквально влетела пасторша, тоже в халате и даже непричесанная. Она стала сыпать словами как горохом, и Дженни поняла, что к ней пришел слуга от лорда Бенедикта с письмом. На все требования пасторши отдать письмо ей слуга отвечал отказом, заявляя, что вручит письмо лично в руки мисс Уодсворд. Любопытство пасторши было доведено до предела. Понося слугу и хозяина, отдавшего такое приказание, она торопила Дженни поскорее выйти к слуге, которого успела обругать.

– Прежде всего, мама, скажите, пожалуйста, посмотрели ли вы на себя в зеркало? На кого вы похожи! Сколько времени не стирался ваш халат? Вам десятки, сотни раз говорил папа, что леди не должна выскакивать в прихожую на стук посторонних без особой надобности. Вы же не только сами выскочили к лакею лорда Бенедикта, хотя у вас трое слуг, но еще и оскандалили меня перед ним. Как теперь этот лакей изложит свой отчет лорду Бенедикту? И – что еще нелепее – расскажет в людской о вашем грязном халате и ругани?

– Это еще что за разговоры, Дженни! С некоторых пор, как я замечаю, ты, как и папенька, стала чересчур заботиться о хорошем тоне. Я не советую тебе переходить на сторону отца и Алисы, у меня для тебя есть просто блестящие планы...

– У вас, мама, всю жизнь блестящие планы, только рушатся они легче карточных домиков. Но прошу вас, пройдите к себе и дайте мне возможность одеться. Я не могу выйти к слуге лорда в халате.

– Давно ли тебе стала мешать мать?

– Нет, не так давно, к моему сожалению и огорчению, я стала во многом расходиться во мнениях с моей матерью.

Видя, что мать не уходит, она накинула черный плащ, который, вместе со шляпой, придал ей вид дамы, готовящейся выйти из дома. Категорически запретив пасторше следовать за собой, Дженни вышла в переднюю. По дороге она соображала, как должна вести себя леди, выходя к лакею. Точного представления у нее об этом не было. Но прежде чем Дженни успела что-либо сообразить, она увидела отлично одетого человека, которого приняла бы на улице за настоящего джентльмена. С вежливым поклоном он подал ей письмо, вновь откланялся и сейчас же вышел, не проронив ни слова.

Дженни была озадачена. Только она приготовилась улыбнуться и попросить его подождать, пока она напишет ответ, как осталась одна, будто сюда никто и не приходил. Дженни инстинктивно почувствовала какое-то пренебрежение к себе со стороны передавшего ей письмо. Хотя это и был слуга, но все-таки он был молодым мужчиной, и мог бы заметить, что перед ним стоит красавица и у него есть благовидный предлог ею полюбоваться. А он даже не взглянул на нее.

Пасторша, нетерпеливо подглядывавшая в щелку, выскочила в переднюю, удивляясь, почему Дженни не вскрывает письмо. Однако Дженни в тот момент ощущала только ярость. Она ясно видела, что конверт надписан четким, красивым, еще не совсем оформившимся женским почерком. Гнев Дженни обрушился на пасторшу; она заявила, что та была груба и вульгарна с лакеем, из-за чего он и вылетел пулей из их дома. Тут же Дженни обвинила мать в подслушивании и подглядывании у дверей. И чем больше Дженни сознавала, что причина ее ярости не в матери, а в ней самой, тем больше она злилась. Впервые она узнала в себе материнскую черту характера – доходить до бешенства, на что прежде считала себя не способной.

Увидев ужас на лице матери, Дженни сразу поняла, как безобразно она выглядела в ту минуту. Закрыв лицо руками, она убежала в свою комнату, захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

Бросившись в кресло, она просидела несколько минут без движения, без сил, не способная что-либо соображать. Наконец, сбросив с себя плащ и шляпу, она натерла виски и шею одеколоном и взяла письмо в руки. Ее несколько удивила особенность бумаги, должно быть, не английской, и вензель с графской короной, темно-зеленой с золотом. Разорвав конверт небрежно и торопливо, Дженни прежде всего посмотрела подпись – «Наль, графиня Т.», – стояло там.

«Милая мисс Уодсворд, – пишу Вам по поручению моего мужа, который просит передать, что лорд Бенедикт будет ждать Вас в воскресенье в 11 часов утра в своем доме. Отец же просит сообщить, что время его очень точно расписано. И Вам он отдает его с большой любовью и радостью, но, к сожалению, только от 11 до 12 часов.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении.

Наль, графиня Т.».

Чувство унижения, обида и негодование охватили Дженни. Выбор ею наряда, желание обворожить Николая, и – это письмо Наль. Девушка почувствовала сильное раздражение, все смешалось в ее сознании в какой-то сумбур и снова вызвало пароксизм бешенства. Теперь уже не на мать обрушилось ее раздражение, а на дурочку-сестру, не сумевшую, очевидно, передать письмо так, чтобы Наль об этом не узнала. По всей вероятности, узнав о письме, прелестная графиня закатила мужу сцену ревности и пожелала ответить лично, опасаясь соперничества с красивой Дженни.

Последняя мысль порадовала мисс Уодсворд и привела ее в себя. Но все же письмо она решила матери не показывать. Зная ее любопытство, Дженни оторвала от письма часть бумаги с подписью и бросила рядом с конвертом на столе, а само письмо сожгла.

Затем она вышла в ванную комнату, оставив свою дверь открытой. Как она и предполагала, пасторша немедленно шмыгнула в ее комнату. Дженни дала ей время полюбоваться короной и подписью и вернулась к себе уже остывшей от гнева. Теперь ей казалось невероятным,

что она могла позволить себе настолько потерять самообладание. Ей было крайне неприятно сознавать, что она впала в ту же вульгарность, которая так коробила ее в матери. Остаться наедине с собой и дальше казалось девушке невыносимым. И она обрадовалась матери, которая вошла к ней как ни в чем не бывало и предложила отправиться в театр за билетами на заезжую знаменитость.

За завтраком мать и дочь, не касаясь утреннего происшествия, решили, что Алису нужно до конца недели оставить дома. Ежедневные отлучки Алисы, становящиеся к тому же все более долгими, грозили катастрофой их домашнему обиходу. Пасторша посоветовала дочери написать письмо Алисе теперь же и оставить его на видном месте. Дженни, позабыв, что Алиса уже давно не та девочка на побегушках, которой она всегда отдавала распоряжения, как своей горничной, написала ей целый ряд указаний относительно домашних дел, расписав их вплоть до воскресенья. В соответствии с ними Алиса должна была навести порядок в ее комнате, разложить по местам вытащенные ею шляпы, приготовить ей и матери туалеты к воскресным скачкам, и так далее. Кроме того, она прибавила, что Алиса сейчас не должна бывать у лорда Бенедикта, где она изображает из себя приживалку молодой графини, чем позорит мать и сестру. «Пора кончать все эти глупости» – закончила она свое послание.

Запечатав письмо, Дженни оставила его на столике в передней, где его нельзя было не заметить. Наконец обе дамы вышли из дома, очень довольные собой. По дороге они встретили знакомых, с которыми провели все время до обеда, а вскоре после этого отправились в театр. Но в душе Дженни все это время поднимались волны зависти к сестре, она не понимала, каким образом эта дурнушка смогла вызвать симпатии лорда Бенедикта, тогда как всю жизнь на Алису никто не обращал внимания, если она появлялась на людях в обществе Дженни. Мисс Уодсворт в тот день была рассеянна, чем вызвала удивление своих кавалеров, не привыкших видеть ее задумчивой.

Тем временем Алисе в доме лорда Бенедикта было, как всегда, радостно, легко и весело. Добрую и нежную девушку обожали все, начиная от Наль и Дории и кончая маленьким сыном повара, который так и тянулся к ней, если им случалось встретиться в саду или во дворе.

В тот день пастор приехал в дом лорда несколько раньше обычного и прошел с дочерью в сад; там их увидел Флорентиец и сейчас же вышел к ним. Пригласив обоих на весь конец недели в свое загородное имение, он сказал, что сегодня просит их остаться ночевать у него. За вещами пастора решено было отправить Дорию к его старому слуге Артуру, а для Алисы Наль уже заранее приготовила туалеты. Вечером один из экипажей лорда Бенедикта отвез в пасторский дом Дорию с письмом.

Старый слуга сам открыл дверь и был несказанно удивлен, увидев незнакомую леди. Когда он прочел ласковое письмо с дружеским обращением пастора лично к нему, «старому другу и верному спутнику всей жизни», Артур весь просиял и поцеловал письмо обожаемого хозяина. Пастор писал, что сожалеет, что не мог на этот раз взять его с собой, но надеется, что сможет сделать это в следующую поездку к лорду Бенедикту. А сейчас он просит его не скучать и навестить своих родных, живущих близ Лондона. Он, пастор, дает ему на это разрешение. Если Артур выедет сегодня же вечером и вернется утром в понедельник, то доставит своим родным большую радость, о которой они так долго мечтали, и сам пастор будет доволен не меньше их. «Я не буду счастлив, если стану отдыхать один, а ты будешь сидеть в городе», – заканчивал пастор. Прочтя письмо, слуга отер слезы.

– Неужели лорд Уодсворт написал вам что-то печальное? – с беспокойством спросила Дория.

– О нет, миледи, разве мой дорогой господин может кого-нибудь огорчить? Он ангел во плоти, как и мисс Алиса. Я растрогался до слез только потому, что пастор не мог уехать отдыхать, не подумав обо мне. Он много раз настаивал, чтобы я съездил к родным. Но разве я могу оставить его одного в этом аду? Если мисс Алисы нет, ему и прилечь не дадут. Верите ли,

миледи, я сажусь вот здесь на стул, запираю дверь в коридор на ту половину дома, где живет лорд, и не пропускаю туда ни леди Катарину, ни мисс Дженни. Терплю каждый раз их дерзости и брань, но только так могу обеспечить хотя бы час спокойствия и тишины для господина. Уважения к его трудам и болезни у хозяйки и ее старшей дочери нет.

– Не называйте меня «миледи», я такая же слуга, как и вы, только служу молодой графине. Вот этот конверт просил передать вам молодой хозяин, граф Николай; очевидно, пастор сказал ему, что отпускает вас к родным. И граф – тоже душа редкостная – посылает этот привет для передачи вашим родным. А мне он приказал не только забрать вещи вашего хозяина, но и доставить вас на вокзал.

Слуга, не чуя под собой ног от радости, мигом собрал все вещи и пастора, и свои, и сказал кухарке, что хозяин и Алиса уезжают за город и приедут домой только в понедельник вечером, а сам он тоже покидает Лондон по приказанию хозяина и вернется обратно рано утром в понедельник. Толстая и равнодушная ирландка завистливо покачала головой, но так как доброго Артура она любила, то пожелала ему приятного пути и снабдила продуктами на дорогу. Раздраженная постоянными придирками хозяйки, она злорадно подумала о том, что пасторша и старшая мисс будут сидеть в городе и грызться друг с другом, а хозяин и Алиса наслаждаться отдыхом в деревне без их чудесного общества. Заперев наружную дверь, кухарка передала горничной холодный ужин для хозяек и ушла к себе наверх в маленькую, уютную и солнечную комнатку.

Сколько леди Катарина ни спорила с пастором, что он балует и распускает прислугу, отдавая ей барские комнаты, сколько ни доказывала, что горничная и кухарка могут жить в одной комнате, а ей нужно помещение для домашней швеи, – она наткнулась на вето пастора. У каждого из живших в его доме слуг и служанок была отдельная, безукоризненно чистая комната, и за своевременным ремонтом этих помещений следил сам пастор.

Возвращаясь из театра, Дженни была неразговорчива. Все ее мысли сосредоточились на Алисе, на том, как повести себя с сестрой, чтобы вырвать ее из сферы влияния лорда Бенедикта. Первое ядро, самое действенное, как полагала Дженни, уже пущено в Наль, приревновавшую мужа к ней. Судя по себе, Дженни полагала, что Наль, возненавидев Дженни, будет стараться удалить из дома и ее сестру Алису. Дурочку она надеялась уломать, прикинувшись тоскующей в постоянной с нею разлуке.

Первое, что поразило обеих по возвращении из театра, – это мертвая тишина в доме. Обычно, как бы поздно они ни возвращались, пастор ждал их под музыку Алисы, которая смолкала с их приездом. И оба они всегда старались приготовить что-нибудь вкусное к ужину. Правда, за последнее время в их домашнем обиходе многое изменилось. Но все же основной распорядок жизни не нарушался. Дженни, приготовившая улыбку и нежное объятие для сестры, решившаяся сказать, что ее музыка лучше театра, где они сегодня скучали; Дженни, хитро нашедшая, как ей казалось, подход к отцу в том, чтобы просить его посвятить ей два ближайших вечера для совместной работы над научными книгами; Дженни, которая полагала, что отец будет счастлив тем, что старшая дочь последовала, в конце концов, его советам в науке, и останется дома, не поехав к лорду Бенедикту, а Алиса, растаяв от комплиментов и нежности сестры, успеет все, что нужно, сшить для скачек, – Дженни получила первый удар, когда увидела свое письмо нераспечатанным.

– Как, Алисы еще нет дома? Как вам это нравится, мама?

– Просто из рук вон! Если не положить этому конец, девчонка избалуется окончательно. Придется принять экстренные меры.

Обе прошли в столовую. Горничная спросила у пасторши разрешения и ушла спать. Ужин показался обеим невкусным. Подогревать кушанья им не хотелось, обе молчали, обдумывая про себя планы на завтра. Дженни твердо решила приступить к исполнению своего замысла немедленно, как только вернутся домой отец и сестра.

– Не понимаю, – внезапно сказала пасторша, – куда подевался этот идиот Артур. То сидит в передней, как истукан, пока домой не явится «их светлость, лорд пастор», а сейчас отправился к себе наверх, когда пастор так необычно запоздал.

Она встала, подошла к лестнице, ведущей наверх, и стала кричать:

– Артур, сойдите сейчас же вниз!

Подождав немного, но не получив ответа на свой зов, она поднялась на несколько ступеней и повторила то же, но гораздо громче, уже приходя в бешенство. Не получив никакого ответа и на этот раз, разъяренная пасторша взбежала наверх и, не имея понятия, которая из трех комнат принадлежит старому слуге, стала ломиться со свойственной ей любезностью в ближайшую комнату, в которой, как оказалась, жила кухарка.

Спокойная по характеру ирландка обычно довольно невозмутимо выносила брань своей госпожи. Но спать она любила в спокойствии, и терпеть не могла, если ее сон тревожили. Сейчас, разбуженная стуком и криками хозяйки, кухарка пришла в ярость. Открыв дверь и уперев руки в бока, она так заорала на весь дом, что Дженни мгновенно прибежала на крики обеих женщин. Дженни испугалась, как бы этот скандал не привлек внимания ночного сторожа или полисмента, или, того хуже, как бы отец не возвратился в разгар этой сцены. Тогда все ее планы пошли бы прахом.

Перепуганная этим шумом горничная вышла из своей комнаты и пыталась что-то сказать, но ее никто не слушал. Наконец, ей удалось объяснить Дженни, что пастор и Алиса не вернутся до понедельника, а Артур уехал, так как был отпущен пастором к родным. И теперь хитроумная Дженни получила второй удар, едва не сваливший ее с ног. Психологически она была так сломлена, что не имела сил говорить.

Ирландка тем временем перекричала свою госпожу, а потом едко отчеканила:

– Пастор с мисс Алисой сбежали от такой жены и матери. Теперь они на даче лорда Бенедикта, где вам их не достать. А вот как только пастор вернется, я все ему о вас доложу и попрошу расчет. В таком позорном доме я жить больше не желаю! Вам пастор запретил тревожить слуг, если они ушли спать. А вы нарушили его приказание. Да, впрочем, что вам стоит это сделать, если вы потихоньку от него на свидания ходите. О, я все, все знаю! Мой знакомый служит у мистера Б. и рассказал мне о ваших отношениях с его хозяином. Я молчала – плевать мне было на ваше поведение. Но теперь, когда вы осмелились потревожить мой сон, нет, тут уж пощады вам не будет!

Дженни почувствовала головокружение, тошноту, пошатнулась и, наверное, упала бы, если бы сильные материнские руки ее не поддержали. Но как только мать коснулась ее, Дженни вздрогнула, выпрямилась и оттолкнула леди Катарину.

– Спасибо, мама, я уже хорошо себя чувствую. Спускайтесь, пожалуйста, вниз. Я иду за вами.

Что-то особенное было в голосе Дженни и во всей ее фигуре, что заставило всех трех женщин замолчать. Ирландка злобно фыркнула и захлопнула свою дверь, а пасторша молча сошла вниз. Не обменявшись ни словом, мать и дочь разошлись по своим комнатам. Дженни чувствовала боль, физическую боль в сердце. Она вошла к себе в комнату, где все валялось неприбранным с самого утра. Ей было не под силу оставаться в этом хаосе, и она решила переночевать в комнате сестры. К ее удивлению, небольшой коридор, отделявший комнаты отца и Алисы от остальной части квартиры, был заперт на ключ. Дженни решила, что глупый старый Артур, запиравший дверь в коридор во время отдыха отца, просто забыл ее открыть. Она вышла в переднюю, чтобы пройти через зал и кабинет отца в этот же коридор, но кабинет также оказался запертым.

Как ни была разбита сейчас Дженни, она все же снова пришла в ярость, проклиная старого Артура, слишком много себе позволившего, по ее мнению. Бедной Дженни и в голову не пришло, что старый Артур действовал по приказу, полученному от пастора: закрыть все

двери в его и Алисы комнаты и до их возвращения ни по чьему требованию не открывать. Пастор получил это указание от лорда Бенедикта, вот почему старому слуге было приказано так поступить.

Дженни поняла, что провести ночь в комнате сестры и воспользоваться чистотой и уютом ее жилища, переделанного из сарая, ей не удастся.

Невольно Дженни вспомнила, как она допекала Алису за ее музыку, пока, наконец, девочку не переселили в новую комнату, сделанную из присоединенного к дому каменного сарая, предварительно отгородив ее новое жилище от дома звуконепроницаемой стеной. Кротость Алисы, ее вечное огорчение, что во время ее игры страдают нервы сестры, точно шилом кольнули сердце Дженни. Возвращаясь через переднюю, она схватила свое письмо Алисе и стала комкать и мять его до тех пор, пока оно не превратилось в жалкий комок. И чем дольше она мяла несчастное письмо, тем больше росло ее раздражение. Взяв в своей комнате халат и подушку, мисс Уодсворд-старшая отправилась в зал, решив переночевать здесь на одном из диванов. Проходя мимо комнаты матери, она услышала храп, от чего по ее лицу пробежала гримаса презрения.

Войдя в зал, Дженни сбросила с себя нарядное платье, надела халат и принялась ходить по комнате. Она отметила, что первый раз в жизни у нее была бессонница – все волнения, пережитые ею раньше, не мешали ей спать. Но сегодня ей казалось, что для нее начинается какая-то новая жизнь и все поставлено сейчас на карту. Отчего ей так казалось – она не понимала. Случайно взгляд ее упал на вазу, в которой Сандра однажды принес Алисе цветы, сказав, что его душа дарит их ей за музыку.

«За музыку, за музыку», – застучало в голове Дженни. И в доме лорда Бенедикта Алису одарили тоже за музыку. Неужели дар Алисы так велик? Почему же она, Дженни, не оценила его по достоинству? Ах, как мешала теперь Дженни ее сестра. Только теперь она поняла, какая сила обаяния кроется в Алисе, какая сила характера, цельного и непоколебимого, таилась в этом кротком существе.

Дженни представляла себе отца и Алису, наслаждающихся аристократическим обществом, общением с умными и талантливыми людьми, в то время как она проведет эти дни в одиночестве и тоске. Она не сомневалась, что Сандра тоже поедет за город к лорду Бенедикту, и ревность жгла ее завистливое сердце. Сколько Дженни ни ходила из угла в угол по залу, сон все так же бежал от нее, как и в начале ночи. Но пойти к себе и убраться в своей комнате ей и в голову не пришло. Постепенно ее мысли сконцентрировались вокруг лорда Бенедикта – центральной, как она считала, фигуры всех ее бедствий. Пойдет ли она к нему в воскресенье? Скачки начинаются в час дня. Она успела бы вернуться домой, а раз отца не будет, можно нанять экипаж на весь день, и все устроится просто.

Но... о чем с ним говорить? Лгать ему и лицемерить – Дженни ощущала это всеми нервами – она не сможет. Жаловаться на судьбу, раз отец и Алиса у него в таком почете, невозможно. Просить помощи, чтобы начать самостоятельную жизнь? Лорд Бенедикт опять скажет, что земная жизнь заключается в труде, и счастье человека состоит в радости любимого труда. А Дженни хочет жить в роскоши, и труд ей несносен.

Чем больше она думала о своем настоящем и будущем, тем яснее видела для себя единственный выход: удачно выйти замуж. Увидев Наль, она поняла, что не была настоящей красавицей. Ни правильностью черт, ни идеальной гармонией всех форм тела, ни безукоризненной красотой рук, какие были у Наль, она не отличалась. В ней все кричало, как и в матери. И много усилий потратила дочь, чтобы избавиться от того налета вульгарности, который так корбил ее в ней.

Снова и снова мысли Дженни возвращались к лорду Бенедикту. Снова и снова охватывали ее зависть и бешенство. Наступило утро. Дженни с ужасом увидела в зеркале свое осунувшееся лицо с налетом желтизны, но решение созрело: к лорду она не пойдет. И как бы ни

хотелось ей, пусть только для себя, отыскать какой-нибудь возвышенный предлог, она сознавала, что лорд Бенедикт тут же разгадает любую ее ложь. Утомленная и решившая сделать все, чтобы отравить сестре каждую поездку в этот ненавистный дом и заставить ее от него отказаться, Дженни прилегла на диван.

И сразу же подумала, что здоровье отца шатко, что дом после него перейдет к Алисе, еще несовершеннолетней, и что сумасшедший отец способен выбрать ее опекуном лорда Бенедикта... Дженни ощутила жгучую ненависть к сестре, видя теперь в ней одной, этой злосчастной дурочке, причину всех своих несчастий.

Дженни кипела весь этот день и вечер в огне и бунте своих страстей, а дом лорда Бенедикта сиял огнями. Впервые лорд представлял графа и графиню Т. избранным представителям высшего света на приеме в своем прекрасном особняке. К подъезду прибывали все новые экипажи с нарядными дамами и кавалерами.

Наль и Алиса давно были предупреждены о грядущем событии, и обе умоляли лорда Бенедикта освободить их от этой пытки. Смеясь над их застенчивостью, лорд заставил их вместе с Николаем брать уроки танцев, и кроме того, сам обучал их тем условностям этикета, с которыми им пришлось бы некоторое время жить.

– Независимость и полная освобожденность должны жить в ваших сердцах, – говорил им лорд. – Ничто внешнее не может подавлять человека, если сердце его свободно от страха и зависти. Все эти внешние рамки и разные отягощающие обстоятельства – только иллюзии. Пустой, неуверенный человек, не имеющий понятия о том, что он сам все в себе носит и только сам творит свой день, – только такой невежественный человек может жаловаться на обстоятельства и стесняться всего и вся. Вам следует не только понять, что ничто вас подавлять не может, но и научиться владеть собой так, чтобы при всех обстоятельствах не терять спокойствия и чувства свободы, уверенности и гармонии.

Тебе, Наль, пора забыть гаремные порядки и осознать себя не восточной или западной женщиной, а прежде всего человеком. Смотри на всех одинаково, воспринимай каждого именно тем встречаемым, которому ты должна нести мир и свет. О страхе забудь. Научись быть среди людей, отдавая дань времени, в котором живешь, но тем не менее заставляй их помнить о вечной красоте.

И ты, крошка Алиса, играй сегодня, как воспитанная светская леди, но, творя море звуков, води своих слушателей к раскрепощению. Чистота твоей артистичности будет стирать с людских сердец несносный налет уныния, зависти и страстей. Забудь и ты навсегда о страхе, особенно о страхе перед игрой и пением. Наоборот, зови своей музыкой всех к духовному напряжению, действию и борьбе.

Поцеловав обеих дочерей, – шутя он говорил пастору, что отбил у него младшую дочь, – Флорентиец расстался с ними до вечера, сказав, что Дория знает, во что и как их одеть. Наступил вечер. Флорентиец сам зашел за Наль, снова надевшей свое парчовое платье и жемчуг. Стоя рядом с Николаем, она была так прекрасна, что даже отец улыбнулся, объявив ее заранее притчей во языцех лондонского сезона. Вбежавшая Алиса, увидев всех троих вместе, всплеснула руками, и сказала, что не отказывается от своего первого впечатления и не знает, кто из мужчин выглядит моложе и красивее. Но то, что Наль сегодня снизошла с Олимпа – это уж вне всяких сомнений. Сама Алиса не сознавала своего очарования; в легком белом платье, с сияющими синими огромными глазами и золотым ореолом волос, она была похожа на музу.

Все они вместе спустились вниз, где их ждали пастор, Сандра и лорд Мильдрей, обомлевшие от красоты двух спустившихся к ним пар. Едва успели хозяева войти в зал, как стали появляться гости.

Вечер прошел для молодых хозяев и Алисы как нельзя удачнее. Алиса играла исключительно хорошо, обе юные женщины пожинали лавры; комплименты и приглашения сыпались

на них как из рога изобилия. И каждая из них после отъезда гостей бросилась на шею своему отцу со словами:

– Слава Богу, наконец-то кончилось! – чем насмешили не только отцов, но и оставшихся ночевать Сандру и лорда Мильдрея.

Утомленные, но счастливые завтрашним отъездом за город, все разошлись по своим комнатам.

Глава 4

Важное событие в семье графа Т. На балконе у Наль

Прелестное августовское утро, теплое и солнечное, порадовало обитателей дома лорда Бенедикта. После раннего завтрака, не теряя времени, все поехали на вокзал, сели в поезд и отправились в имение лорда. Станции мелькали под восторги Наль и Алисы, которых восхищало все: и поля, где работали крестьяне, и пасущиеся стада, и цветущие палисадники, и домики, обвитые плющом и цветущими розами, и играющие на улице дети. Обе, казалось, забыли о своих спутниках, только и слышалось: «Смотри, Наль», «Смотри, Алиса».

Наль, впервые приехавшая в Англию, удивлялась решительно всему. Все здесь было так непохоже на ее родину. Ей казалось, что вот-вот сейчас покажутся силуэты осликов и верблюдов, без которых она не представляла жизни. Алиса хоть и бывала в деревне, но очень редко, и природу видела только из вагона, так как пасторша терпеть не могла бывать за городом. Поэтому она воспринимала свой отъезд на дачу как кругосветное путешествие. Почти полтора часа езды в поезде мелькнули, как одна минута. И когда лорд Бенедикт сказал, что на следующей остановке им сходить, Алиса была очень разочарована.

– Тебе бы хотелось, Алиса, ехать сутками в поезде или на пароходе? – спросил пастор.

– О да, папа, с вами и со всеми, с кем еду сейчас, очень бы хотелось, хотя на пароходе, наверное, очень страшно.

– Страшного-то ничего нет, – сказала Наль. – Но так противно, что даже одно воспоминание об этом во мне и сейчас вызывает тошноту. Ой, только вспомнила пароход – и опять так плохо себя почувствовала!

Наль вдруг побледнела и пошатнулась. Николай поддержал ее и пошутил над ее слишком горячим восточным воображением, а лорд Бенедикт быстро подал ей коробочку с маленькими конфетами:

– Возьми и поскорей проглоти. Это заставит тебя забыть о пароходе.

Наль с трудом исполнила его желание и снова опустила головку на плечо мужа. Обеспокоенная Алиса с удивлением обнаружила, что ее отец, всегда так переживавший из-за чужих болезней, на этот раз был совершенно спокоен. Посмотрев на лорда Бенедикта, она и в его лице не нашла никакого волнения. Николай выказывал Наль внимание и сочувствие, но и у него не было особого беспокойства. Алиса же, всерьез обеспокоенная ухудшением самочувствия Наль, с досадой пожала плечами и пробормотала, вздыхая:

– Ох уж эти мужчины! – и это прозвучало из ее уст так неожиданно и комично, что вызвало общий смех. Веселее всех смеялась Наль. Так они и сошли на станции, где их ждали экипажи.

Поездка на лошадях по сельским дорогам заняла минут сорок, и вскоре путники добрались до имения Флорентийца. Миновав ворота, экипажи двинулись по длинной и широкой дубовой аллее, в конце которой виднелся дом. Он стоял на высоком холме, по которому террасами спускался к большому пруду тенистый парк с вековыми липами, ясенями, дубами и каштанами. Тут и там виднелись лужайки, клумбы и кусты роз, – все было полно красоты и гармонии.

– О, отец, – бросилась на шею Флорентийцу Наль, – я думала, лучше сада дяди Али и быть не может. А оказывается, вот какие сады бывают на свете! Ой, отец, опять, опять у меня кружится голова и тошнит.

Флорентиец снова дал ей маленькую конфету и велел Николаю отнести жену наверх, где для них были приготовлены комнаты. Лорд предложил Наль полежать там не меньше часа и сказал, что потом сам зайдет к ним.

– Ну, поскольку молодая хозяйка неважно себя чувствует, придется тебе, Алиса, выполнять ее обязанности и занять ее место за столом, – остановил Флорентиец Алису, которая собиралась пойти с Наль.

– Но я могу быть нужна сейчас Наль, лорд Бенедикт. Разрешите мне посидеть возле нее. Вы ведь видели, как она сразу осунулась.

– Это ее укачало, через час все пройдет. А вид с балкона Наль – один из лучших в мире. Стоит ей полежать там – и она сразу забудет о проблемах с самочувствием. Пока для ухода за ней довольно одного мужа. Но, может быть, настанет такой момент, когда и твоя помощь понадобится.

– Быть полезной Наль – это большое счастье для меня. Мне так хочется, чтобы она быстрее пришла в себя.

– Вот и Дория. Она проводит тебя в твою комнату. Переоденься в легкое платье и через четверть часа приходи на террасу, там уже накрыт стол. А до завтрака, пока все будут выкладывать свои вещи, мы с тобой успеем пройтись по парку.

Алиса, беспокоившаяся за подругу, но утешенная полнейшим отсутствием тревоги на лице лорда Бенедикта, быстро пошла за Дорией наверх. Рядом с ее комнатой была комната ее отца, что очень обрадовало ее. Шепнув ему, что она счастлива провести с ним несколько дней в таком волшебном месте, она просила его отдохнуть до завтрака и сказала, что выйдет прогуляться по саду. Быстро переодевшись в легкое платье, предложенное ей Дорией, она почти не обратила внимания на свой наряд.

– Ну, можно ли так мало интересоваться собой, мисс Уодсворд, – говорила Дория, застегивая на Алисе прелестное сиреневое платье с белыми кружевами. – Ведь вы красавица. Неужели вы этого не понимаете?

– Дория, друг, дорогая сестра, – мы с Наль уже устали просить вас называть нас только по имени. Если вы еще раз не выполните моей просьбы, то огорчите меня до слез. Разве вы этого хотите?

– Нет, Алиса, меньше всего я хотела бы вас огорчить. Я полюбила вас, как родную дочь. Но как-нибудь я расскажу вам печальную историю своей жизни, и вы поможете мне смиренно исполнять мою роль.

Алиса поцеловала Дорию, огорчаясь, что должна спешить и поэтому не может немедленно выслушать Дорию, которая завязывала на ней фиолетовую ленту белой кружевной шляпы.

– Если бы я была мужчиной, я бы женилась на вас сегодня же, – с улыбкой говорила Дория уходящей Алисе.

Весело смеясь, Алиса выпорхнула на террасу, где ее ждал Флорентиец. Он тоже успел переодеться в легкий серый костюм и белую шляпу. Увидев смеющуюся девушку, совершенно очаровательную в легком платье, с открытой шеей и руками, он элегантно снял шляпу и, улыбаясь, сказал:

– Будь мы во Флоренции, Алиса, десяток твоих обожателей устроили бы мне такую ловушку, из которой я вряд бы ли выбрался.

– К счастью, мы в Англии, лорд Бенедикт, обожателей у меня нет, и ловушка никому не грозит.

– Так ли это, Алиса? Точно ли у тебя нет обожателей? И никто не шептал тебе, как ты красива? – преуморительно соорудил постное лицо Флорентиец.

– Нет, лорд Бенедикт, – рассмеялась Алиса. – Мужчины пленяются такими женщинами, как Наль и Дженни. У них всегда много обожателей, потому что они красивы. А вот Дория только что сказала мне, что если бы она была мужчиной, то женилась бы на мне прямо сегодня.

Алиса оперлась на предложенную ей Флорентийцем руку, и они пошли в глубину парка, где на все лады пели птицы, прыгали белки и на дорожки ложились пятнами солнечные лучи. Алиса была очарована впервые осознанной гармонией и величием природы.

– Боже мой, как прекрасна жизнь, – воскликнула девушка, когда Флорентиец вывел ее на верхушку холма, откуда открывались чудесные дали. – И какая тишина! Я бы отсюда так и не уходила бы.

– К сожалению, нельзя жить так, как нам хочется. А только как ведет великая Матерь Жизнь. Мы приходим на землю и уходим, уже связанные теми нитями, которые сплела наша же любовь или ненависть, Алиса. Зло не живет в мире само по себе. Если оно сваливается на нас, то только потому, что мы сами, творчеством своего сердца, призвали его к себе. Если же мы чисты, – оно не приблизится. Пусть мы не знаем, почему горе на нас свалилось именно сейчас, но это мы соткали его когда-то. И не умеем в этот миг растворить его в огне своей любви. Ты беспокоишься о Наль. Но тревожиться о ней нечего.

Можно только радоваться. У нее будет ребенок, и начало ее беременности будет протекать несколько тяжело. Твоя помощь будет очень нужна твоей подруге, если, правда, ты вскоре не захочешь выйти замуж.

– Я? Замуж? Господи, что только вы не скажете, лорд Бенедикт.

– Если хочешь последовать моему указанию, – не выходи сейчас замуж. Не оставляй нашей семьи, а наоборот, переселись к нам. Твое влияние на Наль, твоя доброта и чистота помогут сложиться ее материнскому чувству, а ребенку прийти в мир, имея в твоём лице добрую волшебницу – тетю Алису.

– Я понимаю огромную важность каждой приходящей в мир новой жизни, лорд Бенедикт. И, видит Бог, не мыслю иного счастья, чем служить Наль, вам. Но... – сияющие, полные слез глаза Алисы поднялись на Флорентийца, – у этой жизни будут любящие отец и мать и такой необыкновенный дед, как вы. А у моего отца нет, кроме меня, никого. Но я поступлю так, как вы укажете. Я только хочу, чтобы вы учли, как одинок и несчастлив мой обожаемый отец. Встреча с вами – первое счастье в его жизни. А я – его единственное утешение.

– Я слышу голоса, Алиса. Сюда идут твои обожатели и твой отец. Мы продолжим наш разговор потом. Знай только, что пока жив твой отец, ни ты, ни я его не покинем. Вытри глаза и проглоть эту пилюлю. Найди в себе самообладание, Алиса, и волей-любовью победи личное страдание. Дело не в тебе, а в твоём отце, проводить которого ты должна легко, ни разу не показав ему, что страдаешь при мысли о разлуке. Думай только о каждой текущей минуте его жизни и старайся быть светом ему и радостью.

Из-за поворота дорожки показались трое мужчин. Флорентиец прижал к себе девушку, пристально, ласково и с такой мощью посмотрел ей в глаза, что к Алисе сразу пришло спокойствие и самообладание. Вся ее фигурка, залитая солнцем, громадные синие глаза, засветившиеся сейчас новым спокойствием, были совсем другие, чем в Лондоне. От троих приближавшихся мужчин отделился один, в светлом костюме, и побежал к Флорентийцу и Алисе, сняв шляпу, размахивая ею и крича:

– Ура, это я вас нашел, лорд Бенедикт. Мои солидные спутники уверяли, что искать вас нужно у оранжерей. Мисс Алиса, вы хорошеете не по дням, а по часам. И до чего дойдет, уж и не знаю, – говорил Сандра, присоединяясь к своим друзьям.

– Ты, Сандра, неисправим, – улыбнулся Флорентиец. – Лорд Мильдрей опять придет в отчаяние от твоей манеры говорить девушкам комплименты.

– А я готов подписаться, – обнимая дочь и беря ее под руку, тихо сказал пастор. – С тех пор как моя Золушка стала проводить время в вашем доме, она превратилась в царевну. И действительно, чем дальше, тем она милей. Сегодня, Алиса, ты даже старика-отца обворожила.

– Предоставьте ей, лорд Уодсворд, очаровывать этих милейших молодых людей. А мне хотелось бы поговорить с вами. Не хотите ли присесть на ту скамью. Вид оттуда прекрасный, да и вам отдохнуть невредно. А молодежь погуляет по парку до завтрака.

И Флорентиец увел пастора в боковую дорожку, к обрыву.

– Я так рад каждому проведенному подле вас мгновению, лорд Бенедикт. Тем более, что совершенно определенно чувствую, как мало земных мгновений мне осталось. Мысль о том, что ждет мою семью, что ждет Алису, одна из самых тягостных.

– Неужели вам не ясно, мой дорогой лорд Уодсворд, что Алиса в моей семье нашла второй родительский кров. Мысль о ней не должна вас тревожить. Сегодня сюда прибудут два юриста по делам Николая и Наль. Вы можете составить завещание и назначить меня опекуном вашей дочери на случай вашей смерти. Но эта сторона, юридическая, мало затруднительна. Я хотел предложить вам, – если вы действительно чувствуете себя плохо, – взять отпуск и переехать сюда, в деревню, где мы проведем август и сентябрь. Вы с Алисой доставите всем величайшую радость, если поживете с нами это время. У меня были несколько иные планы. Но Наль, как, я думаю, заметили и вы, ждет ребенка. Ей необходимо побыть в тишине не только ради здоровья, но и чтобы глубоко постичь событие, к которому готовится.

– Если бы не счастье моей встречи с вами, лорд Бенедикт, мне нечего было бы вспомнить в этой жизни. Алиса да мой старый слуга и верный друг, вот все, что было и есть светлого в моем доме. Изведав страдание сердцем, я нашел смысл и свет жизни в служении Богу и ближним. Только первые годы терзала меня моя собственная трагедия. Но я позабыл о себе, когда окунулся в океан человеческих страстей и горя. Отходя теперь к Отцу моему, переживая вновь всю свою жизнь, я сознаю, что не был верным ему слугою, ибо оставляю после себя такую безобразную семью. Наставляя свою паству, утешая и облагораживая другие семьи, я ничего не смог сделать в своей собственной. Не смог вырвать всходы зла и разврата, что посеяла Катарина.

Бледное, удрученное лицо пастора, его глаза, точно уже простившиеся с миром, поникшая фигура, – все говорило о такой скорби сердца, которой действительно уже не вынести человеку и от которой должны порваться струны его сердца.

– Лорд Уодсворд, человек, отдавший свою жизнь людям и служивший им так, как это делали вы, – не просто обыватель, создавший одну из миллионов уродливых семей. Вы – арфа того Бога, которому служили, любя людей. Не вините себя, что по доброте своей женились неудачно и, спасая, как вы полагали, чистое существо, вы попали в сети зла. Вы оправдали свою жизнь своею деятельностью. Вы были чистым слугой Бога. Вы несли свет и оставляете его на земле в лице Алисы. Вы ослабили сети зла, которые плела и плетет ваша жена. На много лет вы задержали темные силы, которые стремились к ней и к которым стремилась она. А что будет после вашей смерти – о том предоставьте позаботиться мне, и верьте, что я защищу Алису. Чтобы облегчить бедной девочке борьбу с матерью и сестрой, перевезите ее в мой дом теперь же.

Переезжайте сюда, в деревню, со своим слугой, если мое общество вам радостно. Мне же еще многое предстоит передать вам, прежде чем мы расстанемся.

Флорентиец обнял пастора за плечи и подал ему небольшую зеленую коробочку, на дне которой лежало несколько розовых конфет.

– Скушайте, дорогой друг, одну из этих конфет, она вас воскресит. Не предавайтесь отчаянию. Если вы думаете, что покидаете землю, то делать это следует мужественно и мудро, в мыслях о Вечном и с полным сознанием великого счастья: жизни Единого в себе и во всем. Но вот и гонг к завтраку. Я проведу вас ближайшим путем.

Пастору стало лучше. Он уже не казался стариком, сердце которого сейчас разорвется. На бледных щеках его появился намек на румянец, он как будто помолодел и шел легко.

– Как хочется поведать, какое облегчение дали вы мне, лорд Бенедикт. Но слов подходящих не нахожу. Одно могу сказать: я думал, что не смогу удержать в руках лампы мира и предстану перед Отцом с мигающей лампой. Сейчас знаю, что вы примирили меня с жизнью, и я отойду с миром, принимая все свои обстоятельства и благословляя их. Как святыню я понесу до конца эту жизнь, эту временную мою форму, через которую было необходимо пройти, чтобы очиститься и раскрепоститься.

– О папа, как вы хорошо выглядите. Вы напомнили мне моего прежнего папу, который подолгу гулял со мной.

– Да, дитя, прибавь только, что общество лорда Бенедикта делает меня таким счастливым, каким я никогда еще не был.

Флорентиец попросил гостей подождать его несколько минут, пока он навестит Наль и не узнает, может ли она спуститься к завтраку. Пока отсутствовал хозяин, Сандра сообщил пастору новости из последнего научного американского журнала, а лорд Мильдрей рассказывал Алисе, что весь Лондон на сей раз помешался на скачках, где будут состязаться какие-то замечательные лошади из королевского дома. И королевская семья собирается присутствовать, поэтому билеты в ложи нарасхват.

– Но я все же достал одну из лучших лож. Ни графиня, ни вы, леди Уодсворд, никогда не видели скачек. Я был бы очень рад, если бы вы их посмотрели. Если лорд Бенедикт согласится, мы могли бы в воскресенье утром выехать в город и после скачек, к обеду, быть снова здесь.

Флорентиец вернулся один, сказав, что Наль чувствует себя хорошо, но он посоветовал ей еще немного полежать. За завтраком лорд Мильдрей передал хозяину билет на скачки, прося для всего общества разрешения поехать тоже.

Флорентиец охотно согласился, сказав, что у него есть дело в Лондоне на воскресное утро, а Наль и Алисе будет поучительно посмотреть еще на один вид спорта, где бушуют безобразные страсти. Сандра, тоже не видевший скачек, решил, что ему следует обидеться на то, что лорд Бенедикт не считает нужным позаботиться и о его воспитании тоже.

– Я только потому, Сандра, тебя не назвал, что боюсь, как бы у тебя во время скачек не выросла еще пара ног и, со свойственным тебе темпераментом, ты не понесся бы по скаковой дорожке. Поэтому всю дорогу и на самих скачках изволь сидеть рядом.

Под общий смех завтрак кончился, и все общество, не дождавшись Наль и Николая, отказавшихся от прогулки, отправилось к пруду.

Наль физически чувствовала себя хорошо. Но ее духовное равновесие было так сильно нарушено, что не только видеть кого-либо из друзей, но даже Алисе она не хотела показать свое расстроенное лицо. Как только Николай внес ее наверх и уложил на балконе, дав ей каких-то капель, Наль довольно скоро почувствовала себя хорошо и сказала мужу:

– Удивительное создание женщина. Мы с тобой на пароходе были в одинаково плохих условиях, – и ты уже давно забыл о качке, а в моем организме она все взбудоражила до дна. Только о ней вспомню, как меня начинает мутить и я становлюсь больной.

– Мне думается, моя дорогая, что здесь дело не в качке. А нас с тобой ожидает нечто другое, очень значительное. И твоя тошнота, и твои головокружения – все происходит от того, что в тебе зародилась новая, наша общая жизнь.

Наль покраснела до корней волос и спросила, опуская глаза:

– Как мог ты догадаться? Я хотела, чтобы все узнали об этом тогда, когда родится ребенок.

– Наль, дружок мой, моя любимая детка. Тебе предстоит целый ряд испытаний. Как бы ни готовил тебя дядя Али к этой жизни, сколько наш дорогой друг, которого ты сама выбрала в отцы, ни развивает твой дух, переливая в тебя свои доброту и мудрость, укрепляя тебя для новой семьи, – есть еще тысяча дел и вещей, когда ты можешь и должна побеждать свои предрассудки только сама. Все мы от них не свободны. И часто, воображая, что выполняем

самый священный долг перед жизнью, так себя закрепощаем, что не имеем даже времени в полном внимании, при полной освобожденности помыслить о величии и истинной мудрости той минуты, которую сейчас изживаем. Видишь ли, на земле мы можем жить только по земным законам и никаким другим. И если сегодня ты поняла, что тебе предстоит стать матерью здесь на земле, ты уже обязана – обязана и перед грядущей жизнью, и перед дядей Али, и перед отцом Флорентийцем – найти в себе те великие силы любви, в которых утонут все мелочи, все предрассудки, ведущие дух в тупик, а не в творчество.

Если действительно ты любишь меня, любишь своих отцов, хочешь служить им и людям и создать новую, раскрепощенную семью, то все стесняющие тебя мелкие обстоятельства должны утонуть в твоей любви. Ты легко перейдешь грань условной стыдливости и поедешь к доктору, чтобы узнать, правильно ли, безопасно ли началась в тебе новая жизнь. Ты не будешь стесняться того, как выглядишь. Ты будешь исполнять все предписания врача, все требования гигиены, потому что ты забудешь о себе, а станешь думать о будущем ребенке, о его здоровье. Ты, любя, создашь для него в себе гармоничное жилище.

Будущий ребенок – не тиран, который завладеет всею твоей жизнью. Не идол, для которого ты отрешь себя от мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребенок – это новая связь любви со всем миром, со всей Вселенной.

Это раскрепощенная любовь матери и отца, в которой будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная нам на хранение. И это сокровище мы будем с тобой хранить со всем бескорыстием любви. Со всею честью и благородством, на какие только способны, помогая ему развиваться и зреть в гармонии. Я знаю, Наль, моя дорогая детка, сколь многое тебе будет сейчас трудно. Но я знаю и то, как много сил в тебе, какая бездна преданности живет в тебе и какая непоколебимая верность, не имеющая даже понятия об «измене», горит в моей дорогой жене.

Николай приник к губам Наль и, казалось, отдал ей все свое сердце в этом поцелуе чистой, глубокой любви.

– О Николай, как далека я была от действительности, рисуя себе когда-то картины счастья, мечтая о том, что «вот я – твоя жена» – как все это было по-детски. Многое, впитанное мною, разумеется, из гаремных предрассудков, разлетелось, как глиняные кувшины для воды на моей родине, не годные для цивилизации того народа, с которым мы сейчас живем. Но вместе с кувшинами полетели и многие мои боги, которым я всерьез поклонялась. Теперь я увидела и в них только глиняных идолов. И ты угадал, – я представляла себе ребенка идолом семьи, тесной ячейки, где только «свои» могут быть любимы, чтимы и допустимы.

А теперешняя жизнь, когда Алиса, пастор, Сандра и лорд Мильдрей так легко проникли в мое сердце, – а ведь недавно там жили только очень «свои», – мне показала, как, не нарушая верности дяде Али и тебе, можно сделать чужих своими и признать их членами своей семьи.

Наль забралась на колени к мужу, обвила его шею руками и по-детски продолжала:

– Самое для меня трудное, – это, конечно, доктор. Чего бы я только ни дала, чтобы не иметь с ним дела.

– Вот для того, чтобы многим женщинам облегчить в будущем материнство, ты и будешь доктором. Ты уже сейчас так подготовлена мною, что я надеюсь, тебя примут сразу на второй курс медицинского факультета, но это мы с тобой еще сверим по программе. Это наиболее легкая сторона дела, поскольку и твоя память и способности помогают тебе без труда преодолевать препятствия в науке. Сейчас нам с тобой – в смысле духовного роста и совершенствования – нельзя терять ни мгновения. Посмотри на этот дивный вид, что расстилается перед нами. Отец, повидавший весь мир, говорит, что он один из лучших на земле. Как счастлив тот человек, что приходит в мир через тебя, дорогая.

Твои глаза могут видеть величайшую красоту земли в первые моменты его жизни.

Твое сердце ощущает гармонию природы и гармонию такого великого человека, как Флорентиец. Неужели ты не ощущаешь себя сейчас единицей всей Вселенной? Разве можешь ты отъединить себя от меня? От этих кедров и кленов? От солнца и блестящего озера? О Наль, жизнь и смерть – все едино. Наша жизнь сейчас – только мгновенная форма вечной жизни. И все, что мы знаем твердо, неизменно, – это то, что мы – хранители жизни. Ты станешь матерью. Ты передашь наши две жизни новой форме, которую будешь беречь до тех пор, пока жизнь не пошлет ей зова к тому или другому виду самостоятельного труда и творчества. Мы должны создать для новых, приходящих через нас единиц Вселенной такие условия раскрепощенного существования в семье, чтобы ничто не давило на них, не всасывалось в них ядом наших предрассудков и страстей.

– Меня страшила бы ответственность, Николай, если бы я не была рядом с тобой. Знаешь ли, однажды пастор поразил меня своей прозорливостью. В тот день, когда отец оставил меня и его в своей тайной комнате, пастор сказал: «Ваш муж не вынес бы ни мгновения вашей неверности». И я поняла, что связана с тобой до смерти, что между нами не может встать не только образ какого-либо человека, но даже сама мысль об измене. А еще я стала понимать, что наша семья необходима и дяде Али, и отцу Флорентийцу, чтобы цепочка преданных им учеников и радостных слуг не прерывалась. Помолчав, Наль тихо прибавила:

– Пастор и Алиса тревожат меня. Пастор так слаб, а Алиса этого не видит.

– Нет, Наль, Алиса часто плачет об отце. Но это ангельское создание улыбается. Она боится потревожить кого-нибудь своим расстроенным видом и скрывает горе, отлично понимая, что ее ждет вечная разлука с отцом, как она пока называет смерть.

– Но ведь это трагедия, Николай. Во мне растет новая жизнь, а он, венчавший нас, уходит. Неужели ему нельзя побыть с нами. Пожить в радости, отдохнуть.

– Нам еще не понять до конца пути человеческие, Наль. Но пока человек способен совершенствоваться, – он живет. Он борется, терпит поражения, разочаровывается, но не теряет мужества, не теряет цельности в своих исканиях и вере, живет и побеждает. Его сердце все растет, его сознание ширится. Он еще может принести в день свое творчество. Еще способен просто отдавать свою доброту, – и поэтому живет.

Бывает, что человек десятки лет ведет бесполезную жизнь. Живет эгоистом и обывателем. Становится никому не нужным стариком – и все живет. Жизнь, великая и мудрая, видит в нем еще какую-то возможность духовного пробуждения. И Она ждет. Она дает человеку сотни испытаний, чтобы он мог духовно возродиться. И наоборот, бывают люди, так щедро излившие в своих простых, серых буднях доброту и творчество сердца, что вся мощь его превращается в огромный свет.

И их прежняя физическая форма уже не способна нести в себе этот новый свет. Она рушится и сгорает в вихре тех новых вибраций мудрости, куда проникло их сознание. И такие люди уходят с земли, Наль, чтобы вернуться на нее еще более радостными, чистыми и высокими. Ты найди в себе такую нежность любви и такую дружбу, чтобы утешить Алису не состраданием-слезами, а состраданием мужества и силы. Обними ее и старайся видеть перед собой дядю Али, чтобы его сила через тебя поддерживала Алису в спокойном подчинении воле жизни.

И всегда создавай, что все месяцы твоего материнства, а потом, вероятно, и годы нашей общей жизни в семье, – в них счастье служить человечеству.

Счастье трудиться для него, не выбирая что-нибудь полегче и приятнее, а трудиться так и там, как укажут дядя Али и отец Флорентиец. День в сотрудничестве с ними, – о каком еще высшем счастье можно мечтать? Нет разлуки, Наль, с дядей Али для тебя. Что бы ты ни делала, куда бы ни шла – все мысленно держи его руку.

Оба Друга, муж и жена, не замечали времени. Они умолкли и наблюдали начинавшийся закат, возвращающиеся домой стада, появление дымок над крышами. Видя, как постепенно

оживала долина, они чувствовали себя слитыми с этой жизнью природы. Сердца их бились ровно и спокойно, неся в себе, каждое по-своему, свою, особенно звучащую ноту общей жизни.

Внизу слышались голоса, и вскоре супруги услышали легкие шаги Флорентийца и Алисы на лестнице. Наль, еще раз поцеловав мужа, пошла к двери и распахнула ее прежде, чем согнутый пальчик Алисы успел в нее постучать.

Вытянутая рука девушки по инерции коснулась Наль, что заставило обоих и Флорентийца весело рассмеяться.

– Наль, я так соскучилась без тебя.

– И не вздумай верить этой ветренице, дочь моя. Теперь поет жаворонком, а можешь ли представить эту козочку бегающей взапуски с Сандрой. Я чуть не умер от смеха, когда лорд Мильдрей, осанистый и величественный, тоже пустился было помогать ей обогнать Сандру.

Лорд Бенедикт сделал какое-то движение, приподнял ногу, чуть-чуть повел плечом и головой, – и все покатались со смеху, узнав мгновенно милого, доброго лорда Мильдрея.

– Ну, я вижу, доченька, что ты смеешься громче всех. Значит, здорова, а потому одевайся и спускайся к обеду.

– Алиса уже предъявила мне счет за исполнение обязанностей хозяйки за завтраком. Если это повторится за обедом, – я, пожалуй, стану банкротом.

– Что только вы не скажете, лорд Бенедикт, – всплеснула руками Алиса.

– Вот видишь, Наль, второй раз твоя подруга говорит мне сегодня эту фразу. Ну, давай мириться, Алиса. – И Флорентиец, подойдя к девушке, снял с нее шляпку, поправил ее локоны и сказал: – Ну, разве она не красotka, наша Алиса?

– Конечно, отец, не только красotka, но настоящая чудо-красавица. И если вы будете ее обижать...

– То, пожалуй, ее поклонники меня обидят. Очень рад, дети мои, что у вас обоих такие мирные и благородные поклонники. Могу вам сообщить радостные новости о Левушке. После страшной бури на Черном море, в которой твой брат не осрамил тебя, Николай, а стяжал себе репутацию храбреца, он познакомился в Б. с сэром Уоми и там узнал, что ты писатель. Сэр Уоми подарил ему обе твоих книги и просит теперь выслать ему отсюда твои новые издания. Я надеюсь, ты сделаешь это сам.

– Кто этот сэр Уоми, лорд Бенедикт? – спросила Алиса.

– Это, козочка, один мой друг, большой мудрец, у которого глаза почти такого же цвета, как у тебя. Но пойдем отсюда, тебе и мне пора приводить себя в порядок, а Наль, я думаю, уже не терпится пройтись до обеда.

Флорентиец спустился к себе, а Алиса зашла к отцу, который снова показался ей усталым. Пастор сидел на балконе в глубоком кресле. Лицо его действительно было усталым, но в его больших, добрых глазах светилось выражение безмятежного покоя и радости – такое редкое за последнее время.

– Как я счастлив, дочурка, что ты зашла ко мне. В этих покоях, в этом просторе и тишине, к которым мы с тобой не привыкли, ты мне кажешься совсем другой. Я только здесь и в доме лорда Бенедикта в Лондоне сумел понять, чем ты была для меня всю мою жизнь и в каком я перед тобой долгу.

ВЫ НИКОГДА НЕ ДУМАЛИ О ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ НА ЗЕМЛЕ, КАК О ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ, А НЕ ОБ ОТРЕЗКЕ ОТ РОЖДЕНИЯ ДО СМЕРТИ. А МЕЖДУ ТЕМ, ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО РЯД ЗЕМНЫХ ЖИЗНЕЙ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ. НЕТ В НЕБЕСАХ МЕСТА, ГДЕ ТОЛЬКО ОТДЫХАЮТ. <...> МЫ УХОДИМ ОТСЮДА, ТРУДИМСЯ, УЧИМСЯ, ЖИВЕМ В ОБЛЕГЧЕННЫХ ФОРМАХ, ПО

ИНЫМ ЗАКОНАМ, ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК НА ЗЕМЛЕ МЫ МОЖЕМ ЖИТЬ ТОЛЬКО ПО ЗАКОНАМ ЗЕМЛИ.

Алиса села на скамеечку у ног отца, прижалась к нему и взяла обе его руки в свои.

– И вот, дорогая, скоро опустится занавес пятого акта моей жизни. Много, многое сделано не так, как я того хотел. Еще больше не выполнено. И перед тобой я виновен в том, что не сумел дать тебе счастливого и беззаботного детства. Я не смог отстоять твоей самостоятельности и теперь ухожу, оставляя тебя чужой в родной семье, да еще и без законченного общего и музыкального образования. Алиса, Алиса, ты будешь права, если назовешь меня нерадивым отцом.

– Папа, зачем вы говорите против всякой очевидности? Вы же сами знаете, что всегда были лучшим отцом, о каком можно мечтать. Вы украсили мне жизнь и показали, что значит божественное в человеке. И для Дженни вы были лучшим отцом, какого она только могла иметь. А если Дженни, взрослая, пленялась только внешним блеском жизни и отбрасывала духовные ценности, на которые вы ей указывали, – в этом нет вашей вины.

Зачем нам говорить о том, что будет, когда опустится занавес вашей земной жизни? Сейчас он поднят, папа. Мы живем, и живем в обществе человека, знакомство с которым сделало нашу жизнь сказкой.

– И этот человек послал тебя, дитя, переодеться, а потом стоял под дверью твоей комнаты, трижды стучал, ожидая разрешения войти, и наконец нашел тебя здесь, – услышали отец и дочь мягкий голос лорда Бенедикта, стоявшего на пороге балкона.

Алиса, смущенная, вскочила на ноги, а пастор хотел встать, чтобы пододвинуть стул хозяину, но Флорентиец удержал его в кресле, взял стул и, садясь рядом, продолжал:

– Вот вам еще конфета, лорд Уодсворд. Как вы себя чувствуете? Если вы хорошо себя чувствовали после первой, то так же, и даже лучше, будете себя чувствовать после второй. Но вас, леди Уодсворд, я не хвалю. Вот уже и гонг к обеду. Попросите Дорию хотя бы причесать вас.

Алиса убежала к себе, а лорд Бенедикт и пастор медленно сошли вниз на террасу, где вскоре собралось все общество, перед тем как войти в столовую.

Обед проходил весело и оживленно. Вопрос о том, ехать ли на скачки, вызвал спор.

Наль и Алисе, не испытывавшим никакого интереса к выставке нарядов высшего общества, как и к самому этому обществу, и опасавшимся вдобавок, что лошадей будут бить, не особенно хотелось ехать. Пастор сказал, что предпочел бы почитать в тишине. Сандра пылал желанием поехать. Мильдрей и Николай молчали.

Хозяин предложил отправиться всем вместе.

– Вам, девочки, необходимо побывать на скачках, чтобы понять народ, среди которого вы живете. Чтобы понять его – недостаточно видеть дворцы и музеи и знать его язык. Надо наблюдать еще нравы и обычаи этого народа, проникнуться его темпераментом. Конный спорт – это проявление темперамента всего народа. И вы, друзья, будете наблюдать не только великосветские ложи, но и множество простого народа на трибунах. И в ложах, и на трибунах вы увидите накал пылающих страстей, в которые заковали себя люди, думая, что они представляют собой высшую цивилизацию всего культурного мира.

А вам, лорд Уодсворд, и Алисе предстоит познакомиться с еще одним уроком жизни. Вы поймете, что зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому лишь, что внутри его сердца уже бурлит кратер, куда зло только подливает свое масло. Сердце доброго – кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго легок. Но раздраженному человеку тяжело, потому что кипение страстей в его сердце не дает ему отдыха. К сердцу того, кто всегда в раздражении, открыт путь всему злumu. Такой человек не знает легкости. Не знает он и независимости от внешних обстоятельств. Они давят его во всем и постепенно становятся его господином.

Поедемте на скачки все вместе. Нашим дамам милая и умная Дория приготовит по части туалетов все, что нужно. Мы отправим ее завтра в Лондон, а утром в воскресенье поедем сами.

Но я слышу, подъехал экипаж. Это, несомненно, приехали юристы. Алиса, поиграй для всей молодой компании, а мы с твоим отцом должны поработать часа два со скучными, но неизбежными законниками.

Молодежь отправилась в зал, откуда вскоре донеслись звуки музыки, а Флорентиец с пастором прошли в кабинет, где и занялись делами.

Очень быстро оформив с юристами свои личные дела, лорд Бенедикт предложил пастору составить завещание. Лорд Уодсворд подтвердил в новом завещании волю своего отца, оставившего дом и драгоценности Алисе, а деньги Дженни. Жене пастор оставлял проценты от неприкосновенного капитала, который после ее смерти переходил в равных долях обоим дочерям. Несовершеннолетней Алисе отец назначал опекуном лорда Бенедикта. Затем в завещании было сказано, что Алиса, до дня своего совершеннолетия, должна жить в доме опекуна, а если ему придется уехать куда-либо из Лондона, Алиса должна последовать за ним. Своим домом, как и драгоценностями, она вольна распорядиться, как того пожелает. До совершеннолетия все ее состояние должно находиться у опекуна, лорда Бенедикта, и ни мать, ни старшая сестра не имеют никаких прав ни на саму Алису, ни на ее состояние.

Особый пункт завещания гласил, что часть капитала, лежащая в определенном банке, принадлежит сестре пастора Цецилии Оберсвоуд, ушедшей из дома отца пастора в юности и точно канувшей в воду. Всю жизнь пастор ее разыскивал. Если спустя десять лет после его смерти ни она, ни ее наследники не явятся на зов, этот капитал поступит на благотворительные дела по усмотрению лорда Бенедикта. Но до этого момента проценты с капитала, сами по себе составляющие крупную сумму, будет получать его жена, леди Катарина Уодсворд.

Свое завещание пастор просил юристов хранить в тайне до самой его смерти. Затем юристы должны были отвезти завещание на дом его жене и старшей дочери, вскрыть его и ознакомить их с его содержанием. Алиса же должна была узнать волю отца раньше, из письма, которое пастор ей оставит.

Окончив все дела и проводив посетителей, пастор и лорд Бенедикт присоединились к обществу молодежи, где музыка сменилась научным спором между Сандрой и Николаем. Темпераментный индус кипел на этот раз особенно восторженно, так как Николай указал ему на две ошибки в его работе, и умный юноша был несказанно рад, что еще не обнародовал свой труд и мог внести в него поправки.

Пастор был особенно добр и нежен с Наль, которая тоже льнула к нему, точно желая воздать ему вдвое лаской и любовью за каждую минуту, которую ему оставалось прожить на земле. Алиса, все подмечавшая, отметила и особенное внимание Наль к ее отцу, и нечто новое в нем самом. Словно он снял с себя какую-то заботу и ему стало свободнее и легче. Но какую именно заботу сбросил с себя отец, она угадать не могла.

Как сон пролетели ближайшие дни, и когда в субботу вечером Флорентиец предупредил, что завтра надо рано встать, чтобы не опоздать на скачки, у всех его гостей вырвался возглас удивления и разочарования. Всем им показалось, что воскресенье подкралось слишком быстро. Тем не менее в восемь с половиной утра все сидели в экипажах, чтобы ехать на станцию к лондонскому поезду.

Глава 5

Скачки

По дороге в Лондон лорд Бенедикт просил всех своих друзей отнестись к предстоящим скачкам серьезно, а не как к развлечению. Он напомнил о том, что во время присутствия в обществе следует сосредоточиться и постараться привнести как можно больше благородства во все те встречи, которые могут в это время произойти.

Алиса, зная страсть матери и сестры к скачкам, все время думала об их лени и о том, что они без ее помощи не способны себе приготовить элегантные туалеты. Девушка не помнила об обидах, не сожалела о том, что ее никогда не брали на скачки под предлогом, что она дурнушка. Между тем перед скачками не одну неделю ей приходилось работать все дни напролет и мало спать, чтобы приготовить матери и сестре новые туалеты к выходу в свет. Сцена за сценой мелькали в памяти Алисы. И внезапно, благодаря какому-то озарению, она поняла, что у нее никогда не было родной семьи, а был только отец, и оба они жили рядом с чужими, временными спутниками, эгоистичными и равнодушными по отношению к ним обоим.

– Если бы я и не наблюдал за тобой так пристально, дочурка, – сказал ей пастор, становясь рядом с ней у окна, – то все равно прочел бы на твоём лице все, о чем ты думаешь. Ведь ты думаешь, как мать и Дженни подготовятся к скачкам без тебя. Ну, а как вообще ты представляешь себе их дальнейшую жизнь? Можешь ли ты одна везти воз с непосильной для тебя поклажей – двумя человеческими жизнями? Осознай глубже, Алиса, величайшую мудрость жизни: каждый может прожить только свою собственную жизнь. И сколько бы ты ни любила людей, – ни мгновения их жизни ты не проживешь. Не набирай на себе долгов и обязанностей, которые на тебя никто не вваливал. Иди по жизни радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и обещай себе принять до конца все то, что он тебе принесет. Творчество сердца человека – в его простых буднях. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства как неизбежные, единственно свои, и очистить их любовью, милосердием, пощадой.

Но это не означает, что следует согнуть спину и позволить злу кататься на тебе. Это значит и бороться, и учиться владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне это не всегда удастся. Но внутренне надо всегда побеждать любя. Старайся переносить свои отношения с людьми из области мелкого и условного в огонь Вечного. Ищи всюду Бога и законы Его.

Ломай перегородки условного между собой и людьми. Развивай в себе тактичность и умение входить своим сознанием в положение того, с кем ты общаешься. И ты всегда найдешь, как устранить предрассудки, нелепо встающие между людьми, как открыть все лучшее в себе и войти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях, при встречах с абсолютно злыми людьми, твоя любовь не сможет одержать победу. Таково мое тебе духовное завещание, Алиса. Но если ты увидишь потемневшие сознания, – страшно сказать, – как у Дженни и твоей матери – проходи мимо таких. Благословляй и прощай, но никогда не прикасайся к ним. Не старайся обратить их на путь истины, это невозможно. Всю жизнь я стремился это сделать, – и только отяжелил наши с тобой жизни, не принеся им пользы.

В тот день, когда меня не станет, ты не вернешься больше домой. Ты останешься у лорда Бенедикта, где твоя истинная, духовная семья. И это тоже прими как мою последнюю волю.

– О, папа, папа. Каждое ваше желание было, есть и будет мне законом. Но для чего снова говорить о смерти? Вы так поправились за эти дни. Лорд Бенедикт говорил мне, что вы про-

живете в его деревне еще два месяца, вместе со всеми нами. Представляете себе это счастье? Мы с вами будем гулять, кататься на лошадях, читать, и никто не выразит нам своего недовольствия. И если уже сейчас, за три дня, вы стали настолько лучше выглядеть, что же будет через два месяца?

Лицо Алисы, полное любви, загорелось румянцем. Глаза ее сияли энергией, вся она светила радостью и была так прекрасна, что пастор ласково шепнул ей:

– Я никогда не отдавал себе отчет, что ты так прекрасна, моя дорогая детка. Боюсь, что надежды твои не оправдаются, моя любимая. Как бы вместо прогулок и удовольствий я не доставил тебе забот и горя. И вместо отдыха как бы не сделаться тебе сиделкой возле отходящего отца.

– Тогда я выполняю, отец, вашу волю: приму в твердости и спокойствии все то, что жизнь мне пошлет. Но я прошу вас, не терзайте своего сердца мыслями о прошлом или будущем. Я так счастлива, что вы сейчас со мною, что вы здоровы, бодры и выглядите прекрасно. Быть может, вы угадали мое беспокойство о Дженни и маме в связи со скачками. Но ваши слова сняли с меня огромную тяжесть. Мне стало легко. Будь что будет, – если нам придется расстаться, то Божья воля свершится, не разбив мне сердца. Я даю вам слово. Не думайте обо мне и, если уж так суждено, уходите легко, не печальтесь о моей дальнейшей жизни.

Поезд подошел к перрону. Флорентиец подал руку Алисе, как-то особенно внимательно поглядел на нее и сказал:

– Ты поедешь со мною, дружок. Я хочу с тобой поговорить. О папе не беспокойся. Наль и Николай довезут его до дома очень бережно.

Как только Флорентиец и Алиса сели в экипаж, он взял ее руки в свои и, нежно их пожимая, сказал притихшей девушке:

– У каждого, Алиса, своя Голгофа. Мы уже говорили с тобой об этом. Теперь настал твой момент собрать все свои силы и выразить активным действием верность твоей любви. Отец сказал тебе свою волю, он бросил тебе мысль о своей смерти. Я подтверждаю: смерть его близка, ближе, чем ты предполагаешь. Собери всю силу верности и любви и проводи отца в далекий путь. Ты – единственное, что он создал в своей жизни истинно прекрасного. Одна ты вошла в мир той действенной силой, которая будет продолжать его вековой труд на общее благо. Сейчас ты, своим спокойствием и самообладанием, можешь вознаградить отца за всю жизнь страданий и борьбы. И он уйдет спокойно, поняв, что жил не впустую. Твоя роль здесь священна. Проводить человека, осветив его последние дни радостью, а не слезами уныния, – это значит установить с ним новую связь для дальнейшей вечной жизни.

Вторая часть твоей Голгофы, пожалуй, не менее трудна. Но здесь я тебе буду помощником. Мысленно обопрись на мою руку и не разлучайся со мною ни в мыслях, ни в делах. Ты не вернешься больше к себе домой. Связь твоя с сестрой и матерью, внешне еще существенная, – окончится в духе твоём сегодня. Согласно завещанию отца, ты останешься у меня до своего совершеннолетия. Но мать и сестра будут делать все, чтобы заставить тебя покинуть мой дом.

Сегодня ты увидишь их на скачках. Увидишь и удивишься их униженному положению. Тебя саму не интересует, ни где ты будешь сидеть, ни во что ты будешь одета. Они же обе крайне раздражены от того, что туалеты их не производят особого впечатления, хотя они влезли в долги, из которых потом не будут знать, как выбраться. Они увидят тебя с отцом и всеми нами раньше, чем ты увидишь их. И сердца их наполнятся злобной завистью и жадой отомстить, из которых ни ты, ни я, ни все мы, вместе взятые, их вытащить не сможем. Есть ли в сердце твоём сомнение в том пути, который указан тебе твоим отцом и мной?

– Нет, лорд Бенедикт. Сомнение и не подступало ко мне. Единственно, в чем я могу себя винить, это в упоении тем счастьем, в котором я живу возле вас. Но при этом я не просила вас о Дженни, не умоляла помочь ей.

– Ты можешь успокоиться. Дженни позаботилась о себе на свой лад, но с просьбой обратилась не ко мне, а к Николаю. Тебе и не понять тех изощренных махинаций, которые руководили ею при этом. Но помнишь, я говорил тебе, что у человека, признавшего кого-то своим руководителем, должно быть полное, добровольное подчинение его требованиям в тех обстоятельствах, которые непонятны ему в данный момент, потому что ученик не может знать столько, сколько знает Учитель. Если ты хочешь идти за мной, стать членом моей семьи, как Наль и Николай, вот тебе мое назидание и на сегодня, и в дальнейшем: не принимай ни писем, ни посылок от сестры и матери. Ни на одну встречу с ними не соглашайся. Ты можешь передавать мне свои пожелания и мысли о том, каким образом тебе хотелось бы помочь им. Но можешь не сомневаться, все – и гораздо больше, чем ты предполагаешь, – будет сделано, чтобы помочь им. К несчастью, гораздо легче спасти утопающего, чем того, кто попал в сети зла, потому что человек сплетает их себе сам. Но вот мы и приехали. Проглоти эту розовую пилюлю и, я уверен, у тебя хватит сил на все.

Было без пяти минут одиннадцать, когда все обитатели дома лорда Бенедикта позавтракали и разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть и одеться к скачкам. Хозяин дома вошел в свой кабинет и принялся разбирать скопившуюся на столе почту. Несмотря на огромное количество писем, требовавших ответа, Флорентиец сам вел всю свою корреспонденцию и прочие дела, обходясь без секретаря. В последнее время он стал привлекать к своей работе Наль, Николая и Алису. Больше всех работал Николай, и обе девушки шутливо упрекали Флорентийца в том, что у него появился любимчик.

В это утро на лице Флорентийца несколько раз появлялось особенно сосредоточенное выражение. Он как бы призывал кого-то издалека или посылал куда-то свои мысли, а затем продолжал работать дальше.

Алиса и Наль отправились к Дории узнать насчет своих туалетов для скачек. У каждой из них на сердце лежала мысль о пасторе, но обе они ни единым словом не обмолвились о своей печали. На этот раз Дория удивила своих хозяек-подруг. Для Наль она приготовила платье апельсинового цвета с накидкой из белых кружев и прелестной белой шляпой. Для Алисы – платье цвета подснежника, с черной шелковой пелериной и черной кружевной шляпой. Когда Николай в легком сером костюме спустился вниз вместе с юными элегантными леди, всеобщий восторг по поводу их внешности рассмешил их.

– Ну вот, – сказала Наль, действительно поражавшая сочетанием нежной кожи, зеленых глаз и темных волос с апельсиновым платьем и белым тончайшим кружевом, – сегодня мы с Алисой ждали осуждения своим нарядам. Алиса уверяла, что наши платья выглядят слишком яркими и что вы примете нас за прилетевших откуда-то какаду. А вы вдруг пришли в восторг. Будьте же справедливы и преподнесите цветы и конфеты нашей милой, самоотверженной Дории. Мы с сестренкой Алисой палец о палец не ударили, все сделано одной Дорией.

– И за всю свою самоотверженность, – вмешалась Алиса, – это чудесное создание, нарядившее нас, как принцесс, остается дома убирать весь оставленный нами беспорядок. Мне бы так хотелось, чтобы Дория была мне сестрой и мы бы сидели с нею рядом на скачках, лорд Бенедикт. Как могло случиться, что Дория, с ее воспитанностью, образованностью, вкусом и красотой, – по своему положению оказалась нашей прислугой?

– Об этом ты, быть может, однажды узнаешь от нее самой. А теперь пора.

Николай поедет с женой. Ты, Алиса, и Сандра – со мною. А лорд Мильдрей и наш дорогой пастор поедут вдвоем.

Сандра, тоже очень элегантный и старавшийся до этой минуты держаться солидно, не преминул выкинуть одно из своих антраша и заставил смеяться даже солидных слуг лорда Бенедикта. Все уселись в экипажи и поехали на скачки.

Задолго до этой минуты Дженни, не спавшая почти всю ночь, никак не могла решить, пойдет ли она к лорду или нет. То ей казалось, что это бессмысленно, потому что ничего нового,

кроме моральных наставлений, она не получит. То ей хотелось обворовать этого человека и заставить его служить ее интересам в гораздо большей степени, чем он делал это для Алисы. Мелькали мысли, что он не женат, и какая бы это была победа – вдруг стать его женой и иметь в подчинении не только его, но и весь его дом, а не только Наль и Алису. Но как только она вспомнила его взгляд, под властью которого она выходила из его кабинета, чуть не приседая к земле, – фантазии ее разлетелись прахом, ей стало страшно встретить эти глаза, от которых ничто не может укрыться.

Снова Дженни подумала об Алисе и ее жизни. Быть труженицей вроде сестры, сидеть часами за роялем или книгами... Дженни приходила в ужас от перспективы всякого регулярного труда. Она окончательно решила не ходить на встречу с лордом Бенедиктом. Раздражение, вызванное завистью к сестре, поднималось теперь в Дженни все с большей силой. В душе ее уже не было ни раскаяния, ни сожалений о причиненных сестре обидах. «Так ей, дуре, и надо, – тоже мне юродивые, папенька с сестрицей», – думала Дженни. Она не сомневалась, что дура сейчас сидит в деревне и шьет Наль туалеты. Горькое чувство в ее сердце вызывалось не положением сестры, приживалки юной графини, как она полагала, а тем, что у нее отняли способную швею и усердную горничную.

Дженни подошла к зеркалу и осталась недовольна собой. Кожа ее сегодня была какая-то сухая, на лице – следы утомления, глаза не такие блестящие и даже губы не такие яркие, как всегда.

Она раздвинула шторы на окне и стала разглядывать при свете дня свой туалет, присланный вчера портнихой. Он показался ей слишком ярким, даже кричащим: ярко-фиолетовый костюм с серебряным кружевом у ворота и такая же шляпа.

Когда луч солнца упал на материю, глазам стало больно смотреть. Портниха вначале предлагала совсем иное сочетание красок, уверяя, что сама Дженни такая яркая, что ее красота нуждается только в элегантном обрамлении. Но Дженни, боясь затеряться в пестрой толпе, не последовала совету. Теперь она раскаивалась, но было поздно.

Пасторша тоже не приняла совет портнихи надеть черный костюм, а пожелала платье зеленого цвета. И сколько ее ни уговаривала Дженни, она заказала себе ярко-зеленое платье и такого же цвета шляпу. Мало того – собираясь на скачки, мать еще и надела ожерелье, подаренное ей на свадьбе Наль, что окончательно ввергло Дженни в отчаяние.

– Вы, мама, столько лет ездили на скачки, неужели вы не заметили, что туда ожерелья не надевают! – запротестовала Дженни. И только ее категорическое заявление, что она сейчас же разденется и останется дома, заставило пасторшу снять бриллианты и прикрыть свою толстую белую шею.

Плотная фигура пасторши казалась втиснутой в облегающий зеленый футляр. Когда-то красивые формы давно утратили свою прелесть, но владелица их, привыкшая слыть красивой женщиной, все еще считала себя таковой, в чем ее убеждали легкие и мимолетные победы. Дженни боялась, что их яркие туалеты, совершенно не сочетавшиеся по краскам и оттого выглядевшие еще безвкуснее, привлекут внимание толпы. Теперь Дженни понимала, что обе они плохо и вульгарно одеты. Но было уже поздно что-либо менять. Друзья матери уже приехали за ними.

Дженни с тоской посмотрела на жалкий наемный экипаж, в который были впряжены две клячи. Перед ее мысленным взором тут же возникла элегантная коляска, ежедневно приезжавшая за Алисой. Она еще раз вспомнила, что Алиса с отцом сейчас находятся за городом, и теперь подумала об этом с облегчением.

Экипаж тронулся. Пасторше казалось, что она выглядит очаровательнее своей дочери, хотя она и любила ее горячо, до обожания. Но сейчас Дженни была хмурой и совсем неинтересной. Мать с дочерью, с самого того вечера, когда ни Алиса, ни пастор не вернулись домой, больше о них не говорили. Но каждая знала, что мысль об Алисе гвоздем сидит в сердце дру-

гой. Щебеча пташкой, пасторша считала, что украшает собой путь на скачки, а Дженни сгорала со стыда и досады из-за бестактности и бестолковости матери. Она была рада, когда они наконец приехали. Сделав над собой усилие, Дженни постаралась улыбнуться своему кавалеру, предложившему ей руку. Она сразу же убедилась, что опасения ее были верны: несмотря на многотысячную толпу и яркость летних туалетов, их рыжие головы и кричащий цвет платьев не остались незамеченными и вызвали среди публики флиртующие замечания.

С трудом отыскав свои места, Дженни и пасторша сели и стали рассматривать публику. Кавалеры обратили их внимание на то, что занимаемые ими места находятся почти напротив королевской ложи. Высший свет, правда, не спешил рассаживаться. Кавалер Дженни, с которым она совсем недавно познакомилась, оказался очень сведущим по части конного спорта. Он объяснил ей, которые из лошадей вызвали наибольшие споры и надежды. Сам он не играл, но предлагал Дженни поставить на какую-нибудь лошадь, говоря, что ей сегодня повезет. Дженни отказалась, зато пасторша сделала ставки на нескольких лошадей.

Наконец, ложи тоже стали наполняться публикой. Только три из них еще пустовали, одна из них была королевской. Но вот послышался какой-то гул, возбуждение пробежало в толпе, – люди передавали друг другу, что прибыла королевская чета.

Раскланявшись с приветствовавшей его публикой, король подал знак к началу скачек. Дженни и пасторша, рассмотрев королеву и дам из ее свиты, еще раз поняли, насколько верны были советы портнихи. Даже в пестрой толпе их туалеты выглядели кричаще. Разглядывая публику в ложах, Дженни вдруг слегка вскрикнула, побледнела и опустила свой бинокль.

– Что с тобой? – с беспокойством спросила пасторша.

– Я уколола палец о брошь, – небрежно ответила Дженни, – но теперь уже все прошло.

Скачки шли своим чередом, но Дженни ничего не слышала и не видела, кроме одной ложи. Она даже не замечала, что ее кавалер пристально наблюдает за ней. Он тоже направил свой бинокль на соседнюю с королевской ложу, от которой не могла отвести взгляда Дженни. Мистер Тендль, как звали кавалера Дженни, увидел в этой ложе двух изысканно одетых, необычайно красивых молодых женщин, за которыми высилась величественная фигура лорда Бенедикта, о котором столько говорил Лондон в этом сезоне. Рядом с лордом он заметил своего приятеля Сандру, чему немало удивился. Ему казалось, что Сандра просто болтает о своем знакомстве с лордом, а все оказалось правдой.

Затем Тендль увидел Николая и пастора, о котором ничего не знал, и лорда Мильдредя, которого много раз видел вместе с Сандрой и знал, что это его большой друг.

– Кто именно занимает ваше внимание в ложе лорда Бенедикта? Вы знаете Сандру, мисс Уодсворд? – спросил он свою даму, выказывавшую все признаки расстройства.

Дорого бы дала Дженни, чтобы вернуть себе самообладание и не выдать разрывавшей ей сердце тайны посторонним людям. Мысль, что мать увидит Алису и пастора и со свойственной ей бестактностью и невоспитанностью начнет сейчас же выкладывать о них всю подноготную, была для Дженни невыносима. Раздражение ее еще больше усилилось от сознания, что она сама привлекла внимание соседа к ложе лорда Бенедикта. Ей даже показалось, что взгляд лорда в ту минуту упал на нее. Но от этого, к ее удивлению, ей не стало тяжелее. Напротив, что-то чистое, как прохладная струя воздуха, вдруг освежило ее. Пасторша, услышавшая имя Сандры, спросила:

– Разве Сандра здесь? Вы его видите, мистер Тендль?

– Да нет, мама, мистер Тендль просто рассказывает мне о Сандре, – выразительно глядя на своего кавалера, ответила Дженни.

В это время, как назло, индус встал с места и, перегнувшись вперед, подал Алисе коробку конфет. Он и раньше выделялся среди британцев своей внешностью, а сейчас, в светлом костюме, выглядел особенно импозантно. На него и его очаровательных соседок, уже давно

начавших привлекать всеобщее внимание, направились сотни биноклей, в том числе и бинокль леди Уодсворд-старшей.

– Ах, так вот какие штучки откалывают наши тихони! Вот как! Мы сидим на трибуне, а они в лучшей из лож! Ну, милейшая Алиса, это вам даром не пройдет!

Пасторша просто впала в бешенство. Шляпа ее съехала набок, на щеках выступили красные пятна, глаза метали молнии. Она стала безобразной. Бедная Дженни, знавшая по опыту, что теперь уже ничто не удержит в границах приличия ее мать, ломала голову над тем, как бы уехать со скачек и увезти ее домой, не дав ей устроить какой-нибудь скандал. Пасторша уже была готова вскочить со своего места и бежать к ложе лорда Бенедикта, чтобы изругать дочь и мужа, как вдруг почувствовала, что ее точно пригвоздила к месту чья-то рука и она была не в силах произнести ни слова. Она поняла, чей взгляд настиг ее и кто удержал ее в границах приличия.

Между тем скакуны и жокеи сменяли друг друга. Страсти людей, их азарт и жадность то стихали, то разгорались снова. Но в сердцах Дженни и пасторши ни на минуту не утихал сжигающий их огонь злобы, ревности и зависти.

– Посмотри, Алиса, мы считали, что наши туалеты слишком яркие. А вон там два платя, фиолетовое и зеленое – вот это краски! В Испании – и то было бы слишком ярко. Даже у нас в Азии таких красок не найдешь, – смеясь, говорила Наль.

Алиса, а вслед за ней пастор, Сандра и лорд Мильдрей подняли свои бинокли и посмотрели в ту сторону, куда смотрела Наль. У всех одновременно вырвалось: «Ах!» На лице Алисы, таком спокойном за мгновение до этого, не осталось ни кровинки.

– Что случилось? Что с тобой, дорогая? – спрашивала Наль, не узнавшая ни Дженни, ни пасторши на далеком расстоянии.

Алиса, мгновенно подумавшая о здоровье своей подруги, овладела собой, улыбнулась Наль и сказала, что действительно туалеты дам кричащи и есть чему поучиться на их примере. И тут же перевела разговор, спрашивая, отчего так сосредоточенно молчит Николай.

– Этот день учит меня многому. В частности, Алиса, я учусь у вас. И если у меня когда-нибудь будет дочь, я назвал бы ее Алисой, в память об этом дне. Чтобы навеки запомнить, как следует нести свои страдания, – прибавил он тихо, нагнувшись к девушке.

Вы никогда не думали о жизни людей на земле, как о жизни вечной, а не об отрезке от рождения до смерти. А между тем, вечная жизнь – это ряд земных жизней на протяжении веков. Нет в небесах места, где только отдыхают. Живое небо трудится так же, как и живая земля. Мы уходим отсюда, трудимся, учимся, живем в облегченных формах, по иным законам, точно так же, как на земле мы можем жить только по законам земли.

Настал перерыв. Двери ложи лорда Бенедикта то и дело открывались, впуская кого-либо из его великосветских знакомых, не забывавших подать дамам цветы или конфеты, так что Наль и Алиса решили, что их кавалерам придется играть роль грузчиков на обратном пути. Перерыв окончился, скачки возобновились. Все знаменитые скакуны уже пробежали, а королевская чета все еще оставалась на своих местах, из-за чего и вся знать не покидала своих лож. Но лорд Бенедикт, еще раз пристально поглядев на два ярких пятна на трибунах, шепнул своим спутникам, чтобы они выходили из ложи.

Алиса, для которой эта попытка становилась невыносимой, вышла сразу же за лордом Бенедиктом и вместе с Сандрой поспешила к выходу. Быстро подкатили вызванные швейцаром коляски, так как разъезд, особенно любимый дамами, поскольку они демонстрировали свои туалеты главным образом тогда, когда поджидали свои коляски, – еще не начался.

Силы Алисы истощились. Но чудесное лицо Флорентийца, доброе, нежное, полное любви и ласки, склонилось к ней, – и волна радости и мира охватила ее.

Сандра был необычно для себя молчалив. Лицо его потеряло обычное по-детски добродушное выражение. Он казался старше благодаря каким-то новым, внезапно появившимся на

его лице суровым складкам. Алиса, впервые увидевшая Сандру таким, была поражена тем, как внезапно может измениться человек, словно перескочив из одного возраста в другой. Ей показалось, что Сандра повзрослел лет на двадцать.

– Ну, что призадумался, мудрец? – внезапно раздался голос Флорентийца.

– Я не могу не думать о пасторе. Мне кажется, мисс Алиса, что ваши кротость и доброта невозможны на земле. Вы посланы на нее для утешения грешников. Я думаю о том счастье, какое нашел в вас ваш отец, о той уверенности, какую он должен ощущать, оставляя земле такой перл, как вы, – все с тем же суровым лицом говорил Сандра, не глядя на своих спутников.

– Другими словами, ты не можешь разделить в своем сердце отца и дочь, – улыбаясь, ответил Флорентиец. – И оба захватили тебя своими чарами. Теперь жизнь без пастора и Алисы уже теряет для тебя что-то в своей привлекательности?

– Да, лорд Бенедикт. Завтрашний день, когда я не услышу голоса моего дорогого друга и не увижу его добрейших глаз, не смогу принести этому честнейшему сердцу все свои маленькие скорби, будет горек мне. И пример его юной дочери, столь мужественно, подобно умудренному жизнью мудрецу, несущей такие страдания, не раз устыдил меня. Должен признаться, я слаб сейчас, и каждое свидание с пастором, который тает на глазах, разрывает меня на части. А на сегодняшних скачках мне открылась вся жизнь этого подвижника. И я понял, как часто я бывал глуп, груб и бестактен в его доме.

Сандра смотрел в окно, но ничего перед собой не видел. Его черные глаза точно потухли и смотрели внутрь себя, слезы текли по его щекам.

– Сын мой, мой друг. Ты страдаешь в эту минуту. Ты думаешь об уходящей жизни и о себе, о том, как будешь страдать, лишившись верного друга. Но ты забыл, что перед тобой, – хоть ты и причислил ее к ангелам небесным, – сидит дочь оплакиваемого тобой пастора. Дочь – юная женщина из плоти и крови, – и ее сердцу сейчас много мучительнее, чем твоему. Считаешь ли ты, что сейчас проявляешь себя тактично по отношению к ней?

– Нет, лорд Бенедикт, я понимаю, что поступаю не только бестактно, но еще и жестоко. Но если бы я сейчас не высказался, то просто умер бы от той боли, которую чувствую в своем сердце. Я еще не научился мудрости жить так, чтобы сила любви вела меня легко сквозь все препятствия дня.

– Возьми мою руку, Сандра. Пройдут годы, ты станешь главой семьи, ректором университета, большим ученым. Но того момента, когда ты оказался слабее женщины, – не забудешь никогда. И больше в твоей жизни не случится той бури протеста против смерти, в которой ты живешь сейчас. Ты узнаешь, что смерти нет, а есть вечная сила Любви, обновляющей Вселенную. Есть только мудрая красота, раскрывающая каждому врата радости жить и трудиться. Не плакать об уходящем ты должен, но передавать ему силу и мужество, чтобы он мог уйти отсюда, получив от каждого из нас последний дар нашей любви. Плоха любовь, напутствующая друга слезами.

Коляска подкатила к подъезду, и вскоре все общество сидело за обеденным столом. С необычайным тактом хозяин направлял разговор за столом и так развлекал своих гостей, что тяжелые впечатления от скачек стерлись из их памяти. Тотчас же после обеда дом лорда опустел, так как все его обитатели вновь уехали за город.

Как только Дженни и пасторша увидели, что ложа лорда Бенедикта опустела, всякий интерес к скачкам у них пропал. Теперь, к своему удивлению, Дженни почувствовала одиночество и печаль. Казалось бы, с отъездом отца и, особенно, сестры она должна была почувствовать облегчение. Но у Дженни было такое чувство, точно она внезапно осиротела. Ей хотелось поскорее вырваться отсюда, но, вспоминая свой притихший дом, она готова была ехать куда угодно, только бы не оставаться вдвоем с матерью. Как много дала бы сейчас Дженни, чтобы застать дома отца и играющую на рояле Алису. Теперь ей казалось, что в тех звуках музыки

была жизнь. Ушли звуки, воцарилось молчание, ничем не заполненное, тоскливое, от которого хочется бежать... Дженни с ужасом думала о возвращении в эту гнетущую тишину.

Когда скачки почти закончились, мистер Тендль предложил всем выйти с ипподрома не через главный выход, где собирались толпы народа в ожидании подачи экипажей, а через запасной. Пасторша сначала хотела не лишать себя удовольствия посмотреть на туалеты дам из высшего света, но Дженни бросила на нее такой выразительный взгляд, что она замолчала на полуслове. Пройдя через запасной выход, они смогли довольно быстро пробраться к своему экипажу и выехать из аллеи, запруженной вереницами колясок.

Кавалеры предложили дамам пообедать в каком-нибудь ресторане, на что пасторша охотно согласилась. А Дженни все же предпочла свой одинокий дом обществу матери и ее кавалера, который ей сильно не нравился. Ее отказ пойти в ресторан сильно разозлил пасторшу. Вместе со своим кавалером она покинула экипаж у первого же приличного ресторана. Мистер Тендль, оставшись с девушкой, видел, что она страдает, хотя и не понимал причину ее переживаний. Он всячески старался рассеять ее угрюмость, в чем отчасти и преуспел. Его доброта и такт невольно подкупили Дженни. В разговоре он раскрывался перед ней как человек недюжинного ума, высокого образования и большой эрудиции.

Дженни пристально поглядела на своего собеседника и встретила с его большими серыми глазами, вдумчиво и пытливо смотревшими на нее. Рыжеватый загорелый блондин с выющимися волосами, высокого роста, отлично сложенный, мистер Тендль был чрезвычайно интересным мужчиной.

Когда коляска остановилась перед домом пастора, он помог Дженни сойти и приподнял свою шляпу, чтобы с ней проститься. У девушки сжалось сердце. Сейчас она останется одна в молчащем доме. Одна со своими мыслями, от которых хочется бежать. Должно быть, лицо ее отразило такую тоску, что она передалась этому доброму человеку, пожелавшему помочь ей в ее печали.

– Не хотите ли, мисс Уодсворд, – сказал он голосом, полным уважения, – превратиться на сегодня в скромную студентку? Мы отпустим коляску, вы переоденетесь, как подобает вольнослушательнице, и мы отправимся бы пообедать в парк.

– Я очень хотела бы принять ваше предложение, но...

– Но не знаете, как это согласуется с этикетом. С этим не стоит считаться. Во-первых, вы уже многое сделали не по этикету, а во-вторых, парк так велик, что вряд ли вы рискуете встретить там своих знакомых. Ну, а в-третьих, нужно выбирать не условное и внешнее, ничего не стоящее, а подлинные скрытые в нас ценности, которые одни лишь заслуживают нашей заботы. Иногда они заставляют нас прислушиваться к себе особенно внимательно. Обстановка, в которой мы никогда не бывали, в этих случаях может внезапно осветить пороки, не ясные нам самим.

– Я согласна, – тихо ответила Дженни. – Сейчас этот молчащий дом мне кажется гробом.

Отпустив коляску, молодые люди вошли в переднюю. Дженни проводила гостя в зал, предложив ему просмотреть последние научные журналы. Снисходительно улыбаясь, она объяснила удивленному гостю, что ее отец всю жизнь считает себя не только выдающимся певцом, но и большим ученым. А на самом деле он только скромный пастор.

– Как, – вдруг изменившись в лице, воскликнул мистер Тендль, – значит, я в доме знаменитого ученого, философа, чья книга выйдет не сегодня завтра из печати и о которой уже сейчас говорят в научных кругах? Боже мой, как я мечтал с ним познакомиться! Мне говорили, что, помимо учености, он еще и человек совершенно изумительных личных качеств. Так это и есть ваш отец?

– Отец ничего не рассказывал мне о своей книге, – холодно и высокомерно ответила Дженни. – Не путаете ли вы его с кем-либо еще из Уодсвордов? Их ведь много, – с тайной досадой проговорила Дженни.

– Пастор Уодсворд, автор выдающейся книги, может быть только один, мисс Уодсворд. Ведь имя вашего отца Эндрю?

– Да, но в нашей семье до сих пор никто не знал, что глава ее такое светило, как вы говорите. Отец очень скрытен и не любит рассказывать о своих делах. Впрочем, с Сандрой они постоянно погружаются во всякие умствования.

– Счастливцев Сандра! И как только ему удалось познакомиться с вашим отцом. К лорду Бенедикту он, конечно, проник через своего друга, лорда Мильдрей.

– Вы ошибаетесь. Сандра был близок с лордом Бенедиктом давно. Он индус, познакомился с лордом еще в Индии, в свои детские годы. И это Сандра ввел лорда Мильдрей в дом Бенедикта. Что же касается моего отца, то он всю жизнь искал молодые таланты и всюду им протезировал. Я вас покину, мистер Тендль, с вашего разрешения, чтобы явиться к вам в образе скромной студентки.

Войдя в свою комнату и сбросив с себя яркое платье, ставшее ей ненавистным, Дженни надела простой черный костюм и такую же шляпу. И показалась себе гораздо милее, чем в кричащем фиолетовом туалете.

В мыслях ее был сумбур. Чужой человек называет отца светилом, великим ученым, а она и мать всю жизнь считали его странным, склонным к юродству человеком. В чем же дело? Почему отец ни слова не говорил ей о своей книге? Правда, он всю жизнь над чем-то работал и Алиса что-то постоянно переписывала для него. Но ей, Дженни, все это казалось забавой человека, которому не удалась его жизнь и от нечего делать он решил искать утешение в науке. Неудачники вечно носятся со всякими странными идеями. И вдруг... книга и слава отца, – а она вдали от него и даже не знает, вернется ли он домой завтра.

Возвратившись в зал, Дженни застала своего гостя погруженным в чтение какой-то статьи. Мистер Тендль так увлекся этим занятием, что даже не сразу пришел в себя и понял, где он и кто перед ним. Опомнившись, он весело рассмеялся и вежливо извинился перед Дженни за свою рассеянность.

– Очевидно, – сказал он, – люди, в которых живет страсть к науке, одинаково рассеянны. Простите великодушно, мисс Уодсворд.

Молодые люди вышли, но Дженни, привыкшая ощущать себя красавицей и слышать комплименты, в душе оскорбилась от того, что мистер Тендль, увлекшись статьей, даже не посмотрел на нее. Наоборот, она поймала взгляд сожаления, украдкой брошенный им на книгу, от которой ему уже не хотелось отрываться.

По ассоциации она опять вспомнила об отце и Алисе, в ее сердце ожили ревность и раздражение, и настроение ее сильно омрачилось. Ее спутнику пришлось потратить немало усилий, чтобы вызвать улыбку на ее лице. Обед в парке несколько отвлек внимание Дженни от пережитых волнений. Многое из того, о чем говорил ей мистер Тендль, ее удивляло, это было ново и неожиданно. И все же ни разу Дженни не задумалась о том, кто же этот милый человек, не поинтересовалась его жизнью. Она думала не о нем, а о себе, и принимала его общество как необходимый ей сегодня рецепт, который завтра можно выбросить, поскольку в нем не будет больше нужды.

Вернувшись домой раньше матери, Дженни заперлась у себя в комнате и легла спать, лишь бы ни о чем не думать.

Так завершился этот тревожный и печальный для всех наших героев день.

Глава 6

Болезнь и смерть пастора. Его завещание

Благополучно добравшись на лошадях, по залитой лунным светом дороге, до загородного дома лорда Бенедикта, его слегка утомленные спутники разошлись по своим комнатам. Только пастор остался внизу, в кабинете хозяина.

– Вероятно, это одна из последних моих лунных ночей, когда я могу еще ценить красоту земли, которую так любил. Как много раз я напутствовал людей, уходящих к престолу Отца. И как редко видел истинное знание и истинную веру. Как часто старался я победить в них страх. Теперь, когда сам иду к Отцу моему, понимаю, что это не страх подавляет человека, но сознание бесполезно и бесплодно прожитой жизни. Сознание недостаточной верности заветам любви, недостаточной чистоты прожитой жизни.

– Смерти нет, дорогой друг. С последним дыханием дух оставляет физическую форму, в которой жил на земле. Те, кто готовятся к смерти, так же, как и те, кто скоро родится на земле – лишь проходят неизбежный отрезок того пути, который ведет их к совершенствованию. Современный человек содержит в своем сознании столько предрассудков, что не понимает даже, как великая Жизнь движется вокруг него и в нем самом. Если бы в вашем сердце не жил тот Свет, который сейчас окружает нас обоих и все вокруг нас, – в вас не было бы тех благородства и чести, в которых вы жили и живете. В сердце человека, сообразно ступени его развития, оживают одно за другим качества Той единой Жизни, которую он носит в себе.

Качество духа, доходя до своего полного развития, переходит в силу, живую, всегда активную. Оно перестает быть только свойством человека. Оно льется, как кровь, по его жилам, как светоносная материя любви, и раскрывается, наконец, как оживший аспект вечной Жизни в нем. Все, в чем человек смог дойти в своем развитии до конца, становится аспектом его божественного духа, его внутренним творческим огнем. Когда физическая форма становится мала оживляющему ее духу человека, когда он вырастает из нее, как юноша из детского платья, – человек меняет свою форму, а мы называем это смертью.

Ваша жизнь, как ни строго вы судите ее, – безупречна. И встреча наша не случайность, но великая радость, посланная нам обоим. До сих пор я был в долгу у вас, мой верный, преданный друг.

– Я вас не понимаю, лорд Бенедикт. Это верно, что я испытываю какое-то чувство большой близости к вам, словно бы когда-то давно мы были с вами знакомы. Но... кто однажды познакомится с вами, тот иначе себя и не может себя чувствовать возле вас. Ваши доброта и сила обаяния подчиняют себе всех.

– Вы никогда не думали о жизни людей на земле, как о жизни вечной, а не об отрезке от рождения до смерти. А между тем вечная жизнь – это ряд земных жизней на протяжении веков. Нет в небесах места, где только отдыхают. Живое небо трудится так же, как и живая земля. Мы уходим отсюда, трудимся, учимся, живем в облегченных формах, по иным законам, точно так же, как на земле мы можем жить только по законам земли.

И на этой земле вы бывали уже не раз, и не раз встречались со мною. Но то были встречи мимолетные, и каждый раз я бывал чем-нибудь вам обязан и оставался вашим должником. В последнюю же нашу встречу вы спасли мне жизнь. В этой жизни я долго искал вас, чтобы отплатить за все ваши благодеяния. Только несколько месяцев тому назад, будучи в Москве, я узнал, что вы живете в Лондоне и что вы – пастор. Я узнал все о вашей жизни от моих друзей, которые потеряли ваш след в Венеции и шли неверным путем, ища вас в артистических кругах.

Как только я получил это известие, я изменил свой план и приехал сюда, где немедленно же вас отыскал. Примите теперь все мои услуги вам и Алисе как возвращение моего векового

долга. В ее и вашей жизни все светло, все сияет. Что же касается второй половины вашей семьи, одно могу сказать: все, что будет возможно, я сделаю для Дженни и вашей жены. Боюсь, правда, что это будет бесполезно, но все же сделаю.

– Как странно я себя сейчас чувствую, лорд Бенедикт. Точно я становлюсь легким-легким и действительно вспоминаю давнишнее знакомство с вами. Удивительное спокойствие и мир нисходят в мою душу. И не столько от ваших слов, сколько от вашего присутствия, от какой-то особенной вашей доброты, от мужества и силы почти нечеловеческих, которые исходят от вас.

Примите благоговейную благодарность уходящей души за ту ясность и спокойствие, которые вы влили в нее. Благодаря вам мое прощание с землей полно величия. Что касается моей жены и Дженни, – Боже мой, как много сил я потратил, чтобы охранить их от зла. И тут вы меня утешили, и я их оставляю под вашей защитой. Я видел ясно, как постоянное раздражение и жажда роскоши и праздной жизни все теснее сближают их с людьми лживыми, примитивными и даже бесчестными. Я понимал, что они тонут в мелочных мыслях и чувствах, в постоянной эгоистической замкнутости на самих себе. Но я не мог найти хоть каплю доброты в их сердцах, чтобы вытащить их из этой обывательщины.

– Перестаньте думать о них, мой милый лорд Уодсворд. Оставшееся вам на земле время теперь принадлежит только вам. В эти последние дни текущего воплощения я пришел, чтобы передать вам то знание, которого вы искали всю жизнь и для которого вы проложили себе дорогу ногами тех, кто приходил к вам за утешением и уходил не только утешенным, но и с сознанием, что у него есть друг. К вам приходили за миром, а уходили не только в мире, но и в радости понимания своего права на жизнь, на счастье, на труд.

Сбросьте с себя все путы условностей, которые мешают вам общаться в огне и духе. Все слезы, скорби, страсти, которые собрало ваше сердце, как в чашу, уже горят не в одном вашем сердце, но и в моем, и в сердцах целого ряда светлых людей, поставивших себе целью борьбу за общее благо. На вас нет уже ни оков условной любви, ни оков предрассудков. Живите все эти дни, как живут после смерти всего личного. Живите, благословляя каждый день в мужестве и мудрости, в любви неугасимой Великой Матери Жизни.

Не только вашей дочери Алисе, но и юному обожателю вашему Сандре, а также тайно и очень глубоко страдающему Мильдрею, и моим детям, Наль и Николаю, всем преподайте великий урок мудреца, прощающегося с земной жизнью радостно и спокойно, чтобы начать, – вернее, продолжить труд жизни вечной. Рассматривайте все эти дни как дни заслуженного беззаботного отдыха и пожинайте плоды любви, разбросанной вами на земле подобно горсти драгоценных камней.

Флорентиец проводил пастора в его прекрасную комнату, из которой открывался вид на залитый луною парк.

– Я незаслуженно счастлив, лорд Бенедикт, – говорил пастор. – Я даже и мечтать не мог о такой красоте, в какой живу сейчас. И если вы говорите, что в долгу у меня, то что же сказать мне? Я молился Отцу, чтобы отойти в мире, но я не находил его. Вы помогли сердцу моему раскрыться не только в мире, но и в радости. Как прекрасна жизнь! Как могуч и велик росток этой жизни в человеке, если он на протяжении веков меняет форму и вновь живет! Только сейчас мне это стало ясно до конца. Зачем же церковь учит оплакивать смерть? Зачем учит: «Упокой со отцы», если покой можно обрести лишь в самом себе? И найти его можно, лишь живя в Свете. Нужно учить, как жить в Свете, пока человек трудится на земле, а не как упокоиться с отцами.

Флорентиец склонил голову в знак согласия.

– Спокойной ночи, лорд Уодсворд, до завтра. Вот вам еще пилюля, она поможет вам хорошо заснуть.

Флорентиец подал пастору лекарственную конфету, крепко пожал ему руку и, еще раз пожелав спокойной ночи, спустился к себе вниз. Пастор, посидев еще немного в тишине, почувствовал такое сильное желание спать, что едва успел раздеться, как мгновенно заснул.

Казалось, весь дом спал, погруженный в тишину. Но сам хозяин сидел за письменным столом и писал письмо, иногда пристально вглядываясь куда-то вдаль. Дверь на террасу была открыта, аромат цветов проникал в комнату. Изредка ветерок колебал пламя свечей и заставлял блики огня переливаться и играть в золотистых волосах писавшего. Внезапно Флорентиец поднял голову, прислушался к чему-то и, покачав головой, тихо сказал:

– Алиса, Алиса, я надеялся, что у тебя будет больше сил сегодня. Сойди сюда, если тебе так трудно и тяжело. Я думал, ты поняла, что должна поддержать отца и превратить в земной рай его последние дни, а ты предаешься печали о себе. Перестань плакать и приходи сюда.

А Алиса, вернувшись в свою комнату, накинула белый фланелевый халат, распахнула дверь на балкон, опустилась в кресло и застыла в горьком сознании неизбежной разлуки с обожаемым отцом. В воспоминаниях перед ее взором проходили все картины ее жизни с отцом, с самого детства. Ни разу она не видела отца раздраженным. Ни разу он не вошел в дом без улыбки. Какой бы скорбью ни болело его сердце, он входил в дом, имея ласковое слово для каждого. Многое, чего не понимала Алиса в детстве, стало ясно ей теперь. Но ее детское сердце разгадало драму отца. И с тех пор все ее мысли и дела были пронизаны единым стремлением: защитить отца, не дать ему заметить ничего тяжелого, отвести от него очередной удар.

Два сердца, две жизни, отца и дочери, слились в одно целое. А теперь... теперь словно отрывалась часть ее сердца. Не отец уходил, но из ее собственного сердца вырывалась половина. День без отца... Алиса изнемогала от муки. Она сидела без мыслей, без надежд, подавленная страданием. Ей показалось, что в ее сердце образовалась рана, из которой струится кровь, собираясь вокруг нее целым озером, и она вся тонет в нем. Внезапно, точно электрический ток, пробежала по ней какая-то сила.

Девушке вспомнились слова лорда Бенедикта по дороге в его имение, его беседа с Сандрой и все, что он говорил ей за последние дни. Ей словно послышался его голос в ночной тишине, звавший ее к себе прямо сейчас. Мгновенье назад бывшая такой обессиленной, она встала и отерла глаза.

Образное представление своих страданий как сердечной раны, из которой струится кровь, было настолько сильно и ярко, что ей казалось, что это реальность. Она невольно положила руки на сердце и посмотрела себе под ноги, желая убедиться, не стоит ли она в луже крови. Бросив взгляд через окно в сад, она увидела лорда Бенедикта, который звал ее жестом руки. Алиса сошла с лестницы и увидела, что он стоит на пороге своего кабинета.

– Войди, дитя, – сказал он, закрывая за нею дверь. – Только мы с тобою, да еще один человек в доме, не спим в эту ночь. Остальные нашли силы быть мудрыми и принять жизнь такой, какая она есть. Ты думаешь, что не спит Сандра. Нет, индусу я дал успокоительных капель, он спит, как и твой отец. Не спит тот, кто ни словом не обмолвился о твоих и своих страданиях – лорд Мильдрей, сердце которого разрывается от твоей драмы, от твоей боли. Чтобы исцелить рану в твоём сердце, он рад был бы лечь на плаху. И сейчас, внешне спокойный, он мечется, как тигр в клетке, не находя никакого решения. Не плакать, не истекать кровью тебе надо, дочь моя, но вспомнить, как у вечного огня ты обещала нести утешение и помощь людям. Что толку сидеть и плакать? Разве слезы могут отвратить неизбежное? В ком может найти отец твой силу и поддержку сейчас, когда ему предстоит переменить форму своей жизни? Ты привыкла называть эту перемену смертью. Но смерти нет, это наше заблуждение.

Я уже говорил тебе: пока живешь – не теряй ни мгновения. Ищи возможности для сердечного творчества. А в слезах нет места творящей силе. О чем бы ни плакал человек, он плачет о себе. Высшая форма человеческой любви – это действие, энергия. Лишь тот, кто имеет в себе мужество, способен встать на высокий путь благородства и самоотвержения. И только в

таким бесстрашном сердце нуждается жизнь. В жизни нет остановки ни на мгновение. Она – вечное движение, вечное стремление вперед. И только мужественный движется в ногу с нею.

Если и дальше ты будешь оплакивать каждый неожиданный – только в силу твоей невежественности – удар судьбы, то тебе нет надобности жить возле меня. Ты хочешь разделить со мной мою жизнь, но это – жизнь самоотверженного труда. В ней проходят, чередуясь, победы, разочарования, скорби и радости. Но унынию в ней нет места.

Смерть – это предрассудок человека, возникший из-за его варварского отношения к жизни. Посмотри на эту дивную природу: уже начинается рассвет, а луна еще светит. И с каждым мгновением ты видишь, как день сменяет ночь, и все это форма той же Единой Жизни, которая живет в тебе, во мне, в солнце, в облаках, в траве. Много учась, ты обретишь подлинные знания, и тебя перестанет выбивать из колеи закон чередования жизни и смерти. Сегодня пойми крепко и ясно: если хочешь опять встретиться с отцом, готовь в себе то священное и высокое место, где это станет возможным. Знай: ты можешь создать такую семью, в которой отец твой вновь воплотится. Ты можешь стать ему матерью и воздать материнской любовью и заботой за все его заботы о тебе, за всю его любовь. Но «может» еще не значит «будет». Только в тебе вся сила, любовь и возможности повернуть руль судьбы так или иначе. И все зависит от того, как ты проводишь сейчас отца и какое уже теперь дашь ему благословение.

Девушка, преображенная, сияющая, приникла к руке своего великого друга и прошептала:

– Я все поняла. От вас перелилась в меня сила. Мне больше не о чем плакать... Но лорд Мильдрей? Как я могу его утешить?

– Предоставь мне заботу о нем.

Погладив успокоенную Алису по голове, дав ей каплю и велел сейчас же ложиться спать, так как ей нужны будут силы для заботы об отце, Флорентиец проводил девушку до лестницы и снова сел к столу, где закончил последнее письмо.

Рассвет переходил в раннее утро. Лорд Бенедикт потушил свечи, прошел в свою спальню, откуда через четверть часа вышел в халате, с махровым полотенцем на плече. Собрав письма, он положил их в ящик стола, закрыл его, потом написал на отдельной бумажке несколько слов и вышел в парк. Подойдя к дому с другой стороны, он поднял камушек, завернул его в ту бумажку, которую положил себе в карман, и, остановившись перед одним из открытых окон второго этажа, ловко забросил туда свой камушек, завернутый в бумагу.

К ногам погруженного в невеселые думы и всю ночь не спавшего лорда Мильдрея вдруг упало что-то белое, стукнувшее об пол. Вздвогнув от неожиданности, он наклонился и поднял бумажку, из которой выпал камушек.

«Надевайте халат, берите полотенце и спускайтесь вниз, на террасу. Пойдем к озеру, купаться в водопаде», – прочел Мильдрей. Записка была без подписи, но Мильдрей сейчас же узнал крупный, красивый почерк хозяина. Он выглянул в окно, но, кроме пения птиц и чудесно расцветающего утра, ничего не услышал и не увидел. Обрадованный неожиданной возможностью совершить дальнюю прогулку с лордом Бенедиктом, Амедей поспешил переодеться и спустился, отвлекшись от своих мыслей, терзавших его всю ночь.

– Ну, мученик, – встретил его улыбкой лорд Бенедикт, – на кого вы похожи? Еще две-три так прелестно проведенных ночи, и меня обвинят, по крайней мере, в истязании своих гостей. Можете ли, лорд Мильдрей, образцовый воспитатель моего приятеля-индуса, объяснить причину вашей скорби, которая в одну ночь съела половину вашего веса?

– Объяснить это легче легкого, лорд Бенедикт. Полное бессилие помочь людским страданиям довело меня до отчаяния. Но вот что я хотел бы знать: каким образом вы угадали, что я не спал и что сидел именно в этой из трех отведенных мне комнат. Ведь, кидая мне записку, вы должны были точно знать не только то, что я не спал, но и то, где я находился... И до чего

же вы молоды и прекрасны, лорд Бенедикт! Теперь я понимаю, почему вам дали прозвище Флорентиец.

– Мой дорогой гость, если мы будем останавливаться на каждом шагу, как это делаем сейчас, то вернемся, когда наши дамы будут уже завтракать. Пойдемте побыстрее, и, пожалуй, я расскажу, как узнал о вашей бессоннице. Посмотрите вокруг себя и взгляните в разнообразие окружающей вас жизни. Цветы каких чудесных форм и красок окружают вас! Листья, травы, бабочки, птицы, пчелы – все живет самой напряженной жизнью, творит, отдает свой аромат, плоды и красоту... и умирает.

Вы срываете цветок, вставляете его в петлицу или украшаете им стол. Вы не думаете, что цветок умирает, отдавая вам свою красоту. Вас не тревожит эта смерть. Вы ее благословляете, принимаете спокойно, как нечто неизбежное, обычное. Почему? Только потому, что для вас в этом нет ничего личного. Ничего от вашей привязанности, ваших привычных желаний, вашей любви, в которую вы каждый день вплетали нити своего сердца, крови, плоти и духа. И вы спокойны. Вы знаете неизбежность закона целесообразности, закона, заставляющего все живое менять свои формы.

Но как только дело касается людей, – в сознании человека сразу все меняется. Все разделяется на своих и чужих. Свои – это те, с кем вы сжились, сроднились по крови. И каждая такая разлука – неизбежные слезы, отчаяние и вот такой вид, как у моего доброго друга, лорда Мильдрей. Вы сражались в двух войнах, будучи юношей; о вашей храбрости солдаты складывали песенки и легенды, и вашему самообладанию удивлялись даже старые офицеры. Теперь вам двадцать восемь. Почему же перед лицом предстоящей смерти пастора вы потеряли ваши самообладание и равновесие? Ваша любовь к Алисе для меня не тайна. Но она – не оправдание вашему поведению. Чему служит та любовь, которая не несет мужества любимому человеку? Неужели вы думаете, что таким образом вы сострадаете Алисе? Истинно и деятельно лишь такое сострадание, которое несет человеку не слезы, а мужество.

Вы думаете, что можно таить внутри полный разлад, страдать и разрываться, а вовне демонстрировать якобы полное спокойствие и подобным лицемерным самообладанием помогать человеку переносить горькие минуты? Только истинно мудрое отношение, то есть убежденно-спокойное душевное состояние, может помочь ближнему. И оно, как живой пример мудрости, может предотвратить тысячи человеческих драм одним только своим появлением, одной встречей. Таков живой пример мудреца.

И в каком бы образе он ни встретился человеку, он может поднять его силы до героического напряжения. Может помочь перейти из состояния маленького человека, горюющего о личном и ограниченном жизнью одной улицы, в одухотворенное осознание себя единицей всей Вселенной. Той самой Вселенной, которая с неизбежностью подчинена одному и тому же закону целесообразности, который ведет все живое – от букашки до человека – к совершенству.

Вы можете мне ответить, что все это знаете и понимаете. Но я с этим не соглашусь. Потому что на языке мудрости знать – это значит уметь. А понимать – значит действовать. Тот, кто говорит, что он знает и понимает, но не умеет действовать в своем обычном трудовом дне, – на самом деле ничего не знает. Он ничем не отличается от цирковых собак и лошадей, которые просто усвоили ряд привычных ассоциаций, воспринятых в той или иной последовательности.

Подумайте обо всем этом, лорд Мильдрей. От вашего отношения к происходящему многое будет зависеть не только в вашей жизни, но и в жизни Алисы и еще многих людей, которых вы сейчас встречаете и в обществе которых обращаетесь. К сожалению, по причинам, от меня не зависящим, я не могу сказать вам больше. Могу только прибавить, что сейчас вы стоите у перекрестка дорог. И в зависимости от вашей энергичности и мужественного поведения, в зависимости от истинной доброты и силы вашего благородства в этот момент, вы услышите тот или иной зов жизни. И вы можете создать такую семью, которая даст возможность великой

душе сойти на землю и, под охраной вашей любви и доброты, пройти свой новый человеческий путь.

Флорентиец привел Мильдрея к водопаду. Красота природы, чудесное утро и слова хозяина не только развеяли печаль гостя, но и окрылили его. Выйдя из водоема, выдолбленного водой, падающей с высокой скалы, и поеживаясь от холода, лорд Мильдрей сказал:

– Если бы я даже не входил в эту купель, которая меня освежила, – я все равно чувствовал бы себя воскресшим от одного только общения с вами, лорд Бенедикт. Самое великое, что я понял сейчас из ваших слов, это то, что сила любви не боится понятия разлуки. Пока что для меня знать и уметь – это действительно разные вещи. Но я не теряю надежды, что в вашем благом присутствии оба эти понятия когда-нибудь сольются в одно самоотверженное и радостное действие, то есть в умение быть истинно добрым и, думая о людях, забывать о себе.

Флорентиец и лорд Мильдрей вернулись домой как раз вовремя, чтобы успеть переодеться и встретиться с остальными за завтраком. Пастор чувствовал слабость и усталость, но все же прошелся по парку. Под руку с дочерью, в сопровождении Сандры, дошел он до обрыва, откуда ему особенно нравился вид на открытые дали. Но после обеда он сейчас же поднялся к себе. Алиса не оставляла отца ни на минуту. Она, казалось, совершенно не замечала ни его слабости, ни его особенной ласковости, в которой сквозила нежность прощания. Она вела себя так, как всегда, как будто отец был здоров, но не покидала его.

– Алиса, дитя мое, пошла бы ты погулять. Вон все идут на ферму с лордом Бенедиктом.

– Нет, папа, мне так хочется побыть в тишине с вами. – Раздался стук в дверь, и вошел лорд Мильдрей.

– Лорд Уодсворд, не разрешите ли посидеть рядом с вами? Мне так захотелось побыть в вашем обществе, что я не мог устоять и решился побеспокоить вас. Вы не сердитесь на меня за это?

– Не только не сержусь, но и счастлив, что вы зашли ко мне. Моя Алиса не покидает меня, как я ни прошу ее отдохнуть немного от моего стариковского общества. Не скрою, мой друг, что радость быть столь любимым моей дочерью и вами – большое вознаграждение мне за прожитую жизнь.

– Знаете, папа, вы у меня настоящий феномен. Другой человек на вашем месте мог бы гордиться собой. А вы совсем не цените себя и все то, что сделали для людей, для науки. Лорд Бенедикт сказал, что сюда собирается приехать целая делегация от Академии наук, чтобы вручить вам какую-то исключительную награду за книгу, которая завтра должна выйти в свет. В Академии узнали от лорда Бенедикта, что вы нездоровы и не сможете прибыть в Лондон на заседание, на котором вам хотели вручить эту награду. А вы, мой дорогой отец, одно смирение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.